

DOCTOR WHO

РАЗДЕЛЕННАЯ ВЕРНОСТЬ

ГАРИ РАССЕЛЛ

Гари Расселл

РАЗДЕЛЕННАЯ ВЕРНОСТЬ

Past Doctors Adventures

PDA26

Серия «Прошлые Приключения Доктора»

1999 г.

Перевод Светланы Федосеевой

Редактор Марина Резникова

2013 г.

*Перевод выполнен с целью ознакомления и не
предназначен для коммерческого использования*

РАУНД 1

ПОСЛАНИЯ

ГЛАВА 1

ЕЕ ТЕЛО В МОЕЙ ДУШЕ

ТАРДИС летела в пространственно-временной воронке; датчики отклонений защищали от возможных опасностей, хотя постепенно автоматические средства управления медленно воздействовали на предопределенный набор команд, открывая ворота между воронкой и реальным пространством. Она отклонилась в сторону и направилась в практически пустую область, отмеченную на карте.

Он редко нуждался во сне — и, конечно, не так часто, как его трое юных спутников — но когда засыпал, то это был хороший и глубокий сон.

Доктор мог бы припарковать ТАРДИС на какой-нибудь планете, но это почти всегда приводило к различным приключениям, а он чувствовал, что всем им необходим отдых. Во время их последней остановки в Лондоне случился пожар. Поскольку Паддинг-Лейн пала жертвой огня и золы, он направил ТАРДИС обратно в космос, желая быть подальше от неприятностей. Таким образом, не оставалось ничего иного, кроме как дрейфовать по скучной области галактики, пока все они отдыхали.

Спальня Доктора была причудливым местом, в котором находилась большая кровать, покрытая балдахином и шелковыми простынями. На ней лежал огромный игрушечный кролик шоколадного цвета. Оригинал Джексона Поллока был прикреплен к двери жевательной резинкой.

— Эй, Доктор, — стояла подпись в углу, — счастливого времени и места. Дж.

Однажды Доктор случайно уронил банки с красками на холст, но результат настолько впечатлил художника, что позднее он подарил ему эту уникальную картину. Он назвал ее «Небо в дождь для человека, который никогда там не был». Тогда Доктор путешествовал с Романой, которая дала по этому поводу содержательный комментарий: «Черт возьми, никогда ничего не знаешь заранее». С ней они уже давно рас прощались — в прямом смысле, целую жизнь назад.

Доктор, спящий в ТАРДИС, был молодым, светловолосым человеком с привлекательным лицом, словно бы созданным для улыбки. Обычно он носил эдвардианский длинный бежевый плащ, но сейчас тот был перекинут через пластмассовые плечики в виде Микки-Мауса. Доктор был одет в белую пижаму с вышитыми на ней вопросительными знаками.

Если сон был достаточно редок для него, то сновидения бывали еще реже.

В этот момент во сне он находился в странном бесконечном коридоре. С одной стороны стены, потолок и пол были идеально белыми, с другой — черными как уголь, и между ними — мертвая зона, в которой отсутствовали тени. Доктор стоял одновременно на обеих половинах; его часть с темной стороны выглядела как негатив на пленке.

Он поднял обе руки для сравнения, но, фактически, не был удивлен.

— Доктор... Помоги мне...

Голос был мужским, но он не узнавал его. Он попытался что-нибудь сказать, но не смог произнести ни слова. Позади него хлопнула дверь, но он был неспособен повернуться. И снова. И снова.

— Сколько дверей тебе пришлось закрыть, Доктор, прежде чем ты понял величину того, что натворил? — спросил другой голос.

Все стемнело вокруг Доктора, оказавшегося в центре внимания. Тьма окружила его, не высветив больше никого. Он больше не был разделен пополам, но в тусклом свете едва мог разглядеть свои руки.

— Доктор... мне нужна твоя помощь. Нам нужна твоя помощь. Мы умираем... — Первый голос казался жалобным.

Неожиданно серия координат и название планеты вспыхнули в уме Доктора. Даймок. Он никогда не слышал о нем.

— Ты должен прийти...

Голос исчез, и свет вокруг его ног начал становиться более ярким. Он закрыл глаза, но даже так он по-прежнему видел свой собственный скелет. Свет поглотил его, и Доктор наконец смог закричать.

Он проснулся в своей постели в холодном поту.

— Сон, — прошептал он. — Мне приснился...

Но, как ни пытался, он не мог ничего вспомнить. Он решил забыть об этом и попробовать снова заснуть. Больше ему ничего не снилось.

* * *

Даймок был небольшой планетой, четвертой в солнечной системе. У него не было спутников или других отличительных признаков. По соотношению суши и воды он приближался к Земле. И все же недавно он стал центром внимания — из-за своих обитателей. Отшельники в то время, когда «отшельник» было словом из «Словаря архаичных фраз», их намерение отделиться от вселенной заинтриговало всех.

В течение последних нескольких десятилетий люди все чаще посещали Даймок, игнорируя просьбы его жителей об уединении и анонимности. Ничто не заинтриговывает массы или не продает новости лучше, чем люди, которые надевают метафорические темные очки, шарфы и шляпы с криком «Убирайтесь прочь». И даймокцы возвещали об этом своим молчанием.

Самый громкий крик был, когда грузовое судно, нанятое новостными репортерами, проникло во внешнюю атмосферу планеты. Если бы кто-то мог отправить сообщение на Землю или соседнюю космическую станцию, действующую как маяк — это бы оказалось напрасно.

Почему?

Потому что некоторым казалось, что корабль был захвачен гигантскими двадцатиногими пауками. Другим — что голоса требуют открыть все шлюзы и выйти навстречу предкам. А трём галогенным техникам в грузовом отсеке? Им вдруг приказали перегрузить их знаменитое темпераментностью оборудование, обычно хранящееся рядом с солнечными стеками, что, естественно, удержало бы экстра-пространственных укладчиков, которые вторгались во Вселенную с провозглашениями войны. Никто, конечно, не знал об этом, потому что, когда солнечные стеки взорвались — это уничтожило весь корабль и пассажиров. Но почему экипаж испытал эти смешные видения и иллюзии?

Это была работа одного старого человека — Смотрителя. И сегодня он стоял на больных подагрой ногах, пристально глядя в ночное небо и видя дальше, чем позволяло его естественное зрение. Он смотрел за темные облака, предвещавшие дождь. Он смотрел за пояс радиации, защищавший его мир от губительных солнечных лучей. Его пристальный взгляд

сфокусировался на области, окружавшей имперскую земную космическую станцию «Литтл Бой II». Точнее, он был сосредоточен на крошечной прорехе в ткани вселенной, которая увеличивалась, чтобы принести что-то из пространственно — временной воронки. Уникальное занятие уникальных людей. Точнее, одного жителя.

— Да, — произнес он вслух, словно его кто-то слушал. — Да, она — та, что мы ищем. Она — та, что нужна мне.

Он перевел взгляд на местность рядом. Позади него черная пирамида устремлялась высоко в воздух — место, где он должен был быть. На вершине.

Он вздохнул, закрыл глаза и сконцентрировался. Это было больно, но необходимо. Он понимал, что не должен открывать глаз — гарантия, что ничто не сможет отвлечь его.

— Вперед.

Медленно, с закрытыми глазами, он подошел к фундаменту пирамиды, нашел захваты и точки опоры, и стал подниматься, используя разум, чтобы почувствовать выступы. Медленно и очень осторожно старик начал свой подъем.

Из-за нее.

ГЛАВА 2

НОВАЯ ТЕМНАЯ ЭПОХА

— Держу пари, сэр, что смогу обыграть Вас.

Сэр Генри Рагглсторп откинулся на спинку своего кожаного стула с самодовольной усмешкой на лице. Почему бы не принять пари? Невозможно, чтобы этот странный человек каким-то образом обыграл его. У него уже было три туза. Шестерка треф соответствовала шестерке бубен на столе — свободная карта, автоматически приравнивающаяся к четвертому тузу. Пятый он пасовал в начале игры. Поскольку все остальное не имело значения, у его противника не было шанса на победу, и сэр Генри принял пари.

— Итак? — сказал тот, улыбаясь, поскольку положил свои карты вниз на зеленое сукно стола слегка театральным жестом.

Слышалось тяжелое дыхание людей, столпившихся вокруг.

— Вы считаете, что... у Вас есть способности к игре, сэр Генри, не так ли?

Сэр Генри уставился на открытые карты, лежащие перед ним. Шестерка червей и четыре туза — такое сочетание давало пять.

— Король столов, — называли они Вас, сэр. — Король столов.

В его собственной руке были четыре карты, среди которых меньше чем минуту назад было три туза. Теперь лишь тройка и шестерка треф, валет червей и восьмерка бубен.

Все напрасно.

Он заскрипел зубами и выложил карты на стол, в его глазах было удивление. Как такое могло случиться?

Дома его жена занималась вязанием, дочь готовилось к выходу в свет. Сын учился, чтобы занять его место (с полной гарантией, конечно) в Марлборо. Все трое ожидали возвращения их мужа и отца домой в течение этой ночи. Но сегодня вечером, если бы сэр Генри возвратился домой, он был бы полностью сломанным человеком. Никто в клубе фактически не знал о пари между ним и этим незнакомцем. Его можно было разорить — но метод сэра Генри был безошибочен, именно так он сделал свое состояние. Купленный титул. Ложь и обман на пути в высший свет. Без особой причины ему вдруг вспомнился прошлогодний триумф — он танцевал с женой на балу во время коронации короля Джорджа. Он пожал плечами, и образ пропал.

Как карты могли измениться?

Как незнакомец смог обмануть?

Но обвинять его без серьезного основания было невоспитанностью. И кто бы поверил ему?

Сэр Генри встал со своего стула, слегка поклонился и с трудом улыбнулся незнакомцу.

— Если Вы извините меня, сэр, Ваша победа несколько удивила меня. Я скоро вернусь.

Когда он повернулся к уборной, то услышал, что речь незнакомца изменилась, теперь это был голос богатого и образованного человека.

— Послушайте, сэр Генри, это — всего лишь игра. Я наслаждался спортом, но у меня нет намерения разорить Вас. Или повредить Вашей репутации короля столов. Давайте обсудим мое... вознаграждение.

Сэр Генри замер на месте. Такое поведение было невыразимо грубо, особенно в клубе. Его честь была подвергнута сомнению предложением незнакомца заплатить долг — каким бы он ни был. Рассерженный, сэр Генри обернулся и подготовился к спору со своим мучителем. На долю секунды он закрыл глаза — он чувствовал, что это весьма легкомысленный поступок, — но все прошло, и он открыл глаза снова. Он больше не был в клубе.

Не было никаких кожаных стульев. Ни тихой речи, ни случайного шелеста "Таймс". Ни звона очков, ни звука разливающегося виски или хорошего бренди. Вместо этого сэр Генри находился ... где-то в полностью другом месте. Его головокружение прошло

от легкого бриза, и, насколько он мог видеть, земля была похожа на серию причудливых картинок, казавшихся случайными и неясными. Они простирались далеко в каждом направлении, и самые дальние имели форму квадрата.

Это походило на гротескную, нарисованную ребенком сельскую местность. Как крошечные поля, раскрашенные в разные цвета. В каждом углу находились огромные широкие дубы. Хорошая защита от дождя, подумал он, и на мгновение расслабился перед тем, как вернуться назад к действительности.

— Здесь чего-то не хватает, — услышал он бас возле своего уха.

Сэр Генри увидел, что незнакомец стоит около него. Он больше не был одет как член клуба «Файрстронг» на Джермин-Стрит. Нет, он был теперь в смешной одежде, разноцветной как у шута или фокусника из цирка. Хотя она отличалась и от них. Сэр Генри вспомнил школьные рисунки и картины. Это была одежда древнего китайского чиновника. Мандарина. Но незнакомец не походил на жителя Востока — его речь и облик вполне подходили образованному англичанину конца сороковых.

У него было равнодушное, но весьма добре лицо, которое показалось безмятежным, когда он улыбнулся и махнул правой рукой к самым дальним цветным

областям — синей и оранжевой, зеленой и фиолетовой, розовой и...

— Вам нравится мой дом, сэр Генри Рагглсторп? Мое царство? Разве это — не самое красивое и очаровательное место, которое Вы когда-либо видели?

— Где мы? — вопрос сэра Генри прозвучал спокойно и менее сердито, чем он рассчитывал. Он откашлялся. — Где клуб?

Незнакомец рассмеялся, скорее неприятно, решил сэр Генри.

— Клуб там же, где и был всегда. Смотрите.

Сэр Генри взглянул на зеленый квадрат. На нем возвышалось какое-то дьявольское оборудование, ни с чем подобным сэр Генри ни разу не сталкивался. Оно напоминало человека, но все было огромным — руки, ноги, туловище и голова. Над его головой был круг из проволоки, а на ней самой — грубое подобие лица. На груди светилось крошечное окно. Мандарин указал на него.

— Смотрите на экран, сэр Генри.

Сэр Генри вздрогнул, наклонившись к металлическому человеку, и всмотрелся в окно. Нет, не окно — своего рода, киноэкран. Как один из тех телеприемников, что люди начали использовать в прошлом году. На нем сэр Генри увидел мерцающее монохромное изображение — это был интерьер клуба «Файрстронг», карточный стол, за которым он сидел.

Он нахмурился, пытаясь сосредоточиться.

Со вздохом мандарин вытянулся и ударил механического человека по затылку.

— Волшебный Робот, представление! — скомандовал он.

Изображение мерцало, становясь насыщенней и четче.

— Я недавно модернизировал его приемник в цифровой, — пробормотал мандарин.

Но сэр Генри понял лишь, что его коллеги и друзья по клубу по-прежнему сидели за карточным столом. Настенные часы с маятником в прихожей показывали четверть восьмого. Прошло лишь несколько мгновений с тех пор, как они играли там с незнакомцем.

— Я сплю...

Мандарин засмеялся снова, на сей раз более безжалостно.

— Нет, Вы — жалкое существо, а не мечтатель. Но Вы можете счесть это кошмаром. Смотрите.

И сэр Генри неожиданно потерял равновесие... Нет! Нет, он становился выше, и деревья отступали, пока не стали похожи на грибы у ног. Теперь он мог видеть далеко — поля действительно были крошечными цветными квадратами, покрывающими равнины. Вершины деревьев сформировались в знакомые формы. Числа.

— Вы понимаете теперь, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой. Он не хотел понимать. Мандарин пожал плечами.

— Это действительно не имеет значения, мой друг. Я не прошу понимания. Это — спорт. — Он указал вперед. — Мы стоим на квадрате 1. Взгляните на дерево под нами.

Действительно, ветви сформировали арабскую цифру 1, на следующей области — 2, и так далее. В самом конце вдали он мог рассмотреть цифру 100.

— Как я и сказал ранее, здесь чего-то не хватает. — Мандарин перевернул руку ладонью вверх. — Гайлорд Лефевр? — позвал он.

Клуб фиолетового дыма появился на ладони, приняв форму человека. Он носил зеленую куртку, цилиндр, клетчатый жилет и длинные усы.

— Монсеньор Лефевр присоединился ко мне на пути в Новый Орлеан в 1846 году, — пояснил мандарин. — Он разделяет Вашу страсть к картам. Мне понравился его пароход, но, увы, не его манеры.

Он обратился непосредственно к Лефевру.

— Чего-то не хватает, монсеньор. Это касается Вас.

Лефевр, явно нисколько не смущенный ни резким появлением, ни гигантским размером своего владельца, клубился и смотрел.

— Извините, господин, — он растягивал слова. — Я разберусь с этим немедленно.

Лефевр вновь превратился в фиолетовый дым, который полностью растворился в ладони мандарина.

Прежде, чем сэр Генри смог что-то сказать, его компаньон стал жестикулировать над головой.

— Смотрите, Рагглсторп, смотрите.

И один за другим, каждый цветной квадрат стал внезапно связан с другим с помощью гигантских лестниц либо зеленых змей, которые шипели и извивались.

— Боже мой ... змеи и лестницы!

Мандарин хлопнул его руке.

— Точно. Смотрите.

Лестницы мерцали, становясь змеями, и наоборот. Как мог видеть сэр Генри, это происходило с разным интервалом и на различных квадратах.

— Это делает игру более интересной, Вы так не считаете? В течение минуты квадрат 68 — голова змеи. Но в следующую — становится лестницей. Видите, сэр Генри, существует возможность выигрыша. Не очень большая, но все-таки есть. Я должен немного рискнуть и сам, иначе жизнь была бы невыносимо скучной. Так что, у Вас есть шанс одержать победу. И отправиться домой целым и невредимым.

Стол и три стула появились в мгновение ока.

— Садитесь, — скомандовал мандарин.

Сэр Генри сел. На столе лежала игральная кость.

— Кстати, шестерка даст Вам возможность выбрать любой путь, — услышал он.

На третьем стуле внезапно оказался еще один человек — на вид сильный и безжалостный. Его левую щеку пересекал шрам, а во рту отсутствовал передний зуб. Он носил белый рабочий комбинезон и небольшую кепку.

— Простите его неподходящее одеяние, сэр Генри, но Стефан здесь вечно занят, он — мой самый верный помощник.

— Откуда он?

Стефан усмехнулся.

— Я встретил нашего повелителя в том году, что Вы будете называть 1190-м. Мы заключили пари. Я проиграл.

— Понятно, — сказал сэр Генри. — Какова была Ваша игра? Карты?

Стефан просто пожал плечами.

— Я полагал, что мой предыдущий хозяин, король Фредерик, сможет доплыть от одной стороны пролива до другой. Я проиграл.

— И Рыжая Борода упокоился на дне Босфора. Храбрый воин. Но его смерть стоила германской армии Третьего Крестового похода, а Стефану — его свободы.

Стефан посмотрел на своего хозяина, и сэр Генри увидел лишь восхищение в его пристальном взгляде.

— Я теперь лучше играю на флейте. Будучи слугой Небесного Повелителя.

Мандарин рассмеялся с ложной скромностью.

— О, Стефан, ты льстишь мне. — Он посмотрел на сэра Генри. — Большинство людей называет меня Игрушечником. В своем роде смесь Уолта Диснея, Чарльза Дарроу и Хироши Ямочи, если хотите. — Сэр Генри смотрел безучастно. — О, ну, в общем, не берите в голову.

Игрушечник указал на игральную кость.

— Итак, приступим, господа?

— Если я проиграю? — Сэр Генри спросил спокойно, хотя после того, как он увидел Лефевра и Стефана, он знал ответ. Игрушечник загадочно улыбнулся.

— Вы можете неходить туда, сэр Генри.

Он хлопнул в ладоши, чтобы стол и стулья развернулись так, чтобы все три игрока могли получить лучший вид на квадрат 1. На нем стоял механический человек, и с этого места расходились три дороги для игры.

— Боже мой, — сэр Генри почувствовал себя плохо.

Перед ним, ничего не осознавая, стояли его жена и оба ребенка.

— Ах, да, — добавил Игрушечник. — Я так и знал, что забыл Вам о чем-то сказать.

ГЛАВА 3

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Командир Оуквуд стоял в лифте, поднимающем его на капитанский мостик станции. Хотя она не была космическим кораблем, старая навигационная терминология все еще использовалась командами ретрансляционных станций — таких, как этой. Он провел пальцем по внутренней части воротника белой униформы, отчаянно желая, чтобы та была сделана из материала помягче, поскольку его шея стала шире, а подбородки умножились. К сожалению, никто на Земле еще не придумал подобной вещи, поэтому он был вынужден либо носить неподходящее одеяние, либо сесть на строгую диету, чтобы вернуться к тому командиру Оуквуду, каким он был два года назад, когда его назначили на эту должность.

Глубоко вздохнув, он открыл дверь и вышел на мостик, мгновенно отметив, что все находятся на своих местах. Утренний обход всегда проходил в одно и то же время. Главный старшина Таунсенд улыбнулась ему со своего автоматизированного рабочего места, множество схематических отчетов с различных частей станции вспыхивали на ее терминале.

— Доброе утро, Кристан, — сказала она, передавая ему пачку распечаток. — Докладывать нечего.

Оуквуд пожал плечами. Какая неожиданность. За два года, проведенные в пустоте между солнечными системами, командиру фактически не приходилось работать по-настоящему. «О, смотрите, зажглась новая звезда» или «Боже мой, Фипенц опять пролил молоко на файлы» были самыми захватывающими сообщениями из всех, что они получали.

В конце концов, виной тому, что имперская земная космическая станция «Литтл Бой II» находилась так далеко, была обычная бюрократическая путаница. Наблюдение за планетой Даймок и проверка маркерного буя, сохранявшего этот мир изолированным от всех остальных — в этом и заключалась вся их работа.

Тридцать лет назад Даймок потребовал изоляцию от любопытных соседей. Поскольку в первую очередь это касалось землян, империи пришлось взять на себя ответственность и гарантировать, что больше никто не вмешается в их частную жизнь. Имя Оуквуда было вынуто из метафорической шляпы, и ему выпало стать командиром станции на ближайшие три года. Только Сара Таунсенд и Никос Паладопус входили в постоянный состав, так как семнадцать команд сменяли друг друга на различных станциях каждые шестнадцать недель.

Оуквуд передал отчеты Никосу.

— Держи, Ники.

— Приветствую, босс, — ответил лейтенант Паладопус, подмигивая Таунсенду. — Рад видеть Вас сегодня счастливым и бодрым.

Утомленно вздохнув, Оуквуд щелкнул выключателем своего терминала. Обработанный металлический голос, переведенный на земной стандарт, быстро заговорил.

— Ваше начальство приказало, чтобы Вы не приближались к Даймоку. Мы вновь заявляем об этой привилегии. Мы не терпим посторонних. Уходите.

Теоретически, сообщение нужно было передавать без остановки на всю станцию, но Оуквуд устал от этого после первых восьми часов, и установил другой режим — тридцать секунд каждые четыре часа. Любые новички, засомневавшиеся в его эффективности, получали выговор от командира и в ближайшие два месяца после этого занимались вывозом отходов и очисткой воздушных пробок.

— Что-нибудь личное?

Таунсенд покачала головой. Оуквуд ожидал известий о свадьбе дочери. Профессиональные обязанности мешали ему посетить саму церемонию, но он надеялся получить голограмму или запись. Даже учитывая временную задержку — свадьба была три месяца назад — к настоящему времени уже должно

было хоть что-то прибыть. Сара Таунсенд надеялась, что его дочь не попала под влияние бывшей миссис Оуквуд и не проигнорировала отца, который в глубине души полагал, что причина в этом. Возможно, свадьба потребовала много затрат — бедная Сара знала это по своему опыту.

— Следующий эфир через три часа, Кристан, — сказала она.

Оуквуд пожал плечами, присел на стул и взглянул на экран, который показывал Даймок и несколько местных звезд. Иногда он менял координаты, чтобы взглянуть на что-то иное. Чаще всего это была Земля.

— Компьютер, открой файл «Оук 3.4».

— Вы никогда не отказываетесь от работы, а, босс? — сказал Паладопус.

— Я должен что-то делать, Ники, или я сойду с ума.

Экран изменился, транслируя запись приближения грузового судна к орбите Даймока. Крошечные числа в углу указывали, что это случилось примерно двенадцать лет назад. Посыпалось то же самое зарегистрированное предупреждение с планеты, но, видимо, грузовое судно проигнорировало его. Прозвучал голос одного из предшественников Оуквуда, приказывая грузовому судну отступить. Затем произошла странная оранжевая вспышка — очевидно, взрыв — и корабль исчез. Никаких признаков того, кто или что могло вызвать его. Оуквуд знал, что в отчете

его предшественника было указано, что ничто бы не спасло находящуюся рядом станцию от этого взрыва — на «Литтл Бое II» не было вооружения, чтобы отклонить метеоры и другие осколки. И никто не мог пойти и спросить людей с Даймока, если они были ответственны за это. Кроме этого, главный вопрос — что там делало грузовое судно? Общий слух поддержал идею, что одна из крупных новостных корпораций наняла его, чтобы нарушить соглашение и добыть больше сведений о Даймоке. Компании «Интергалактик», «ГалВеб» и даже «ЕВС» отрицали свое причастие, но Оуквуд сомневался относительно всех них. Он поддерживал теорию, что это было совершено их общими усилиями — никто не сознавался, защищая таким образом остальных. Это было странно — обычно ни одна из корпораций не медлила с малейшими обвинениями в адрес другой.

Он остановил кадр перед взрывом и стал внимательно просматривать следующие, пытаясь уловить его начало. В который раз.

— Компьютер, увеличь масштаб декомпрессии в нижнем правом углу.

И так же, как прежде, компьютер увеличил цифровое изображение декомпрессии — крошечный фрагмент судна, отброшенный от главного корпуса. Кадр за кадром он смотрел, как вспыхивает пламя из образовавшегося отверстия, спустя три кадра

погашенное вакуумом. На следующих восемнадцати кадрах первое отверстие стало обширной глубокой дырой в корпусе судна в редких отблесках огня, быстро гаснувшего по мере исчезновения кислорода. Он приказал, чтобы компьютер слегка уменьшил масштаб, пока грузовое судно не заполнило экран, и тогда стали видны отверстия по всему корпусу. Двадцать три кадра спустя судно исчезло, оставив два-три фрагмента, бесцельно вращающихся в космосе, пока спасательная команда со станции не собрала их неделю спустя. Сколько времени он потратил, вновь и вновь просматривая это? Сколько времени потратили его предшественники?

— Ники, как много ты знаешь о нашей компьютерной системе?

Паладопус нахмурился, услышав неожиданный вопрос.

— Не моя область, командир.

— О, забудь про официальность, Ники. Зная твой интерес ко всему сомнительному, скажи, как работают компьютеры?

Игнорируя изумленные взгляды остальной команды на мостице, Паладопус вздохнул.

— Что точно Вы хотите узнать?

— Возможен ли, используя связи между компьютерными системами, способ искусственного создания изображения замеченного грузового судна.

— Вы имеете в виду, используя все компьютерные записи за это время?

Оуквуд кивнул.

— Конечно, это должно быть где-нибудь сохранено. Сейчас я даже чихнуть не могу, чтобы об этом спустя четыре секунды не узнали на Земле. И все из-за этих компьютеров.

Паладопус принялся копошиться в консоли, что-то бормоча. Оуквуд, сидевший на стуле, усмехнулся.

— Это — лучшее, что мы можем сделать сегодня, Ники. Возможно, ты сумеешь помочь в работе над любимым проектом безумного командира.

Если Паладопус и считал Оуквуда безумцем, он промолчал и сконцентрировался на своей новой задаче.

— Командир, — нахмурилась Таунсенд.

— Заметила что-то странное на Даймоке?

Оуквуд тотчас оторвался от клавиатуры. Он посмотрел на показания датчиков Таунсенд и аналогично начал хмуриться.

— Ники, — сказал он резко, — забудь сейчас об этом.

Со вздохом Паладопус взглянул на датчики, чтобы понять, что встревожило его коллег.

— Здесь ничего нет, — сказал он. — Это просто... остановилось.

Паладопус говорил о непрекращающемся потоке информации о Даймоке, где записывались все действия, связь планеты со станцией, их повседневная жизнь.

— Что-то блокирует сигналы?

Это было первым серьезным происшествием с прибытия Оуквуда на станцию, и он почувствовал, как от страха по его спине начинают стекать капли пота. Его команда проверяла все, с помощью чего они могли переустановить контакт. Пальцы Таунсенд быстро двигались по клавиатуре со знанием дела, связывая каждый возможный сбой, проверяя все датчики. Паладопус перешел к регулированию их внешних спутников, в то время как все остальные работали, шумно обсуждая случившееся. Через несколько секунд послышался громкий крик Оуквуда.

— Все заткнулись, живо. — Команда замерла. — Спасибо. Да, у нас потенциально опасная ситуация, но мы быстрее разберемся с этим, если будем работать спокойно и эффективно. Продолжайте.

Обсуждение продолжалось, но уже тише, и специалист по связям отключил болтовню от остальной части «Литтл Боя II», ограничившись собственным наушником. Оуквуд подошел к Таунсенд.

— Ну?

— Все в порядке, Крис. Станция работает, как и четыре минуты назад. Это планета виновата в остановке. Словно что-то было выключено или...

Оуквуд кивнул и включил интерком.

— Всем внимание. Отметьте, что мы потеряли контакт с Даймоком в 08.47. Все должны проверить свои отчеты и искать что-нибудь необычное — космические явления, отказ оборудования и тому подобное в это время. Сообщите главному старшине Таунсенд обо всех найденных результатах в течение пятнадцати минут. — Он выключил интерком. — Ники, Сара, в моем штабе через двадцать минут, хорошо?

Они кивнули, и он ушел с мостика и вернулся в свою отдельную комнату, мысленно придумывая сообщение, которое он собирался отправить на Землю. Но он хотел разобраться в этой загадке прежде, чем поднимать тревогу. И все же, в глубине души, он знал, что вряд ли узнает что-то новое. У него была команда, знающая свою работу. Пятнадцать минут или пятнадцать секунд, все они были достаточно хороши, чтобы сказать ему о чем-то немедленно, как само собой разумеющееся. В 08.47 не случилось ничего необычного, за исключением того, что Даймок — что бы там ни было — исчез. Он испытывал иррациональное чувство страха и вины. Страха, что что-то было достаточно сильным, чтобы заставить Даймок исчезнуть. И вину, что это случилось на его глазах.

ГЛАВА 4

ИЗ ВСЕХ НАШИХ ПОСТУПКОВ

— Это ведь не Хитроу, так?

— Нет.

— Это даже не Земля?

— Нет.

— Двадцатый век?

— Нет.

— Ты вообще знаешь, где мы? Или когда?

Доктор смотрел на экран сканера ТАРДИС. Но Тиган подозревала, что причина не в движущейся по нему бессмыслице, а в том, что Доктор не хотел встречаться с ней взглядом. Который, как она знала, был обличительным, неумолимым и непримиримым. Она изогнула губы — ее отец однажды это назвал похожим на «выпячивание кошачьей задницы».

— Ну?

Доктор вздохнул и отошел от консоли ТАРДИС. Ее сигнальные огни, небольшие рычаги и мониторы асинхронно мигали, делая окружающее похожим на эпилептическую дискотеку.

— Знаешь, Тиган, мне было бы легче сконцентрироваться на возвращении тебя домой, если

бы я не чувствовал, что за любой ошибкой последуют твои обвинения.

Тиган фыркнула.

— Ну, если бы ты не ошибался так часто, я бы вполне могла простить тебя!

Адрик, сидевший у дверей ТАРДИС, жуя ярко-красное яблоко, оторвался от чтения книги и взглянул на них так, словно увидел впервые. Тиган ненавидела этот взгляд с примесью превосходства и высокомерия, ведь он исходил от того, кто считал, что желто-зеленая пижама — это вершина высокой моды.

— Конечно, — сказал он, видимо думая, что добавит что-то умное, — если бы ты прекратила спорить с Доктором, то мы бы не стремились избавиться от тебя и могли бы начать наслаждаться нашим путешествием по Вселенной.

Он вновь возвратился к своей книге.

Тиган не была уверена, стоит ли проигнорировать эти слова или вышибить из него дух. Это не ее вина, что Доктор не может вернуть ее. Назад к работе, о которой она мечтала — летать на самолетах, а не полицейских будках. И это не ее вина, что характер брал верх над нею время от времени. И уж, конечно, не ее вина, что ей приходилось жить с тремя пришельцами различного происхождения, ни одного из которых она не понимала. Если честно, она их боялась. Они были ненормальными, и она была заперта с ними!

Взять, к примеру, Доктора. Когда она встретилась с ним впервые, он был на пятнадцать лет старше, чем теперь, с кудрявыми каштановыми волосами и настолько сильной индивидуальностью, что все, включая ее, трепетали перед ним. Затем после несчастного случая он изменился, буквально на ее глазах, в молодого белокурого человека, который любил крикет и выглядел всего на пять-шесть лет старше ее.

Или Нисса. Вот классический пример повреждения. Сколько ей, семнадцать? Или восемнадцать? Ее родители были мертвы. Ее мачеха была мертва. Весь ее мир разрушился, и она была единственной, оставшейся в живых. И что она сделала? Пожала плечами и уткнулась в научные книги, чтобы узнать о чем-то под названием «телебиогенезис». Вряд ли подходящее увлечение для подростка. Когда Тиган было восемнадцать — это были музыка, фильмы с рейтингом R и мальчики — бедная Нисса должна была мечтать о кинозвездах, заводить друзей, посещать клубы. Черт, даже печаль была бы не столь плоха. Но это не походило на скрытие эмоций после всего случившегося.

Даже Адрик. Сопляк и высокомерный подросток, любящий рисоваться на публике. Ах, да, возможно, он бы мог быть математическим гением, но здесь он просто мальчик со слишком большим количеством

мозга и недостаточным его применением. И что же он делает? Он пытается неостроумно шутить и вообще забывает регулярно мыться. И она и Нисса предложили, чтобы Доктор поговорил с ним о том, как меняется тело, и предложил ему дезодорант, но Доктор внезапно пробормотал что-то вроде «был где-то, пару столетий назад, нет, спасибо» и куда-то исчез. Тиган чувствовала запах пота, и даже автоматически очищающаяся атмосфера ТАРДИС не могла от него избавить. Вздохнув, Тиган поняла, что в одном Адрик был прав. Спор с Доктором действительно ничего не решал, ухудшая общее настроение.

Она собиралась принести извинения, когда с преувеличенным вздохом Доктор достал из кармана плаща свою кремовую шляпу и надел на голову.

— Хорошо, — мрачно сказал он, — любой, кто хочет присоединиться ко мне снаружи, может сделать это. — Он смотрел прямо на Тиган. — Мы также могли бы узнать, насколько далеки от Хитроу 1981-го.

— Доктор?.. — Тиган начала говорить, но он просто поднял глаза к потолку.

— Не сейчас, Тиган, пожалуйста. Ты уже сказала все, что думаешь.

И затем, пристально взглянув на нее — это напомнило ей, что ему было около тысячи лет, а не тридцать, в его глазах отражался старик и мудрец, заключенный в тело молодого человека, который

никогда не получал должного уважения и почтения — Доктор небрежно потянул красный рычаг, открывающий двери ТАРДИС. После чего Адрик завизжал как щенок, поскольку был откинут одной створкой двери, а его книга и яблоко — другой.

— Уу! — пожаловался он.

— Это научит тебя внимательней выбирать место, — сказала Тиган, автоматически перенося свои разочарованность и раздражение на мальчика.

Адрик, конечно, не отреагировал на комментарий — как с гуся вода.

Нисса вошла в комнату управления ТАРДИС. Коричневые брюки, которые она нашла в шкафу в ТАРДИС, соответствовали ее жакету с Тракена (даже волосы были безупречно уложены), и они оба выглядели так, словно только что обновили гардероб. Как она умудрялась так делать?

— О. Мы где-то приземлились?

Настроение Доктора тут же изменилось, и он улыбнулся молодой спутнице.

— Да, Нисса, — сказал он. — Я думаю, тебе понравится.

Проигнорировав Адрика и Тиган, Нисса шагнула к Доктору, и они вместе покинули ТАРДИС. Гневно взглянув на Адрика, Тиган бросилась им вдогонку.

— Эй! Подождите меня! — прокричала она.

Доктор стоял, засунув одну руку в карман, а другой — с помощью свернутой шляпы — указывал на особые детали и фрагменты дизайна откровенно унылой, серой комнаты. Между Доктором и Ниссой существовала некая связь, которую Тиган никогда не понимала и которой слегка завидовала. В некотором роде, Нисса была юной и женской версией самого Доктора. Их объединяла любовь к науке, исследованию и знанию. Их также объединяла удивительная способность потеряться, оказаться запертыми, под обстрелом и вообще попадать в любые возможные неприятности. Тиган удивлялась, насколько быстро она привыкла к той мысли, что они путешествовали практически под руководством ТАРДИС, а Доктор выглядел обычным пассажиром, который побывал в двенадцати (как минимум) галактиках лишь по ее прихоти.

Тиган знала, что Адрик стоял за ее плечом, тоже смущенный видом комнаты. Его выдавало движение вздернутым носом — так он симулировал незаинтересованность, когда в действительности ему было так же любопытно, как и тем двоим — хотя скорее из-за врожденного любопытства, чем научного интереса.

— Она большая, — бессмысленно произнес он.

— Есть какие-нибудь предположения, где мы? — Доктор смотрел вниз на Адрика, как учитель мог бы смотреть на глупого ученика.

— Космический корабль? — предложила Тиган.
Если бы они могли закончить недавний спор...

— Возможно, возможно, — кивнул Доктор. Он подпрыгнул, чтобы проверить силу тяжести. — Но не чувствуется никакого движения.

— Оно есть, — сказал Адрик. — Но очень медленное и постоянное.

— Космическая станция, — вновь высказала догадку Тиган. — Она медленно вращается, создавая искусственную силу тяжести. Или что-то еще. — Остальные взглянули на нее, и она почувствовала, что снова ошиблась.

— В яблочко, — сказал Доктор, указывая шляпой на нее. — Высший класс, мисс Джованка.

— Она с Земли, — сухо добавила Нисса. — Как обычно.

Она стояла у двери, рядом с которой были таблички красного и зеленого цвета с надписями «Открыть» и «Закрыть» на английском языке.

— О, хорошо, — пробормотал Доктор, и Тиган показалось, что его слова не были лишены сарказма. — Интересно, где мы?

Нетерпеливый, как всегда, Адрик подошел к двери и нажал на зеленую табличку с надписью «Открыть». Дверь медленно открылась.

— Адрик! — закричал Доктор.

— Что?

Со вздохом Доктор взял Адрика за плечи и отодвинул в сторону. Он выглянул за дверь, затем вернулся.

— Сколько раз мне повторять тебе, что не стоит вот так просто открывать двери? — он покачал головой. — Здесь мог кто-то быть.

— Мог, — ответил Адрик, — но здесь никого нет.

— Вряд ли это..., — начал говорить Доктор, выходя в ярко освещенный коридор с идентичными серыми металлическими стенами. Он оглянулся на спутников.
— Ну? Идем или нет?

Тиган покачала головой и последовала за Ниссой и Адриком внутрь космической станции. По крайней мере, она знала, что это была космическая станция. Это уже лучше.

* * *

Командир Оуквуд сложил руки, положил ноги на стул напротив и склонил голову. Завтрак только что закончился, а у них по-прежнему была проблема. Одна, но чрезвычайно огромная. Он все еще раздумывал над сообщением на Землю, но предпочитал подождать, пока не появится больше фактов. Или вариантов и предположений случившегося, чтобы он смог ответить на вопросы с Земли, даже если ответы будут не совсем верны.

Послышался звук открываемой двери.

— Да? — Он не пошевелился и не открыл глаза. Важно, чтобы он выглядел спокойным, как и всегда.

Сара Таунсенд выглядела такой же спокойной, когда подходила с планшетом в руках, читая входящие сообщения. Ей нравился ее планшет. Почему бы нет? Она была одним из трех человек, которым разрешалось иметь его. Находясь они на космическом корабле, он был бы у каждого. Но не здесь. Не на космической станции, охраняющей глупую планету.

— Итак?

Сара нахмурилась.

— Ничего, сэр, кроме мгновенного всплеска энергии в стеках. Что выглядит странным...

— Поскольку нет других возможных выработок энергии в стеках, — закончил фразу Оуквуд.

— Крис, этот всплеск произошел точно в ту же самую секунду, когда мы потеряли контакт, плюс—минус три десятых.

— Точно в секундах?

— Как я и сказала...

— Плюс-минус три десятых. Хм, — Оуквуд встал и поправил форму. — Ничего не стоит упустить из виду, каким бы незначительным оно ни казалось, главный старшина Таунсенд. Хотите сопровождать меня к стекам?

Усмехаясь, Сара Таунсенд кивнула, автоматически поднимая коммуникатор, прикрепленный к запястью.

— Мистер Брон, встретьте меня и командира в Лифте 4, пожалуйста.

Короткий электронный звук в качестве подтверждения заставил ее улыбнуться. Брон, их единственный офицер охраны, был с ними меньше трех месяцев, но уже получил репутацию человека, неспособного говорить впустую.

Она последовала за Оуквудом к одному из четырех лифтов. Лейтенант Паладопус догнал их.

— Эй, босс, этот всплеск энергии действительно выглядит странно. Я не сталкивался с таким раньше, но ничто не указывает на связь с Даймоком. Это могло быть обычным совпадением.

— Чертовски удобно, — рявкнул Оуквуд. — Насколько странное?

— Небольшое смещение воздуха. Однако обычно смещение происходит при перемещении тяжелой техники и груза, а это больше походит на перемещение... ну, ничего. И все. На мгновение было похоже, что воздух в комнате стал легче. И более плотным.

Таунсенд нахмурилась.

— Ты имеешь в виду, что что-то вытеснило воздух?

— На молекулярном уровне — да. Словно там появилось что-то. Таким образом, воздушные молекулы должны были переместиться, чтобы приспособиться к этому. Но это, конечно, чепуха.

— Абсолютно. Полнейшая чепуха, — подтвердил Оуквуд. — Что ж, давайте пойдем и посмотрим, были ли изменены законы физики или нет.

Он нажал вызов лифта, и двери открылись, показывая еще одного человека — Брона.

— Доброе утро, Дрю, — громко сказал Оуквуд. Брон кивнул, подтверждая его слова, но ничего не ответил. Таунсенд и Паладопус понимающие улыбнулись — Брон вел себя абсолютно так, как они предполагали.

Остальная часть поездки в лифте прошла в тишине, пока они не достигли стеков. Стеки были «машинным отделением» станции — обширная серия комнат с пультами управления, показывающих систему жизнеобеспечения, мощность, компьютерные передачи и тому подобное. Также, вдоль стен за пределами станции, находилась серия маленьких грузовых отсеков, где поставки могли быть доставлены на борт, и мог состояться переход между суднами. На станции не было технологий, чтобы позволить им состыковываться.

Именно к одному из грузовых отсеков Брон сейчас вел команду. Внезапно он остановился и поднял руку, как регулировщик, чтобы остановить их. Они прислушались.

Голоса. Никто из команды не должен быть здесь — место было полностью автоматизировано. Помимо

этого, голоса говорили не о нынешней проблеме, волновавшей каждого.

— Пираты? — предположила Таусенд.

Паладопус пожал плечами, но Брон покачал головой и, доставая пистолет из-под жакета, произнес два слова:

— Или диверсанты!

— Очаровательная структура, — произнес Доктор.

— Космическая станция была построена в середине двадцать четвертого века, когда империя Земли достигла наивысшего расцвета.

— Почему людям так нравится быть империей? — спросила Нисса.

Доктор внезапно остановился и осмотрелся, как будто здесь мог найтись ответ.

— Эм...думаю, сюда. Прости, Нисса. Видишь ли, в то время как на Тракене был создан союз между пятью или шестью планетами в их солнечной системе, земляне — очень любознательны и предприимчивы. Они ненавидят соглашения, и во всем ищут выгоду для себя. В принципе, так можно сказать о каждом. Согласна, Тиган?

Однако Тиган была заинтересована другим. Это был номерной знак, встроенный в стену коридора. Доктор всмотрелся в пластину, затем подышал на нее и протер медь рукавом.

— Отличная находка, Тиган. Видите, я был прав. Это хорошо. — Он всмотрелся в слова. — Взгляни, Нисса, обозначено две тысячи триста семьдесят восьмым.

— Выглядит изношенным, — сказал Адрик.

Доктор на мгновение зажмурился.

— Да, спасибо, Адрик. Возможно, ты прав. Скорее всего, ей несколько лет, но, по существу, это классический вид. Он увидел еще одну табличку — «Литтл Бой II».

— Типично для людей. Ирония, совпадение или невежество, интересно, что из них?

Нисса нахмурилась, явно смущившись.

— «Теперь я стал Смертью. Разрушителем миров».

— Доктор всмотрелся в надпись. — Я действительно надеюсь, что это — совпадение.

Он обернулся и покачал головой на безмолвный вопрос Тиган и Ниссы. Вероятно, цитата из Китса или Вордсворта. Или, скорее, из того произведения Шелли — «Озимандия»¹.

Адрик подошел к ним и остановился.

¹ Цитата из «Бхагавад-Гиты», была произнесена после взрыва первой атомной бомбы Робертом Оппенгеймером, научным руководителем работ по ее созданию.

— Смотрите, — сказал он, словно обнаружил сокровищницу, а не обычный указатель. — Это ведет к Лифту 4.

— Зачем нам может понадобиться лифт? — спросила Тиган, но прежде, чем Доктор успел ответить, Адрик уже исчез за углом.

Со стоном Доктор последовал за ним, но, достигнув угла, остановился.

— Боже мой, — сказал он спокойно, скорее себе, чем Тиган или Ниссе.

Когда они догнали его, Тиган увидела причину беспокойства Доктора.

Адрик находился рядом с крупным бородатым человеком, который приставил оружие к его голове. Трое других людей, двое мужчин и женщина, увидели Доктора и двух девушек.

— Ужасно жаль, — сказал Доктор. — Ребяческий энтузиазм. Вечно доставляет неприятности.

Люди напротив него никак не отреагировали.

— Кто вы, черт побери?

Доктор поднял руки, сдаваясь, и Тиган сделала то же самое. После небольшой паузы Нисса последовала их примеру.

— Здравствуйте. Меня зовут Доктор. Если бы вы отпустили Адрика, это сделало бы наш разговор менее напряженным.

Вместо этого человек с оружием еще сильнее схватил Адрика, заставляя мальчика вздрогнуть.

Человек, спросивший их, вышел вперед. Хотя он, очевидно, не был вооружен, на Тиган он произвел сильное впечатление. На вид ему было слегка за сорок, над левым глазом был небольшой шрам. Черная как уголь кожа натолкнула Тиган на мысль, что он родом из Эфиопии или что там стало в двадцать четвертом веке.

— Командир? — это было мягким предупреждением от высокой, белокурой женщины позади него. Около нее стоял худой человек с привлекательным лицом, который, несмотря на его хмурый взгляд, выглядел так, как будто он никогда не прекращал улыбаться.

Командир пожал ей руку и продолжил идти.

— Все в порядке. Если этот Доктор попытается выкинуть какой-нибудь фокус, мистер Брон тотчас же пристрелит его юного друга.

— В этом нет необходимости, мы не опасны. Мы — просто путешественники, которые слегка заблудились.

— Да, это так, — услышала Тиган свой голос.

— Заблудились? Здесь? Я так не думаю, Доктор, кем бы вы ни были.

Командира, казалось, не заботила их внешность, однако, как отметила Тиган, он был скорее заинтересован, чем взволнован.

— Вы ведь с Даймока, так?

— Вообще-то, с Тракена, — сказала Нисса.

— А он — с Галлифрея, — добавила Тиган.

На лице Доктора появилось выражение отчаяния.

Эй, она только пыталась помочь.

— Это неважно, — произнес он. — Послушайте, наш транспорт приземлился в вашем грузовом отсеке. Мы просто вернемся, и вы сможете забыть о нас.

Командир покачал головой.

— Нет. Я думаю, что мы должны посмотреть, как вам удалось приземлиться на этой станции.

— Конечно, — отозвался Доктор. — Никакой системы стыковки — просто с помощью соединительной трубы с большого корабля. Это — модель VI, не так ли?

Командир пожал плечами. Он указал на тот путь, по которому они пришли.

— Знаете, я видел похожую модель, — продолжил Доктор. — Потерял связь с кораблем. Разбился, я полагаю. Ничто не вечно.

Его подшучивание прекратилось, поскольку командир толкнул его вперед, приставив оружие к спине. Вздохнув, Тиган последовала за ними.

— Оружие. Всегда мужчины с оружием...

— И часто вы так врываетесь на космические станции? — спросила женщина. — По мне, вы не похожи на обычных космических пиратов.

Доктор попытаться объяснить, глядя на человека, который ориентировался по небольшому портативному приспособлению, пищащему в руке. Тиган знала, что оно приводит к ТАРДИС, но, когда они подошли к грузовому отсеку, человек, идущий первым, нахмурился.

— Это здесь, командир, и все же его нет. Оно замечается датчиками, но постоянно колеблется. Это не похоже на реальный предмет.

— Спасибо, лейтенант, — сказал командир, — нам это пригодится.

Тиган подумала, что это было вполне хорошим описанием ТАРДИС, хотя она путешествовала в ней всего лишь несколько недель. Она ожидала, что Доктор согласится с описанием лейтенанта, и была озадачена, когда он, несмотря на приставленное оружие, выхватил датчик из руки того человека.

— Это неправильно, — пробормотал он. — Абсолютно неправильно. — Он перевел взгляд на Тиган.

— Тиган, ты снова что-то натворила с управлением ТАРДИС?

— Нет, — сказала она. Как он мог подумать, что она способна на это!

— Нет, Доктор, боюсь, что это был я, — послышался новый голос, очевидно из ниоткуда.

— Если это так, то у нас сейчас большие неприятности, — Доктор продолжал, как будто ничего не слышал. — Я думаю, что сейчас неподходящее время вовлекать в них этих бедных людей.

Но Тиган не слушала его. Кто-то, не будучи в грузовом отсеке, говорил с ними. Она знала, что была не единственной, услышавшей это — Нисса и Адрик тоже удивленно озирались по сторонам. Но Доктор и стационарный персонал проигнорировали их, глядя на портативное устройство лейтенанта. Доктор протянул руку к ТАРДИС и тут же отдернул назад.

— Силовое поле! — воскликнул он.

— Чей это был голос? — спросила Тиган.

— Пожалуйста, отпустите меня, — послышалось хныканье Адрика. После кивка командира, Брон отпустил его, и тот подошел к Ниссе. Он улыбался, забыв о том, что именно из-за его любопытства они оказались в таком положении.

Доктор не обратил внимания. Он хмурился, глядя на дверь ТАРДИС. Затем он раздраженно засунул руки в карман и посмотрел на командира.

— Боюсь, пришло время сказать правду, командир.

— Это даже больше, чем я просил, — парировал пожилой человек.

— Чей это был голос? — тихо спросила Нисса у Адрика, но он просто покачал головой.

— Скажите мне точное время, когда Вы потеряли контакт с Даймоком. И почему Вы еще не сообщили об этом на Землю?

Командир нахмурился и снова поднял оружие, но на сей раз Доктор взглянул на него тем самым пристальным взглядом, который был хорошо знаком Тиган. Он словно говорил «Я — очень старый, нетерпеливый пришелец, который действительно сыт по горло необходимостью опускаться на уровень простых людей, но я это сделаю, потому что жалею вас». Видимо, командир почувствовал это и сам, так как ответил на вопрос Доктора, сказав, что станция потеряла контакт примерно пятнадцать минут назад. То, что Доктор знал, что что-то подобное произошло, испугало Тиган, но независимо от того, было ли это уловкой, она сработала. Командир и Доктор выглядели сейчас старыми друзьями. Она оглянулась на ТАРДИС и затем протянула руку, чтобы коснуться ее. Единственный дом, который был у нее сейчас, потерянный в пространстве и времени, пока Доктор не выполнил свое обещание и не вернул ее на Землю. В 1981 год. В настоящий дом. Ее рука прижалась к невидимому силовому полю, которое не пустило Доктора.

Она смутно узнала голос, и была уверена, что доносится из абсолютно другого места.

— Привет, Тиган!

И затем она сама оказалась где-то в полностью другом месте.

ГЛАВА 5

ТАИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Куда бы ни направилась Тиган Джованка, она видела одно и то же. Обширные небоскребы вокруг гавани, торговые центры и деловые районы, кафе и парки. Высокие, мерцающие стеклянные структуры смешались с традиционными кирпичными зданиями меньшего размера. Обычный город. Брисбен. Ближайший к ферме город — и сцена субботних авантюров с Сюзанной, Хиссон, Дэйвом и Ричардом. Пробежка с парома по магазинам. Покупка одежды и пластинок Джона Леннона и «АВВА». Косметика и кошельки. Все эти вещи в тринадцать лет — попытка сказать друзьям, родителям и, что еще более важно, самим себе, что они выросли. Вошли в мир взрослых. Девчонки забегали в магазины, чтобы примерить десяток различных топов и юбок, в то время как мальчики обсуждали их.

Тиган Джованка знала центральный Брисбен наизусть.

Почему же она не уверена, что находится именно здесь?

Она посмотрела на своё отражение в одном из застеклённых фасадов восемнадцатиэтажных банков, затемнённое стекло больше отражало, чем позволяло ей заглянуть внутрь. Но вместо того, чтобы увидеть своё отражение, уставившееся в ответ, оно, казалось, смеялось над ней. Упрекало. И оно было почти на двенадцать этажей выше, чем должно было быть.

О, и Брисбен был полностью пуст. Автомобили, припаркованные на улицах. Автобусы, ждущие на остановках. Но никого в них. Никого на улицах. В магазинах. В кафе. Никаких птиц в воздухе. Никаких звуков воды от гавани. Ничего. Это выглядело так, будто она шла через трехмерную фотографию Брисбена.

Внезапно она услышала звук. Что-то падало сверху. Она отскочила в сторону, и в этот момент огромный черный мусорный мешок свалился на шоссе прямо перед нею. Он тут же разорвался, и из него во всех направлениях полетели клочки бумаги, перемещаемые беззвучным порывом ветра, которого Тиган не чувствовала. Один листок бумаги остался лежать на месте. Тиган подняла его. «Привет, Тиган» прочитала она.

Здесь был кто-то еще.

Или это был сон.

И кто-то еще.

Здесь что-то было две секунды назад.

Или это кошмар.

Она скомкала листок и бросила его в сторону.

— Здравствуйте? — ее голос казался маленьким среди необъятных зданий. Но она не услышала эха. Словно город поглотил ее голос. Но ее, возможно, мог услышать кто-то поблизости.

— Здравствуйте? — закричала она, но, тем не менее, ее голос прозвучал как шепот. — О, трусливые люди — это смешно.

Она направилась в ту сторону, куда летели клочки бумаги. К гавани — она видела, что вода блестела в ярком солнечном свете.

— Доктор? Нисса?

Если бы кто-нибудь знал, что происходит, то они были бы здесь. Никого. В отчаянии, она попробовала еще раз.

— Адрик?

Ей показалось, что она услышала что-то позади нее, но там ничего не было.

Но когда она обернулась, чтобы продолжить путь к гавани, дорога вперед оказалась заблокирована. Небоскребом.

— Этого только что не было, — сказала она. Пожав плечами, она отвернулась и направилась к небольшому переулку, который, как она помнила, приведет ее к главному торговому центру. Да, он все еще был там. За исключением того, что путь был заблокирован

воротами из проволочной сетки с пятью... нет, шестью огромными замками. Она заметила, что крошечные кусочки зубчатого стекла выросли над воротами, став приблизительно семь дюймов высотой.

— Теперь я знаю, что сплю, — пробормотала она. Однако это означало, что она, как и предполагалось, пошла не тем путем. Быстрый взгляд налево подтвердил, что небоскреб все еще блокировал гавань. Тиган отправилась дальше, периодически сталкиваясь с препятствиями, которых не было в прошлый раз. Внезапная догадка посетила ее.

— Конечно! — закричала она. — Это — лабиринт!

— Наконец-то, — послышался голос откуда-то из Брисбена, но также близко к ее правому уху.

— Эй, я видела сны и похуже, — громко сказала она, чувствуя, что ее голос вновь еле слышен. — Я справилась с Марой. Я справлюсь и с Вами.

— Действительно? — спросил голос. — Скучно в моем небольшом лабиринте? Возможно, стоит добавить немного остроты?

Это было не тем ответом, которого ожидала Тиган. Она надеялась, что — вспоминая недавнее умственное сражение против Мары, который пытался войти в реальный мир, управляя ею во сне — ее противник поймет, что она сильнее, чем он ожидал. Судя по голосу, ее попытка не удалась. Что и следовало ожидать.

— Адрик!

Перед нею стоял ее спутник, засунув руки в карманы и пристально глядя на нее. Нет, это призрак. Тиган обернулась и увидела Ниссу.

— Все очень просто, моя дорогая, — сказал голос.— Вы должны сбежать из моего лабиринта. Я предполагаю, что правила понятны. Вы не сможете сжульничать.

Тиган задумалась, знаком ли ей голос. Он не был резким, как у Мары. Скорее, старым, мягким и доброжелательным. Он напомнил ей дедушку-англичанина — такой же культурный тон, речь образованного человека. Однако в этом слышалось некое самодовольство, предположила Тиган, и он скорее раздражал ее.

— Мне нужно еще что-то знать? — спросила она и была приятно удивлена, что впервые ее голос прозвучал нормально.

Она почувствовала порыв ветра. Как небольшой бриз от поверхности Брисбенской гавани сентябрьским утром.

Словно в ответ, в конце улицы появилась фигура. Это был робот, настоящий робот из 1950-х. Тиган тут же вспомнила старую игру из детства, когда она училась правописанию, игру под названием «Волшебный Робот». Для того, чтобы она могла произнести слово правильно, робот двигался по

нужным буквам.. Этот робот был очень похож на него — тускло-серый металл, квадратная голова и тело, короткие ноги и руки и экран на груди. На экране вспыхнуло 1800.

— Ах, да, — наконец ответил голос. — Мой робот должен помочь Вам найти выход. Я советую слушать его. У Вас есть тридцать минут. О, и последнее. Ваши молодые друзья здесь не Ваши друзья. Вообще. Я не стал бы доверять им, будь я на Вашем месте.

Словно в подтверждение его слов, Нисса достала маленький прямоугольник. Ионное устройство, с помощью которого она помогала Доктору на Кастровальве. Но Тиган знала, что оно могло также использоваться в качестве оружия. Тем временем Адрик снял пояс и начал делать из него лассо.

Тиган поняла, что они не были ее настоящими друзьями из ТАРДИС. Нисса никогда не была столь холодной и замкнутой, а Адрик никогда не владел такой координацией!

Робот обратил ее внимание на большой знак — деревянную стрелу со словами «ЭТОТ ПУТЬ», указывающую налево.

— Когда мне начинать? — спросила Тиган.

В качестве ответа на экране робота начался обратный отсчет. 1799, 1798, 1796...

И Тиган бросилась спасать свою жизнь.

Лицо человека на пирамиде на Даймоке выражало отчаяние. Его глаза были плотно закрыты, он концентрировался. Его...их... последняя надежда... таяла.

— Нет, — сказал он в никуда, его голос хрипел из-за высохших голосовых связок — Нет, это неправильно. Она — наше спасение. Она — наше будущее. Она — наша судьба.

Его глаза мгновенно открылись, привлеченные сиянием. Что-то непрошенное.

— Не вмешивайся, — сказал новый голос, исходивший из его рта. — Оставь нас, старик. Твое время истекло.

Но, раз борьба с демоном шла внутри него, старик снова закрыл глаза, глубоко вздохнул и сказал собственным голосом:

— Мы встретим нашего спасителя. Мы встретим нашего спасителя. Она появится, и Вы ничего не сможете сделать с этим. Ничего!

Тиган забежала за угол, ожидая найти путь к гавани, но вместо этого там стоял робот, и на его груди продолжался обратный отсчет.

— Кто Вы? — закричала она сердито. — Я сыта этим по горло!

Она устала и хорошо знала, что то, что происходило, было неправильно. Она остановилась.

— Хорошо, Вы победили. Я больше никуда не побегу. Знаете, почему? Потому, что это нереально. Я знаю, что это сон. Мой разум подвергнут какому-то эксперименту!

Робот начал шагать к ней, испуская шипение каждый раз, когда он сгибал коленный сустав или руку. Глубоко вздохнув, Тиган закрыла глаза и повернулась к нему спиной. Она снова открыла глаза, готовясь идти вперед.

Перед нею появился человек. Лет тридцати, его темная, почти оливковая кожа придавала ему вид жителя средиземноморья. Он был одет в длинную, бордового цвета одежду, на его голове была маленькая бордовая тюбетейка, прикрывавшая темные волосы.

— Помогите мне, — прошептал он. — Помогите мне!

— Кто Вы?

Он, нахмурившись, посмотрел на нее, словно заметил впервые.

И затем, с правой стороны от неё, из тени появилась другая фигура. Он был похож на обычного фокусника, которых она видела в бесчисленных телешоу и на плакатах цирка. Белый человек выглядел как китайский мандарин, за исключением поддельных усов и ужасно подведенных, как у китайца, глаз. Он был высок и выглядел внушительно. Он носил круглую черную шапочку с узором из золотых и серебряных нитей. На

его шелковой одежде были вышиты китайские драконы, вместо глаз у них были рубины, изумруды, алмазы и даже жемчуг.

— Это действительно не очень хорошо, — сказал он первому. Тиган узнала его голос.

— Эй, что Вы думаете....

Мандарин поднял руку, и Тиган почувствовала невидимую заслонку вокруг горла. Она не могла говорить. Не могла произнести ни звука.

— Ведите себя потише, — сказал он, скорее бессмысленно. У Тиган не было выбора.

Мандарин продолжал идти к человеку, который словно не замечал его. Две фигуры столкнулись, но ни один не упал. Вместо этого Тиган увидела, что человек исчез, как будто мандарин поглотил его.

— Какой-то трюк, — сказала она, заметив, что может говорить, поскольку мандарин слегка расслабился. Мандарин повернулся к ней.

— Вы не забавны, Тиган Джованка. В Вас нет того, в чем я нуждаюсь. Уходите из моей сферы.

— Минутку, — сказала она. — Вы не можете сначала преследовать меня, а затем...

Мандарин внезапно оказался прямо перед нею.

— Игрушечник может делать все, что он хочет в этой Вселенной, дитя. Помните это. Теперь. Уходите.

Тиган сидела на полу рядом с ТАРДИС. Спутники и члены команды стояли вокруг нее с заинтересованным видом.

— Ты в порядке? — спросил Доктор.

Тиган кивнула. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаясь прийти в себя. Два лица вспыхнули в ее подсознании. Во-первых, тихий человек в бордовом. Во-вторых, очень старый, хилый человек, стоявший на вершине пирамиды. Оба говорили «Тиган Джованка. Помоги мне!»

Все исчезло.

— Что произошло, Тиган?

— Я, я не знаю, — сказала она, пытаясь удержать в памяти хотя бы фрагмент того, что только что видела. Но оно исчезло. — Я не могу вспомнить.

Доктор положил руку на ее плечо.

— Я думаю, что ты переутомилась, — произнес он.

— Наверно, ты прав, — ответила она.

Поскольку они покидали грузовой отсек, Тиган обернулась, чтобы взглянуть в последний раз на ТАРДИС. Перед ней сидел мандарин с самодовольной улыбкой на лице.

Она закрыла глаза и пожелала, чтобы он исчез. Когда она открыла их, он действительно исчез, наряду с воспоминаниями Тиган о нем. ТАРДИС стояла, где обычно. Одна. Ну, этого и следовало ожидать. Она пожала плечами и последовала за остальными.

ГЛАВА 6

СВЕТ ГАСНЕТ

Ей не нравилось это место, где бы оно ни было, но она не хотела, чтобы об этом узнал кто-либо еще.

— Это не Кент? — спросила она.

— Нет, мадам. Это — сфера моего владельца.

— Моя игрушечная комната, — пояснил Игрушечник, появляясь из-за темного бархатного занавеса. — Кто здесь у нас, Лефевр?

— Настоящий игрок, повелитель, — ответил Лефевр.

— Ставка? — Игрушечник взглянул на молодую женщину и улыбнулся. — Насколько я понимаю, она весьма высока.

— С чего Вы это взяли, мистер мандарин?

Игрушечник поклонился, сложив руки, насколько позволяли большие рукава его одежды.

— Поскольку, мадам, некая аура окружает Вас. Она наводит на мысль, что Вы привыкли брать от жизни все.

Женщина пожала плечами и сняла кожаный жакет, небрежно перебросив через плечо.

— Да, возможно, Вы правы, сэр. Вы не хотите объяснить, почему я здесь?

— Я — Игрушечник, мадам. Господин Лефевр — одно из моих самых лучших приобретений. Мы играем в игры. С самой высокой ставкой.

Женщина осмотрела просторную комнату, в которой она находилась. В ней было множество статуй в натуральную величину, которые выглядели случайно попавшими сюда, стоя перед различными указателями в странных позах. Казалось, будто кто-то только что свалил их, даже не пытаясь подготовить к выставке должным образом. Она приблизилась к одной, римскому легионеру. Рядом с ним была женщина в эдвардианском платье — она держала приглашение на бал, вырезанное так, что слова были удобочитаемыми — и с красивым ожерельем на шее.

— Должна сказать, что это — истинные произведения искусства. Не то, что бы я была экспертом, но их детали восхищают. Кто этот товарищ?

Она взглянула на высокого человека с усами. Фасон его костюма был... необычным, и он смотрелся в нем гордо и прямо. В руке он держал бумажник; присмотревшись, она заметила, что на банкнотах было лицо не короля, а какой-то женщины. Королеву она не узнавала.

— О, это — счастливчик Бингэм². Каким он на самом деле не был. Не самый приятный из Ваших соотечественников и довольно ужасный спортсмен. Я спас его от неприятностей дождливой ночью 1974-го. Если бы он обыграл меня в трик-трак, то я бы оставил его справляться самостоятельно. Но я победил. Как обычно.

Конечно, это могло быть обычным дурачеством, но что-то в тех банкнотах заставило ее содрогнуться. Выражения лиц статуй колебались от спокойствия до ужаса, от отстраненности до замешательства или удивления. Они не были обычными статуями.

— Я не хочу показаться грубой, хотя охотнее бы стала такой. У меня есть только самолет.

— Летчица? Это — то, чем Вы занимались? — Игрушечник закрыл глаза, и она заметила, что Лефевр сделал то же самое. Она почувствовала, будто кто-то ворошил ее ум, ее воспоминания. Давно забытые мысли и чувства пронеслись перед ее мысленным взором.

— У Вас была захватывающая жизнь, моя дорогая. Вы столько сделали — мир, то есть Ваш мир, оправданно гордится Вами. Теперь, давайте посмотрим, где господин Лефевр спас Вас от... Ах да... Земля.

² Ричард Джон Бингэм, седьмой граф Лукан, бесследно исчез в 1974 г., обвиненный в убийстве няни своих детей.

Устье Темзы — около Кента, не так ли? Направление к Ла-Маншу, летя в одиночку... 6-ого января 1941 года.

Глаза Игрушечника открылись, и он улыбнулся.

— Вторая мировая война. Один из моих любимых периодов. Мадам, позвольте мне представить Вам — подполковник Марк Конрад, США, Корпус морской пехоты. — Он стоял перед статуей человека в военном мундире, хотя она вновь не смогла определить форму. — Должен признаться, он не доставил проблем. Он находился в той части войска, которая штурмовала Авранш в июле 1944. О, конечно, для Вас этого еще не произошло.

— Американцы не принимали участия в этой войне, — сказала женщина, но уверенный тон Игрушечника заставил ее усомниться в этом.

— Они примут, мадам, они примут.

Он щелкнул пальцами, как будто пытался что-то вспомнить. Из ниоткуда возник странный механический человек, и она слегка отступила. Это походило на существа из сериала «Бак Роджерс»³. На его груди был маленький киноэкран. Игрушечник указал на него.

— Это Ваш?

³ «Бак Роджерс» — фантастический телесериал 1939 года.

На экране был ее самолет — тот, которым она управляла, когда монсеньор Лефевр появился около нее. Сначала она предположила, что он — безбилетник, но он сказал ей лететь к облаку. Следующее, что она помнила — она стояла около самолета в обширном деревянном ангаре, и Лефевр сообщил ей, что его повелитель хотел бы поговорить с ней.

— Почему я здесь, мистер Игрушечник?

— Я готовлю новую игру для одного из моих старых противников, мадам. Я ищу дополнительных игроков, и господин Лефевр увидел Вас в зеркале памяти. Он подумал, что Вы выглядели так, как будто наслаждались трудностью.

— У меня официальный государственный заказ, сэр. Идет война, если Вы забыли, и BBC нуждаются во мне, чтобы получить тот самолет в.. в...

— Да?

— Я... Я не могу вспомнить, куда я летела.

Игрушечник улыбнулся.

— Я думаю, что она привыкает к нашему образу мыслей.

— Если Вы мучаете шулеров и им подобных, почему я здесь?

Она наконец избавилась от страха. Несмотря на эту призрачную сферу, в которой она оказалась, она будет вести себя как истинная дочь BBC.

— Я не играю на деньги!

— Не играете на деньги? — Игрушечник громко рассмеялся. — Не играете на деньги. Дорогая леди, Вы находились в довольно ненадежном летающем изобретении, пересекая обширное пространство и океаны в плохую погоду, во время войны, и Вы говорите, что не играете на деньги. Вы ставили свою жизнь против стихии. Милосердные небеса, мадам, это — самая большая возможная азартная игра. И Вы проиграли! — Он практически кричал. — И Вы говорите, что Вы не играете на деньги. Господин Лефевр спас Вашу жизнь, мадам, предложил Вам место в истории. Играйте в игру, и Вы сможете добраться до места назначения в целости и сохранности.

— Потерпела неудачу и... ну, что я могу сказать?

Изображение самолета исчезло из груди металлического человека, переместившись в руку Игрушечника. Модель. Игрушка. И все же что-то подсказывало ей, что это нечто большее. Царапины, которые она увидела на конце крыла, были подобны глубокой ране, которую получило ее судно несколькими моментами ранее. И та трещина в кабине...

— Боже мой! — она тяжело задышала.

— Очень любезно с Вашей стороны. — Игрушечник указал на стол, которого не было несколько секунд назад. — Простая игра в крибидж, мадам. Как Вы можете проиграть?

Она смотрела на модель самолета, которую он передал Лефевру, ее взгляд был направлен в пустую кабину. Затем она посмотрела на статуи. Независимо от того, чем они действительно были. Затем она посмотрела на Игрушечника пристальным взглядом, который многим был хорошо знаком.

— Я сомневаюсь, что у меня есть шанс победить, Игрушечник, но я не сдамся без борьбы. Приготовьтесь к лучшей игре в Вашей жизни.

— Я люблю энергичных людей, — он просмотрел на Лефевра.

— Закуски, Гайлорд. И мои поздравления по случаю находки первого достойного противника с тех пор, как... хорошо, с Вами! — он раздал карты.

— Вы начинаете, миссис Джонсон⁴. В конце концов, это — Ваша игра.

⁴ Эми Джонсон, знаменитая женщина-пилот Великобритании, первая в мире женщина, совершившая одиночный перелёт из Англии в Австралию, погибла 6 января 1941, перегоняя самолет из Блэкпула. Тайна ее гибели до сих пор не раскрыта, а все сведения строго засекречены.

ГЛАВА 7

ПРИТВОРСТВО ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ

— И Вы говорите, что коммуникации были отключены в тот момент, когда мы... прибыли?

— Практически одновременно, Доктор.

— Ясно, — Доктор улыбнулся командиру Оуквуду.

— Я понимаю, почему Вы подумали, что мы могли быть связаны с этим.

— Подумал?

— Ах, так Вы по-прежнему убеждены в этом? — Доктор обернулся и посмотрел на него. — Знаете, мы действительно находимся на стороне ангелов.

Адрик вмешался в разговор:

— И когда мы сделаем что-то не так — только тогда Вы будете знать, что не стоит доверять нам.

Возникшая тишина заставила его нахмуриться.

— О, спасибо, Адрик, — сказал Доктор. — Ты вовремя помог, как и всегда. — Он посмотрел на команду станции. — Мой юный друг пытается сказать...

— Неважно, Доктор, — отрезал Оуквуд. — Дело в том, что мы понятия не имеем, что произошло на

Даймоке, и было бы очень кстати, если бы это была ваша вина, это было бы прекрасным совпадением — даже вмешательством судьбы — для нашей службы безопасности.

Нисса присоединилась к разговору.

— У нас на Тракене есть поговорка — Вселенная состоит из совпадений, которые вместе образуют одну счастливую случайность.

Оуквуд, Таунсенд и другие взглянули на ее смеющееся лицо.

— Скажите мне, Доктор, — произнес Паладопус, — Вы путешествуете с этими людьми по дружбе, или Вы совершили преступление, и они — Ваше наказание?

Волна короткого, но необходимого смеха сломала напряженность на мостике, и все немного расслабились, хотя Ниссу и Адрика слегка удивили эти слова.

Доктор надел очки и стала просматривать отчеты на мониторе Таунсенд, вновь и вновь заостряя внимание на последнем сообщении с Даймока, в то время как Тиган пыталась избежать пристального взгляда Паладопуса. Затем она решила спросить напрямик.

— У Вас привычка рассматривать каждую женщину на станции или Вам просто нечего делать?

Оуквуд попытался остановить улыбку, появившуюся на его лице, в то время как Таунсенд подняла бровь в притворной тревоге. Паладопус

выглядел смущенным, он что-то пробормотал в оправдание и покинул мостики.

— Тиган, — склонился к ней Доктор. — Стоит вести себя слегка подружелюбнее.

— Вот и будь таким, Доктор, а я просто хочу попасть домой. Помнишь об этом?

Он по-иному взглянул на нее.

— Сменим тему. Что произошло, когда ты попыталась дотронуться до ТАРДИС?

Тиган открыла рот, чтобы ответить, но задумалась. Она не знала ответа на его вопрос, и это тревожило ее. Тем не менее, она ответила — как всегда, более агрессивно, чем хотела бы.

— Что ты имеешь в виду?

Доктор внезапно улыбнулся, и Тиган почувствовала, что успокоилась.

— Хорошо, — сказал он, — как только я смогу разобраться в здешней проблеме, мы докажем нашу невиновность и вернем тебя домой.

— И насколько это трудно? — прошептала она, надеясь, что никто их не услышит.

— В смысле?

Тиган вздохнула.

— В смысле, ты знаешь, насколько трудно вернуть меня домой. Каждый раз, когда ты хочешь приземлиться на планете, мы оказываемся на космическом корабле и наоборот. Трудно выйти без

того, чтобы люди вокруг не стали падать замертво дюжинами...

Тиган остановилась, понимая, что зашла слишком далеко.

Доктор посмотрел на нее поверх стекол очков.

— Тиган, тебе кто-нибудь говорил, что рад, когда ты рядом?

— Нет, в последнее время нет.

— Нет? Интересно, почему? — Доктор возвратился к своей задаче.

С преувеличенным вздохом Тиган выпрямилась и пригладила униформу. Нисса обещала поискать в гардеробе одежду для нее, вместо того, чтобы заставлять ТАРДИС каждую ночь волшебным образом восстанавливать сиреневую униформу стюардессы. Странно, что все это время она и Адрик носили то, во что были одеты, когда попали в ТАРДИС. Даже Нисса лишь единожды сменила непрактичную юбку на брюки. Возможно, никто из них не хотел чувствовать себя постоянным жильцом ТАРДИС, как будто Доктор мог выполнить обещание и вернуть их по домам. Или все они просто цеплялись за остатки их старых жизней, к которым — в глубине души они понимали это — уже никогда не смогут вернуться. Тиган встряхнула головой, чтобы избавиться от этой мысли.

Все на мостице усердно выполняли свою работу, правда, она не увидела среди них ни Адрика, ни Ниссы.

Что касается ТАРДИС... она протянулась, чтобы дотронуться до ТАРДИС и... Она чувствовала, что там случилось что-то, о чем стоило рассказать Доктору. Почему-то ей вспомнился Брисбен. Дом. Ферма ее отца. Почему она вспомнила об этом сейчас? Она оглянулась на Доктора, погруженного в работу, и поняла, что мысль безвозвратно ушла. Что, скорее всего, означало, что это не было слишком важным.

Уязвленный замечанием Тиган, Паладопус нашел Адрика и Ниссу в столовой, куда Брон сопроводил их несколькими моментами ранее. Лейтенант решил присоединиться к ним, чтобы поесть — точнее, к Адрику, Нисса держала только стакан с водой.

— Итак, откуда вы? — решил он начать беседу.

— Тракен, — ответила Нисса.

— Тракен? Никогда не слышал о нем. Это в Европе?

— Не глупите, — произнес Адрик, жуя что-то розовое и липкое, — он находится в другой части галактики.

— Метула Орионис, — сказал Нисса. — Точнее, был.

— Был?

Нисса пожала плечами.

— Он был разрушен. Целое созвездие. Человеком в теле моего отца.

Паладопус задумался, стоит ли развивать эту тему.

— Продолжайте.

— Видите ли, на самом деле все просто. Думаю, даже человеку с Земли будет понятно, — подхватил Адрик. — Самый старый враг Доктора, Мастер, убил мачеху Ниссы, а затем поглотил ее отца, потому что он умирал.

— Кто, ее отец?

— Нет! Мастер, конечно. Он нуждался в новом теле, поэтому использовал власть Источника на Тракене, чтобы слиться с Тремасом и таким образом омолодиться. Позднее, когда он хотел получить власть над Вселенной, он использовал энтропию, чтобы полностью уничтожить созвездие, откуда родом Нисса. Она — единственная, оставшаяся в живых.

Паладопус не был уверен, насколько это являлось правдой. Он посмотрел на Ниссу.

— Это так? Ваш отец был пойман в ловушку этим Мастером?

Нисса подтвердила.

— Я не уверена, осталась ли в нем часть моего отца, или он был поглощен Мастером полностью. Однажды я спросила Доктора, существует ли возможность вернуть моего отца.

— И что он ответил?

— Я... Мне кажется, он так и не ответил. Наверно, это невозможно. Но я часто думаю о своем отце. Когда ночью я закрываю глаза, то вижу его, мою мать,

Кассио, Хранителя, всех их в саду на Тракене, — она глубоко вздохнула. — Я скучаю по нему.

Паладопус коснулся ее маленькой руки, надеясь, что она не будет реагировать, как Тиган. Вместо этого Нисса просто посмотрела вниз, а затем улыбнулась ему.

— Я в порядке. В ТАРДИС я занимаюсь исследованиями и научными экспериментами. С Доктором весело, и рядом есть Тиган и Адрик. Мы поддерживаем друг друга.

— Я — тоже сирота, — добавил Адрик, заметив, что перестал быть центром внимания.

— Действительно?

— Да, и я из другой вселенной. Мои родители мертвы, мои братья мертвы, а мой народ на самом деле — пауки, выросшие в речных фруктах. Вот откуда я родом, — он сделал паузу. — Доктор тогда был другим. Он выглядел старше. Это забавно — чем старше он становится, тем моложе выглядит. — Он усмехнулся. — Разве жизнь не странная штука? — Он доел свою порцию. — Так или иначе, я предпочел бы быть со старым Доктором.

— Адрик!

— Но это так, Нисса. Мы много путешествовали. — Адрик протянулся за своим напитком, но, как только коснулся его, все закружилось, а стул под ним исчез. — Что...

Падая, он попытался схватиться за Ниссу. Но ее там не оказалось. Он больше не был на станции — Адрик чувствовал дуновение ветра и видел, как листья шелестят на деревьях. По земле катились речные фрукты. Он был дома — на Алзариусе!

— Адрик!

Этот голос, это же... это же был голос Варша. Его брата! Он услышал родителей, Морелла и Танису. Но разве они не были мертвы?

— Возвращайся домой, Адрик, — сказали они в унисон. — Ты нужен нам здесь. «Старлайнер» нуждается в твоих математических способностях — мы не справимся без тебя.

— Нет, Адрик, сюда.

Он повернулся и увидел Дрейта и Гарифа, смотревших на карты звездного неба. Они были лидерами колонии — конечно, он должен был повиноваться им.

— Адрик, — произнес Дрейт, его длинная седая борода развевалась на ветру, — ты видел Вселенную. Возвращайся к нам и используй свои навыки, чтобы рассчитать маршрут домой.

— Адрик!

Это была Джиана, его подруга. Он рос вместе с ней, но они расстались, когда он сказал, что хотел бы быть изгнаниником и мятежником, как Варш. Он больше не видел ее.

— Адрик, ты так храбр, так умен. Ты многое достиг. Победил вампиров, спас тарилов, сражался с Мастером, заманил Феруту в ловушку. Ты — мой герой.

И Джина упала в обморок. Он аккуратно положил ее и направился к старейшинам, по пути говоря семье, что тотчас вернется к ним.

— Все это неправильно, — сказал он, взглянув на карты звездного неба. — Почему Вы не слушали Доктора, он же сказал, что Вам делать?

Доктор, конечно же, сказал им, как возвратиться домой, но, как обычно, никто не слушал его. Никто, кроме Адрика. Он дольше всех был на борту ТАРДИС — с тех пор, как Романа и К-9 остались в Е-пространстве. Вдвоем с Доктором они путешествовали по Вселенной. Пережили большое количество приключений. Вместе они посетили планеты огня и воды, померились силами с армией монстров и победили ужасных деспотов. С помощью хитрости Доктора и способностей Адрика они справились со всеми неприятностями. Они были командой. Семьей. Пока не появились девчонки.

— Я — твой друг, Адрик. Тот, кто понимает тебя. Тот, кто хочет помочь тебе, — послышался новый голос...из воздуха.

— Кто Вы?

Рядом с Адриком больше не было ни старейшин, ни Джианы, ни его семьи. Он находился в зале старейшин... нет, он стоял на мостице «Старлайнера» — огромного корабля, на котором его люди хотели вернуться на Террадон — планету, на которой они никогда, фактически, не были. Человек, говоривший с ним, стоял в центре — обычно там находился старейшина Дрейт. Человек, говоривший с ним, был таким же высоким, как Доктор — настоящий Доктор, а не тот, каким он стал. Доктор, которого Адрик знал и которому доверял. Но Доктор отсутствовал. Человек, который говорил с ним, был одет в странную длинную одежду, украшенную драконами и кругами, и носил прямую плоскую шляпу. Он улыбался, протянув руки в приветствии.

— Как Вы можете помочь мне? Я не нуждаюсь в помощи. Все хорошо.

Адрик знал, что часто обманывался в отношении других людей. По крайней мере, он знал, что другие так думали о нем. Но — нет, у него всегда был план. Он всегда симулировал соглашение, будучи готов в последнюю минуту вернуться к Доктору.

Но не в этот раз. В этот раз он не станет притворяться дураком. Он не хотел давать Тиган шанс смотреть на него тем взглядом, в котором читалось превосходство. Он не нуждался в жалости Ниссы, подтверждающей, что он и вправду что-то планировал.

Не в этот раз. В этот раз Адрик доказал бы, что они все ошибались на его счет.

— Хорошо. Это очень хорошо. — Человек продолжал улыбаться.

— Что хорошо? — спросил Адрик. — Я не понимаю.

— Ах, ты понимаешь, Адрик. Ты очень хорошо понимаешь. Мы похожи, ты и я. Чужаки в чужой стране. Неудачники на потерянных равнинных просторах.

— Как так?

Внезапно человек оказался рядом, хотя Адрик не заметил, как он переместился. Его лицо находилось совсем близко, и Адрик мог почувствовать приятную сладость его дыхания.

— Я тоже из другой Вселенной, Адрик. Я вынужден жить не там, где я родился. О, я знаю, что ты хотел путешествовать с Доктором и увидеть места, о которых мог только мечтать. Но теперь ты хочешь вернуться домой, не так ли?

Адрик покачал головой. Конечно, он не хотел. Ему нравилось быть с Доктором. Если бы только он был еще тем, а не этим Доктором...

— Расскажи мне, Адрик, что произошло? Кто забрал твоего Доктора?

Теперь Адрик был заинтригован.

— Вы знаете о регенерации? Вы — тоже Повелитель Времени? Как Доктор?

Человек улыбнулся.

— О, нет, Адрик. Я намного больше, чем просто Повелитель Времени.

— Кто Вы?

— У меня было много имен. Мои люди... были... ткачи. Прядильщики. Создатели снов, Адрик. Но я заскучал и оставил это крошечное, замкнутое существование. И теперь, Адрик, теперь эта Вселенная — моя игровая площадка.

— Игровая площадка?

— Да, Адрик. Игровая площадка.

Человек вновь переместился. На этот раз он оказался справа от Адрика, около грубо построенного робота, квадратного и серого, с огромными круглыми глазами, прямоугольным разрезом вместо рта и руками, сжатыми в кулаки. И они были... неизвестно где. Конечно, не на «Старлайнере».

— Не думаю, что мы по-прежнему находимся на Алзариусе, — пробормотал Адрик, разглядывая обширную комнату. Он не мог точно понять, где заканчиваются стены и начинается потолок. Все это казалось одной большой сферой, размеченной черными и белыми квадратами — как в той игре, в которую он однажды играл с Ниссой. Шашки. Человек был на противоположной стороне. Он начал идти, наступая

только на черные квадраты, которые, казалось, позволяли ему идти по стенам и потолку. Он приближался к Адрику, пока они не оказались лицом к лицу — только человек висел вверх ногами.

— Кто из нас стоит неправильно, Адрик?

— Вы.

— Ты уверен?

— Да.

— Почему?

— Потому, что..., — Адрик понял, что не знает ответа. Возможно, он был перевернут. Адрик посмотрел на робота, но тот стоял на стене под прямым углом и к нему и к...

— Игрушечник, — услужливо произнес человек. — Чтение мыслей — одна из моих способностей. Я прекращаю это.— Он щелкнул пальцами, и все трое стояли как обычно. Но Адрик не был уверен, кто из них переместился — у комнаты не было горизонтов, которые позволили бы сделать вывод. — Значит, ты не нуждаешься в помощи, так?

Адрик кивнул.

— Все в полном порядке.

— Хватит фокусов. Если ты когда-нибудь будешь нуждаться в помощи, Адрик, просто позови меня. Мы еще встретимся.

— Когда?

— О, это зависит от Доктора, — рассмеялся Игрушечник. — Но, честно говоря, думаю, что это будет очень скоро. Время показать мои любимые игрушки. Взгляни. — Рядом с ними появился декоративный лакированный стол. На нем лежали четыре тряпичные куклы, прототипы которых можно было узнать по одежде. Одна кукла — Адрик, другие — Нисса, Тиган и Доктор. — Тебе придется сделать выбор очень скоро, Адрик. Время, как говорится, не на твоей стороне.

Прежде, чем Адрик успел спросить, что все это означает, он оказался лежащим на полу борту «Литтл Боя II». Нисса и лейтенант Паладопус помогли ему подняться.

— Ты неудачно повернулся, Адрик, — сказал Паладопус.

Но Адрик смотрел в пространство, отчаянно пытаясь вспомнить что-то... или кого-то...

ГЛАВА 8

ГАРДЕН-СИТИ

— Сюда, пожалуйста.

Американец вел их через луг, он явно знал дорогу. Но куда? Миссис Генри Рагглсторп споткнулась об еще одни заросли вереска и попыталась поднять повыше свои длинные юбки, мешавшие ходьбе. Позади нее двое детей изумленно осматривались. Рядом с ними стояла служанка, не менее удивленная.

— Мама, что это за место? — спросил младший из них, мальчик лет тринадцати, одетый в школьную форму. — Как мы здесь оказались?

Миссис Рагглсторп задавала себе тот же вопрос. Она вспомнила, как Элиза объявила ей о посетителе.

— Иностранец, мадам, — сказала Элиза.

Высокий, бородатый человек прошел в гостиную, не дожидаясь приглашения. Он слегка поклонился и посмотрел на Элизу.

— Свободны, Уоткинс, — сказал он спокойно.

Только сейчас миссис Рагглсторп поняла, что это удивило ее — немногие за пределами дома знали фамилию Элизы.

Человек устроился на одном из кожаных кресел, выглядя так, как будто ему давно не приходилось бывать в таких местах. И все же он казался человеком из общества, а не высокочкой из низшего класса, несмотря на его акцент. Множество американцев обосновалось здесь после Первой мировой войны, но большинство из них стали или дешевыми чернорабочими или королями промышленности. Этот человек не был похож на них — он был... уникален.

— Ваш муж был отправлен ...в командировку, — наконец произнес он. — Мой работодатель изъявил желание, чтобы Вы присоединились к сэру Генри как можно скорее.

— Сейчас это невозможно, мистер...

— Лефевр, мадам. Гайлорд Лефевр, родом из Нового Орлеана, а теперь трудолюбивый слуга моего самого щедрого владельца. Как, я рад заметить, и Ваш муж.

— Мой муж, — едко ответила миссис Рагглсторп, — является знаменитым заднескамеечником. У него нет владельца, он — член палаты лордов в парламенте Его Величества. Поэтому у меня нет причины верить Вашим словам, мистер Лефевр. Будьте любезны покинуть дом, или дворецкому придется вызвать местную полицию, чтобы сопроводить Вас...

Лефевр внезапно протянул ей что-то — хотя, когда он зашел в комнату, в руках у него ничего не было. Это

была длинная, тонкая коробка с серебряным зажимом. Китайский дизайн, подумала она.

— Пожалуйста, откройте ее, — произнес он. — Это все объяснит.

Естественно, миссис Рагглсторп отказалась. В конце концов, мало ли что там могло оказаться? Ее начало беспокоить присутствие Лефевра, когда внезапно дверь в комнату открылась. На мгновение она понадеялась, что это Дженкинс или лакей Том. Пусть даже Элиза — кто-то, кто смог бы избавить ее от надоедливого незнакомца. Вместо них она увидела Чарльза, ее тринадцатилетнего сына.

— Мама?

— Уходи, Чарльз. Немедленно. И позови сюда Дженкинса.

Но Чарльз Рагглсторп был очарован коробкой, которую незнакомец протянул его матери. Словно почувствовав это, Лефевр повернулся к нему.

— Чарльз, ты знаешь, что это?

Он открыл крышку и показал мальчику содержимое.

— Это — шахматы, — ответил Чарльз.

Лефевр кивнул.

— Специальный набор, Чарльз. Вырезанный из древесины с Дальнего Востока.

— Это глупо, — сказал Чарльз. — Посмотрите на них.

Лефевр пожал плечами.

— Скажи мне сам, что с ними не так, Чарльз.

Миссис Рагглсторп почувствовала легкий озноб. Ей хотелось закричать, броситься вперед и бросить шахматы на пол. Но она не могла сдвинуться с места — словно плыла в патоке. Казалось, ни Чарльза, ни Лефевра это не затронуло. Она попыталась позвать Чарльза, но не смогла даже прошептать — не говоря уж о крике. Она должна остановить Чарльза, касающегося шахмат; она знала, что в них таится опасность. Инстинкт? Возможно. Инстинкты редко подводили ее в прошлом.

Чарльз протянул руку.

— Это — неполный набор, есть только белые, — сказал он.

— Вот как, — произнес Лефевр. — Тогда покажи мне, где должны быть другие фигуры.

Последней мыслью миссис Рагглсторп перед тем, как она потеряла сознание, было крикнуть Чарльзу, чтобы он не дотрагивался до них. Но она была нема, а он был любознателен. И как только его рука коснулась края шахматной доски, ее мир поглотила холодная тьма.

Следующее, что она помнила — она шла через луг. Рядом с ней были Чарльз и ее дочь, Элизабет Джейн. Лефевр шагал впереди них, а Элиза, Дженкинс и лакей Том следовали позади.

— Теперь уже близко, — произнес Лефевр. — Осталось пройти через те ворота в следующую область.

И впервые миссис Рагглсторп заметила, что он шел не по земле, а слегка над нею. Шел по воздуху? Она гневно посмотрела на слуг, но те праздно болтали, словно все это было своего рода пикником. Элизабет Джейн срывала цветы, и даже Чарльз начал смеяться, когда бросился догонять кролика.

— Нет, — пробормотала она. — Нет, это какая-то ошибка. Мы были в доме в гостиной.

Но никто, казалось, не обратил внимания на эти слова, даже если их и услышали.

Они стояли у ворот, находившихся в высокой стене живой изгороди, отделявшей луг от следующего участка земли. Посыпалось пение птицы, когда Лефевр провел их через ворота. Они увидели не траву, как она ожидала, а огромное пространство из черных и белых квадратов.

— Шахматная доска, — прошептал Чарльз.

Пытаясь не показывать свой испуг, миссис Рагглсторп обратилась к Лефевру.

— Монсеньор, будьте любезны объяснить, что это за глупая шутка.

— Мадам, уверяю Вас, что это не так, — сказал новый голос справа от неё. — Никогда не стоит несерьезно относиться к моим играм.

Говорящий был весьма старым человеком, с очаровательной улыбкой на лице. Но не во взгляде, отметила она. Его глаза выглядели спокойными — спокойными, как у мертвеца.

— Я — Игрушечник, — сказал он. — Добро пожаловать в мои владения.

— Где... — начал Дженкинс, но Игрушечник поднял руку.

— Не на Земле, мистер Дженкинс. Уже нет. — Игрушечник сделал шаг влево. — Я полагаю, что вы узнаете этого джентльмена.

— Генри, — наконец-то смогла вскрикнуть миссис Рагглсторп. — О, Генри, что происходит? Кто эти ужасные люди?

Сэр Генри не мог говорить; ему не хватало рта. Его кожа была блестящей, почти застекленной, а щеки — чересчур красными, словно накрашенными. Он смотрел прямо перед собой, ни на что не реагируя.

— Вам придется извинить своего мужа, но, боюсь, что он — не совсем тот человек, которым он был.

— Что Вы сделали, Вы, злодей?

Игрушечник шел к центру шахматной доски.

— Ваш муж, миссис Рагглсторп — плохой карточный игрок, весьма болезненно относящийся к проигрышу. Я встречал множество плохих карточных игроков — господин Лефевр подтвердит это — но немногие были столь же неутешны, как Ваш муж.

Он протянул руки, как будто извиняясь.

— Я предложил ему второй шанс. Возможность погасить долг. Все, что он должен был сделать — это сыграть в простую игру змей и лестниц, но, увы, он не смог победить. Он даже не пытался, — продолжал Игрушечник, словно это все объясняло. — Нет устойчивости на лестницах, никакого умения уходить от рептильного аспекта игры. Так вот, он проиграл. И, по умолчанию, вместе со всеми вами.

Внезапно что-то всплыло в памяти миссис Рагглсторп. Воспоминания о гиганте, ярко окрашенной игровой доске с лестницами и шипящими змеями, но это походило на сон, который был давным-давно. Или вчера. Она не была уверена, но это вызвало отклик. Игрушечник щелкнул пальцами, и из ниоткуда возникло ужасное существо, сделанное из металла. Он шел как человек, но за каждым шагом следовал странный шум, похожий выпуск пара при отбытии паровоза. В руке это существо держало шахматы, которые принес Лефевр. Они по-прежнему были одного цвета. Существо уронило белые фигуры на землю, и тут же дальний конец луга-шахматной доски был заполнен ими. Все располагались на нужных квадратах, и были размером с людей, хотя в форме традиционных шахматных фигур.

— Заметьте, миссис Рагглсторп, что я, кажется, потерял красную половину. И это — то, где Вы начинаете. — Он улыбнулся и указал на ее окружение.

Теперь миссис Рагглсторп стояла одна, не считая Игрушечника и ее мужа со стеклянными глазами. Трое из ее спутников стояли в другом конце луга, слившись с красными фигурами — за исключением двух. Миссис Рагглсторп хотелось кричать. На обеих турах вместо зубчатых стен появилось лицо Элизы. Обоим коням сменили морду на лицо бедного Дженкинса. И слоном был лакей Том. Но они не были зафиксированы — лица перемещались иискажались, будто пытаясь выбраться из своих новых тел. Они тихо кричали. Но прежде, чем миссис Рагглсторп смогла сделать то же самое, перед ними возникли восемь пешек. И на каждой, чередуясь, было испуганное лицо Элизабет или Чарльза.

— Просто подумайте, — услышала она голос Игрушечника. — Несмотря на несоответствие Вашего мужа, Вы теперь сможете осуществить свою мечту. Теперь вы — королевская семья.

И миссис Рагглсторп поняла, что возвысилась — по своим пешкам, по своим слонам, коням и турам. Рядом был ее король с лицом Генри, безучастно смотрящего вперед. И она была королевой. Так же, как и прежде, она была готова бороться против белой команды напротив. Где-то в глубине разума она чувствовала, что было что-то, о чем она должна была думать и помнить.

Нет. Нет, конечно, нет, настало время для новой игры. Настало время выиграть, ведь она играла, чтобы одержать победу для своего владельца. Что еще должна была делать красная королева?

ГЛАВА 9

ВНОВЬ ПРИНИМАЯ СТОРОНУ

— Вы сошли с ума, Доктор?

Доктор вздохнул. Неужели этот глупец Оуквуд не понимает, что то, что он предлагает, было самым быстрым решением их проблемы? Нет, видимо, нет, поскольку тот нервно ходил кругами по мостику. Скорее всего, он не мог найти логическую причину, чтобы проигнорировать идею Доктора и поэтому высказывал недовольство.

— Спуститься на Даймок означает нарушить каждое правило, все основы существования этой станции. То, что Вы предлагаете, является эквивалентом измены. Нет говоря уже о трибунале для любой команды, которая пойдет с Вами.

— Давайте мы пойдем туда сами, — предложила Тиган первую разумную вещь за весь день.

Оуквуд покачал головой.

— И правда, просто позволить Вам четверым вернуться в свой странный космический корабль и сбежать отсюда, нисколько не приблизив меня к решению проблемы.

— Мы решим Вашу проблему, — настаивала Тиган.

— Думаю, Тиган, — спокойно пояснил Доктор, — что командир Оуквуд чувствует, что мы просто сбежим и ничего не сделаем.

Тиган рассмеялась.

— Жаль, что он не знает тебя. — Она посмотрела на Оуквуда. — Поверьте, командир, я бы хотела, чтобы Доктор был тем, кто сдается. Например, чтобы вернуть меня домой. Но нет. У Вас есть тайна, и это — сыр в мышеловке, в которую он хочет попасть.

— Хорошая аналогия, Тиган, — сказал Доктор, отодвинув ее в сторону, и, таким образом, оказавшись лицом к лицу с Оуквудом. Он медленно снял очки, сложил их и положил в карман, не сводя глаз с Оуквуда.

— Две вещи, командир. Во-первых, Тиган права — я чувствую здесь что-то неправильное. Что-то очень знакомое. Во-вторых, если я собираюсь помочь Вам, мне понадобится шаттл, чтобы попасть туда. Моя ТАРДИС не слишком подходит для коротких перелетов.

— Нет, — пробормотала Тиган. — И все же, надо попытаться. Вдруг именно это случайно вернет нас в Хитроу.

Доктор проигнорировал ее.

— Таким образом, клянусь Вам, командир, что не менее Вас хочу раскрыть эту тайну.

Оуквуд покачал головой и отвернулся. Доктор опустил плечи. Тиган положила руку на одно плечо.

— Что ты имел в виду, говоря «что-то знакомое»?

— А что?

Тиган нахмурилась.

— Не знаю. Но подсознательно... Помнишь, у ТАРДИС со мной что-то произошло?

Доктор быстро повернулся к ней, слегка пригнувшись.

— Да, Тиган. Что это было?

— Я... Я не знаю, но есть... было что-то.

— Что-то важное? Что-то, о чем я должен знать?

Тиган кивнула.

— Извини....

— Думай, Тиган! Это может быть очень важно.

Главный старшина Таунсенд нахмурилась, глядя на пульт управления, а затем начала быстро просматривать показания. Оуквуд оказался рядом через мгновение.

— Проблема?

Таунсенд кивнула, но ничего не ответила. Вместо этого она указала на что-то. Оуквуд поспешил к своему собственному пульту управления.

— Кто-нибудь может сказать, что тут происходит?

Если Доктор и думал, что вопрос Тиган был неуместен, он промолчал. Скорее всего, он тоже был заинтересован.

— Массивный выброс энергии с Даймока, — пробормотал техник по имени Десоргер, разбираясь в своих отчетах.

— Нацеленный непосредственно на нас, — добавила Таунсенд.

— Какой энергии? — Доктор подошел к Таунсенд, всматриваясь в факты и цифры перед ним.

— Неизвестно, — ответил Десоргер. — Но это нацелено непосредственно на нас, в частности...в мостик... Десоргер затих, уставившись в центр мостика. Все, включая Доктора, последовали его примеру.

— Тиган?

Она стояла, склонив голову набок, как будто спала, глаза были широко раскрыты. Она не моргала. Рот Тиган был приоткрыт, и из него выходили слова. Она не формировала их. Они просто выходили из нее.

— Отправляйтесь на Даймок, — раздался резкий голос. — Необходимо, чтобы ее доставили на Даймок.

— Доставили кого? — громко спросил Доктор. — Тиган?

— Ее, — ответил посторонний голос. Оуквуд направился к Тиган.

— Не думаю, что это — хорошая идея., — начал было Доктор, но Оуквуд проигнорировал его.

— Кто Вы? — спросил командир.

— Отправляйтесь на Даймок. Сейчас. — Тиган задрожала и упала на руки Оуквуда. Таунсенд вызвала врача. Держа Тиган, командир повернулся к остальным.

— Лучшее приглашение из всех, что у меня когда-либо были, — сказал он. — Таунсенд, Десоргер, Брон, вы пойдете со мной. Вы тоже, Доктор.

— Это весьма ... доверчиво для Вас, — спокойно произнес Доктор.

— Разве у меня есть выбор, Доктор? Я хочу... Я должен разобраться с этим и вернуть порядок. Я должен принять любое предложение, способствующее решению.

Доктор улыбнулся ему.

— Теперь понятно, почему Вы — командир, — ответил он.

Двери на мостик открылись, впуская Паладопуса, Адрика, Ниссу и врача по имени Дитер, которая подошла к Доктору и Тиган.

— Мне нужны мои спутники, — сказал Доктор, — Особенно Тиган.

— Это разумно?

— Возможно, нет, но, чем бы это ни было, оно использовало Тиган в качестве посредника. Возможно, это произойдет снова. Я уверен, что она не будет возражать.

— А я — нет, — пробормотал Адрик, быстро поняв, что случилось.

— Ники, станция под твоим командованием до нашего возвращения, — сказал Оуквуд.

— Адрик, — Доктор положил руку на плечо мальчика.

— О, нет... — начал Адрик, но Доктор прервал его.

— Да, Адрик. Ты останешься здесь. Мне нужен кто-то, кто позаботится о ТАРДИС.

— Можно оставить Ниссу.

— Если Тиган будет вновь одержима, понадобится знание биоэлектроники, чтобы помочь ей.

Адрик почти затопал ногой в расстройстве.

— Тиган всегда одержима! Ей просто хочется внимания.

Доктор глубоко вздохнул, затем мягко прошептал мальчику.

— Мне нужен здесь кто-то, кому я доверяю. Полностью. Если что-то пойдет не так, ты способен убедить лейтенанта Паладопуса начать наши поиски лучше, чем Нисса. Согласен?

Адрик посмотрел на него. Он понимал, что у него нет выбора, Доктор прав. Это был своего рода комплимент, но старый Доктор разобрался бы с этим намного лучше.

— О, хорошо, — в итоге сказал он.

— Спасибо, — Доктор улыбнулся. — Приятно знать, что на тебя можно рассчитывать.

— Доктор? — позвал Оуквуд, стоя у выхода. — Отсек с шаттлами — сюда.

Они с Броном взяли Тиган на руки.

— Командир, — Таунсенд казалось, что она говорила тихо, но Доктор мог слышать ее. — Командир, Вам не кажется странным, что как только Вы ответили отказом на просьбу Доктора лететь на Даймок, эта девушка устроила представление. Это мог быть тщательно продуманный обман.

Оуквуд кивнул.

— Мог, именно поэтому я подошел близко к ней. Это было весьма убедительно. Но на всякий случай, Сара, даю Вам задание пристально следить за Доктором. Поставь Брона в известность.

Она кивнула, и они продолжили идти.

Доктор остановился, в отчаянии щелкнув языком, а затем направился к отсеку с шаттлами. Это будет весьма тяжелой экспедицией.

Адрик с горечью смотрел на отлет шаттла, наблюдая, как тот приближается к Даймоку на широком экране. Паладопус остановился рядом с ним.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он.

— Вы? Вряд ли.

— Нелегко всегда оставаться позади. Уж я-то знаю. Командир и Сара такие же, как и другие капитаны и исполнители, которым я когда-либо служил. Делают

всё сами. Между ними есть особая связь, нет смысла заострять внимание на том, что я подхожу лучше или более опытный, команда остаётся вместе. Вижу, с тобой то же самое.

Адрик пожал плечами.

— Я привык к этому. — Он отвернулся от экрана и посмотрел на Паладопуса. — Я могу чем-то помочь?

Он заметил, что первым порывом лейтенанта было сказать «нет», но он, казалось, остановил себя и улыбнулся.

— Да. Ты разбираешься в астрометрии?

— Наверно, лучше, чем кто-либо здесь.

Он задумался, не прозвучало ли это тщеславно, но решил, что не имеет значения. В любом случае, это было правдой.

— Хорошо, — ответил Паладопус, ничуть не смутившись. — Я хочу, чтобы ты проверил окружающее пространство. Возможно, ты увидишь что-то, что мы не смогли обнаружить, что могло стать источником проблем с Даймоком. Если командиру нужна помощь в источниках информации, я бы хотел иметь её наготове.

Адрик кивнул, подошел к астрометрической консоли и принялся работать. Что ж, хоть какое-то занятие.

Мартин Д'Арси был инженером, назначенным на «Литтл Бой II» тремя месяцами ранее, и должен был

вернуться к своим обязанностям на борту крейсера через четыре недели. Он скучал по своей прежней работе, своим коллегам и всему остальному. Последней ночью на судне они устроили маленькую вечеринку для него — и все были там. Даже капитан. Это было признаком его популярности, что столько людей хотело сказать «До свидания», несмотря на то, что он будет отсутствовать совсем недолго. Здесь же он чувствовал себя лишним. Здесь не требовалось большого технического штата — нужно было всего лишь присматривать за стабилизаторами и несколькими обычными гироскопами. Чаще инженеры использовались как специалисты по компьютерам или техники по обслуживанию оборудования. Не то, что бы Мартин возражал — иногда это было весело, но это не было настоящей работой. Это не вовлекало его в контакт с расами пришельцев и новыми феноменами. До сих пор.

Первой вещью, поразившей его, стало то, что прямоугольные синие коробки не были обычным явлением в грузовых отсеках.

Второй вещью, поразившей его, стало то, что высокие, причудливо одетые мужчины тоже не были обычным явлением, особенно, когда они сопровождались довольно устаревшей моделью робота с ярким экраном и гидравлическими насосами на суставах ног и рук, шипящих при перемещении.

Третьей вещью, поразившей его, стал средневековый кинжал, который вонзился ему между плеч, чуть ниже шеи, разделяя его позвоночник и мозговой ствол. Конечно, Мартин понятия не имел об этой последней вещи — он внезапно почувствовал себя очень усталым и на мгновение разозлился, что не может понять, что здесь не так.

Стефан вынул кинжал из спины человека и вытер кровь о белую униформу трупа, оставляя красную полосу. Улыбаясь, он провел еще одну линию поперек, создав красный крест на белом фоне — флаг английских крестоносцев его собственного времени, которых он так презирал. Усмехнувшись собственному темному юмору, он подошел к Игрушечнику.

— Хозяин?

— Мы должны найти способ забрать это изумительное судно с нами, Стефан. Доктору придется сыграть в сложную игру, чтобы вернуть его. Или, скорее, его юные друзья захотят помочь. Обычное дело.

Игрушечник закрыл глаза и начал колдовство. Стефан отошел назад — его всегда пугало, когда хозяин начинал делать эти фокусы. Лицо Игрушечника, казалось, замерцало и распалось, сменившись на изображение головы в форме звезд, планет и пространства. Синяя коробка начала так же мерцать, становясь неясной, размытой по краям. В центре

коробки появилось то, что Игрушечник называл «циркулирующим энергетическим вихрем». Раньше Стефан сказал бы, что это — работа демонов, духов зла. Теперь он знал, что это была просто наука Игрушечника — магия Древних. Вихрь переместился за пределы — это выглядело так, как будто синяя коробка была больше не твердым объектом, а металлической жидкостью. Он влился в Игрушечника — или тот всосал сжиженную коробку в себя. Мгновение спустя лицо Игрушечника возвратилось, и он улыбнулся пространству, где стояла эта коробка, ТАРДИС. Сильно жестикулируя, он поправил свою одежду. Робот покорно отправился в ее складки, как и Стефан, на мгновение почувствовав себя плохо, поскольку он возвращался назад, во время и пространство сферы Игрушечника.

Придя в себя, он собирался возвратиться к одной из задач, данной его владельцем, когда вдруг почувствовал руку Игрушечника на своем плече. Прикосновение было редкостью — Стефан или отличился сегодня, или находился в серьезной неприятности.

— Ни то, ни другое, помощник, — произнес Игрушечник. — Но случайное жестокое убийство, которое ты совершил на космической станции, возможно, будет неверно оценено. Мы могли временно вывести человека из строя и внушить, что ему

причудилось. Теперь, я боюсь, люди начнут собственные игры, ища убийцу.

— Хозяин, они не смогут найти нас здесь?

— Нет, но у них есть инструменты, которые сумеют распознать энергию, когда я транспортировал ТАРДИС и нас. Это насторожит Доктора.

Игрушечник остановился, затем рассмеялся.

— Возможно, помощник, ты все сделал правильно. Не помешает дать Доктору больше частей загадки.

Он смотрел на что-то позади Стефана, который обернулся и увидел огромную декоративную мозаику, висящую в воздушном пространстве. На ней был Доктор.

— Четыре тысячи частей, Стефан. Четыре тысячи возможностей ошибиться.

Игрушечник щелкнул пальцами и пазл закружился.

— Мне нравится смотреть, как Доктор складывает это. И, конечно, последнее, чего он ожидает — то, что, когда он сделает это, он будет моим.

Стефан достал свой кинжал.

— Хозяин, если это существо так досаждает Вам, почему бы не позволить верному слуге убить его?

— Человеку глупо бороться с тем, что он не может убить, Стефан. Запомни это. Это не плоть и кровь Доктора, мой друг. Именно его душа, его упрямый дух нужен мне. Нет смысла убивать его.

Игрушечник внезапно разбил мозаику, ее части разлетелись в четырех тысячах различных направлений. Его лицо исказил гнев, глаза потемнели, и Стефан почувствовал, что холод охватил сферу.

— Повелевать им, — резко произнес Игрушечник.
— Его вечное служение — это расплата за несправедливость, которую он совершил по отношению ко мне много лет назад. Вот, что движет мною, Стефан.

Стефан слегка отошел, испугавшись внезапного приступа гнева Игрушечника. Он никогда не видел его таким, и на какое-то мгновение ему показалось, что он увидел другое лицо хозяина вместо нынешнего. С недоброжелательностью, горечью и чистым, несдержаным злом на нем. Затем это прекратилось. Игрушечник снова был самим собой, спокойным, как будто ничего не произошло. Возможно, ничего и не было, возможно, Стефан, тебе нужен отдых, сказал он себе. Игрушечник, нахмутившись, глядел на разрушенную мозаику, но понимая, что Стефан видит его, он принял свое обычное спокойное выражение. После щелчка его пальцев все части поднялись и повисли в воздухе. Из кармана своей просторной одежды Игрушечник извлек яркий кусочек.

— Древнеанглийские мятные конфеты, — сказал он. Парящие в воздухе кусочки паззла тихо залетели в коробку, как пчёлы в горошок мёда.

— Древнеанглийская уловка, — пробормотал он.

Он поднял коробку вверх, переворачивая то одной стороной, то другой, с гордостью рассматривая её, словно бы это было самым красивым объектом во всём творении.

— Это будет так весело, — засмеялся он. — Так весело.

ГЛАВА 10

МЕСТО, КОТОРОГО ВЫ БОИТЕСЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО

Шаттл совершил неудобное приземление — как будто был сброшен с неба некой огромной магнитной силой. Спустя несколько минут пассажиры покинули его, первым шел Брон, а в конце — Десоргер. Оба были хорошо вооружены.

— Хорошая поездка, позорное прибытие, — язвительно обратилась к Десоргеру Тиган, явно пришедшая в себя.

Техник пожал плечами.

— Это не моя вина. В первую минуту все было под контролем, а в следующую нас потянуло сюда вместе с шаттлом, которому не хватило мощности, чтобы вырваться.

Доктор вступил за Тиган.

— Я уверен, что Тиган не хотела быть грубой, мистер Десоргер. Мы все немного потрясены и удивлены. Мои поздравления по случаю нашей посадки, учитывая проблемы, с которыми Вы столкнулись.

Десоргер пожал плечами и поднял бластер, готовый к чему угодно.

— Хотя должен сказать, — предупредил его Доктор, — что я не уверен, что ходьба с оружием со снятым предохранителем произведет впечатление на наших командиров.

Взгляд, брошенный Броном, показал, что ему следует замолчать.

Нисса коснулась его рукава.

— Почему это тебя так волнует, Доктор?

Доктор остановился и осмотрел пейзаж. Они были на вершине огромного кратера. В его центре стояла черная как уголь пирамида.

— Что-то очень сильное привлекло нас точно к этому месту, Нисса. Я хотел бы знать, что именно, принимая во внимание, что это, как предполагается, антиобщественная планета — и весьма тихая. — Он поднял палец. — Небольшой ветер, возможно, скоро начнется дождь. — Он втянул носом воздух. — Хороший чистый воздух. Никакого загрязнения. Подозреваю, что никакой промышленности любого вида.

Нисса дрожала.

— Также чрезвычайно холодно, — добавила она.

— О, ты к этому привыкнешь, — ответил Доктор.

— Выходит, — сказала Тиган, указывая на пирамиду, — они построили это голыми руками?

— Хороший вопрос, Тиган. Это кажется маловероятным. — Он засунул руку во внутренний карман своего крикетного жакета и достал бинокль. Доктор покрутил его в руке, как будто удивляясь находке, и передал юной спутнице. — Нисса?

Нисса посмотрела вниз на пирамиду через бинокль.

— Это построено из гладких черных блоков, Доктор. У нас на Тракене есть драгоценный камень, который выглядит как этот.

Тиган взяла бинокль у Ниссы.

— Оникс, — через мгновение сказала она. — У нас были похожие драгоценности на австралийских рейсах.

Она улыбнулась Ниссе. Кто-то протянул руку и взял у Тиган бинокль — это была Сара Таунсенд. Вскоре она возвратила его Доктору.

— Вы заметили, что есть два небольших выступа по обе стороны от пирамиды? — спросила она.

Доктор посмотрел и кивнул.

— Я узнаю это. Где-то в глубине памяти, я узнаю это.

Убиная бинокль, он почувствовал, что все смотрят на него.

— Что ж, давайте не тратить впустую дневной свет, — произнес он и начал спускаться в кратер, используя какую-то комбинацию шагов и быстрых прыжков, которая увеличила расплескивание вокруг серой грязи. Оуквид и Таунсенд посмотрели на забрызганную

форму Доктора и свои собственные белые униформы, а затем друг на друга.

— Я рад, что шаттл не взорвался как «Конверганс», — сказал Оуквуд.

Таунсенд мрачно улыбнулась.

— Приятно знать, что в Вашей голове проносились те же самые мысли, что и в моей, особенно перед тем, как мы приземлились.

Они внезапно усмехнулись и посмотрели на Доктора.

— Я не делал ничего подобного с тех пор, как мне исполнилось десять лет, — произнес командир и последовал за Доктором, только прыгая немного чаще.

Только Брон выглядел раздраженным беспорядком, который происходил вокруг. Десоргер и Дитер подружески подтолкнули его, что почти привело к падению сотрудника службы безопасности. Он упал на одно колено и бросил на своих товарищах сердитый взгляд. Десоргер пожал плечами, извиняясь, и последовал за остальными. Наконец Брон нашел подходящий способ перемещения, тщательно проверяя, что ничто, кроме его коленей, не испачкалось. Когда он подошел к пирамиде, там стояли люди, которые выглядели так, словно они купались в грязи. Особенно Десоргер, который был полностью замаран ниже шеи.

— Я провалился в...хм... дыру, — сказал он.

Доктор, Нисса и Оуквуд первыми достигли основания пирамиды, поскольку Дитер, Таунсенд и Десоргер отправились посмотреть на выступы.

— Что Вы имели в виду, когда сказали, что узнали это, Доктор? — спросил Оуквуд.

Доктор присел, очищая фундамент пирамиды.

— Сказать по правде, командир, я не знаю. — Он выпрямился. — Пирамиды обычно существуют для чего-то. Они — или маяки, или отметки расстояния, или кладбища. Но их всех объединяет то, что они редко встречаются в одиночку. Я надеялся увидеть еще одну. Или что-то еще, что могло бы объяснить метод размещения. Но эта просто стоит здесь. Она не связана с солнцем или звездами, она не бросает тень, указывающую на что-то существенное, и она расположена в центре кратера. Все это очень странно, Вы не находите?

Оуквуд поджал губы.

— Я не эксперт по египтологии, — сказал он и ушел, чтобы присоединиться к команде.

Доктор покачал головой.

— Египтология. Люди так ограничены в своем восприятии. Видишь ли, Нисса, люди полагают, что Вселенная вращается вокруг них. Если что-то не имеет отношения к ним, это не так уж и важно.

— Гм, — кашлянула Тиган. — Я все еще здесь, знаете ли.

Доктор обернулся к ней, нахмурившись, а затем улыбнулся и обнял за плечи.

— Конечно, ты здесь, Тиган, я говорил про общие черты, а не специфические особенности. Ты — особенно прекрасный пример человечества, и именно поэтому мы путешествуем вместе.

Он отвернулся и присел, чтобы вновь исследовать фундамент пирамиды. Тиган посмотрела на Ниссу, пытаясь разобраться, оскорбили ее или похвалили, или Доктор просто сморозил очередную глупость. Нисса пожала плечами, явно неспособная помочь.

— Что ты делаешь, Доктор? — поинтересовалась Тиган.

— Я пытаюсь понять, насколько глубока пирамида. Была ли она здесь в течение многих столетий или помещена недавно для нашего развлечения. — Он замер. — Развлечение...

Его мысли были прерваны Десоргером.

— Эй, Доктор, взгляните на это.

Он подвел их к левому выступу. Таунсенд отделяла комки грязи от основания.

— Доктор, здесь есть длинный путь вниз, — сказала она.

— Но я предполагаю, что он был создан совсем недавно, — завершил Доктор.

— Как Вы узнали об этом? — спросил Десоргер.

— Старшина Таунсенд считает, что слишком легко отдирается старая грязь.

— Если бы это было здесь в течение многих столетий, грязь бы застыла.

— Новая часть паззла, — сказал Оуквуд.

— Паззл, — Доктор нахмурился, затем глубоко вздохнул. — Конечно, почему я не заметил этого раньше! — Он побежал к пирамиде, расплескивая грязь.

— Смотрите, — сказал он, когда остальные догнали его. — Смотрите, это построено ровными блоками.

— Каждый приблизительно два фута высотой, — добавила Тиган.

— Что это значит, Доктор? — Оуквуд смотрел вверх, пытаясь посчитать блоки.

— Это — ловушка, командир, и я думаю, что нам стоит уйти отсюда как можно быстрее.

— Ловушка? — Дитер нахмурилась. — Для кого?

— Для меня, — ответил Доктор. — И я почти попал в нее.

— Поправка, Доктор, — сказала Таунсенд. — Вы попали в нее. Смотрите.

В фундаменте пирамиды показалась дверь, которая поднималась вверх. В проеме они увидели человека, ожидающего их. Когда дверь полностью исчезла, человек вышел вперед. Он был одет в полотняную рясу, которая спускалась чуть ниже коленей. Он носил

сандалии на ногах и пояс вокруг талии, что делало его похожим на монаха. Он откинул капюшон, показывая лысую голову с почти серой кожей и двумя яркими глазами, пристально смотрящими на них.

— Он так стар, — пробормотала Тиган.

— Я — Смотритель, — сказал человек. — Спасибо за прибытие.

— Привет, я — Доктор, а это ...

— Я знаю, кто вы все. Вы войдете в пирамиду.

— Помните, — прошептал Оуквуд, — Вы сказали, что это — ловушка.

— Да, — ответил Доктор, затем он обратился к Смотителю — Жаль, что мы потревожили Вас, но мы с друзьями уже уходим.

— Думаю, нет.

И позади них, на горном хребте, шаттл разлетелся на миллионы крошечных фрагментов, которые упали в грязь. Брон поднял оружие, но старый Смотритель не выглядел встревоженным. Оружие просто развалилось, как будто разъеденное ржавчиной и возрастом. Брон нахмурился — и Десоргер обнаружил, что его оружие тоже распалось. Казалось, Смотритель просто развлекался.

— Войдите в пирамиду, — повторил он, затем отвернулся и ушел в темноту.

— Хорошо, — через несколько секунд произнес Доктор. — Я думаю, что наши варианты сократились до двух. Остаться здесь или идти внутрь.

— Тогда мы останемся здесь, — предложила врач Дитер.

Оуквуд покачал головой.

— Скоро наступит ночь. В ближайшее время температура понизится, и мы знаем из наших отчетов, насколько холодно станет снаружи. Боюсь, что для нас лучше всего пойти в эту ловушку Доктора.

— Не совсем мою, — спокойно произнес Доктор, — но я принимаю Ваше предложение. Тиган, Нисса, идите внутрь. — Он отправил одного за другим, пока они с Оуквудом не остались единственными снаружи.

— Я сожалею об этом, командир. Я понятия не имел, чего нам можно ожидать. Думаю, что Смотритель возьмет на себя ответственность за наше размещение.

Оуквуд улыбнулся ему.

— Не стоит волноваться, Доктор. Я ждал приключений с тех пор, как занял этот пост. Небольшая передышка от просмотра новостей.

Он зашел внутрь после команды и, покачав головой в ответ на постоянные сюрпризы, преподносимые человечеством, Доктор последовал за ним. Дверь закрылась. Кроме нескольких следов и насыпи грязи, которую разрушила Таунсенд, не было никаких

доказательств, что они когда-либо появлялись в пределах кратера.

Адрик сидел среди кучи хлама, делая заметки. Он всегда носил маленький карандаш в своем нагрудном кармане, и Ники Паладопус чудом выкопал откуда-то несколько листов бумаги.

Искусство, однажды сказал ему Доктор, весьма субъективная вещь. Один художник может нарисовать великолепную картину с желтыми цветами в поле, практически как на фотографии. Другой может увеличить изображение цветов пропорционально фону и переднему плану. Следующий живописец может сделать цветы угловатыми и двумерными, а еще один — картину с тремя желтыми грязными пятнами на синем фоне. Но у каждого из них есть собственное видение мира и поклонники.

Адрик никогда не понимал, зачем люди рисовали картины. Искусство было почти неизвестно на Алзариусе — в конце концов, кому оно было нужно? Все, что существовало — это схемы. Иллюстрации в книгах были, по существу, чертежами — они изображали ту часть «Старлайнера», которую следовало заменить. Цвет был еще большей редкостью.

Адрик интересовался искусством чистой математики. Он с гордостью носил значок в форме звезды — отметку, что он достиг больших достижений в области математики и смежных наук. Таким образом,

когда Ники Паладопус дал ему груду бумаг с траекториями, позиционными и теоретическими проблемами астрофизики, он оказался, как сказал Ники, как свинья в грязи. Это было его областью, местом, где он был художником, пробивающимся сквозь цифры, косинусы и астрономическую тригонометрию, придавая смысл всему этому. Он предполагал, что Ники дал ему этот материал, чтобы удивить и порадовать, но он не возражал. Если Доктор не считал его достаточно надежным, что ж, это было его проблемой. Возможно, он мог бы остаться здесь с этими людьми. Если Доктор нуждался только в Тиган и Ниссе, то он бы мог найти свой дом. Ему бы не пришлось мчаться сквозь пространственно-временную воронку, спасая цивилизации и исправляя заблуждения, ведь это уже не было столь забавно, как раньше.

Адрик изо всех сил старался быть полезным — действительно, старался, но все равно никому из них не был нужен. Он пытался быть милым с девушками, сказав им, что они выглядят лучше, чем вчера, но они ответили, что это весьма грубая и глупая шутка. Однажды они потратили кучу косметики, чтобы выглядеть красиво. На следующий день они потратили меньше времени и выглядели иначе, но не хотели, чтобы им указывали на это.

— Как я выгляжу сегодня? — спросила Тиган, и Адрик ответил ей.

Типичная девушка — точно такая же, как те, что были дома. Их он также не всегда понимал.

Он попытался пошутить, попросив хлорид натрия вместо соли во время еды. Даже если Тиган и Нисса не поняли, то Доктор должен был. Но нет, он просто примкнул к девушкам и проигнорировал его.

Адрик посмотрел вниз на примечания, которые он сделал, в то же время продолжая раздумывать о своей роли в команде ТАРДИС. Координаты Земли были 5ХА8000-743-7, «Литтл Боя II» — 6АА2357-576-8, отклоняясь на 314 градусов от галактического центра. Если Доктор, старый Доктор, путешествовал далеко от Земли по подобной траектории — ТАРДИС всегда перемещалась через пространственно-временную воронку перед тем, как войти в реальное пространство, на 67 градусов отклоняясь от... от...

Да! Когда он оставил Землю приблизительно год назад со старыми друзьями Романой и К-9, они путешествовали... там... Адрик поставил крестик в заметках и нарисовал серию кривых, где учел отклонение дрейфа и искажение пространственно-временной воронки, так как ТАРДИС сместились ...

Входом в его собственную карманную вселенную был вакуумный коридор, сквозь который Доктор, Романа и К-9 пролетели, попав на Азариус. Они направлялись на родную планету Доктора, Галлифрей, но прошли сквозь вакуумный коридор в созвездии

Кассиопеи — ЗС461-3044-7. Если бы Адрик полностью рассчитал координаты, то, вероятно, он смог бы вернуться домой! Узнал бы, что произошло со «Старлайнером», слетали ли они на Террадон или вернулись на Алзариус или...

Алзариус? Что-то подсознательно встревожило его. Недавно он ... видел во сне Алзариус или что-то вроде него. Только это не сон — воспоминания были слишком свежими. Он не спал около восьми часов, и это определенно было чем-то иным. И тогда в него ударила волна воспоминаний, прорываясь через все преграды.

— Игрушечник, — пробормотал он.

Все мысли об управлении ТАРДИС, чтобы вернуться домой в Е-пространство забылись, и Адрик помчался, чтобы найти Паладопуса. Он должен был отправить сообщение Доктору. Срочно!

Тиган чувствовала себя странно спокойной, стоя возле отсека. Смотритель вел их дорогой, находившейся под пирамидой, через лабиринты коридоров, явно призванных смутить их. Тиган услышала, как Доктор пробормотал что-то о подарке, сделанном им Тесею, но она слишком устала, чтобы понять, о чём речь. Они должны были находиться уже довольно глубоко — казалось, они шли целую вечность. Она заметила, что Десоргер периодически качал головой или хлопал ладонями по ушам. Нисса,

Оуквуд, Таунсенд и Дитер также выглядели уставшими, в отличие от Доктора и Брана. Она предположила, что в случае Доктора за это ответственна физиология Повелителя Времени, а Брон... он вряд ли бы вздрогнул, даже если бы ему ампутировали руку. Назвать его стоиком было явным преуменьшением.

Через несколько минут Смотритель подвел их к широкой каменной двери в форме арки, которая напомнила Тиган вход в собор. Она почти чувствовала запах ладана и атмосферу благоговения.

— Мы на месте. Пожалуйста, подготовьтесь войти.
Это было святое место.

Тиган не была особо религиозной, но когда мать сказала ей, что у отца рак и он должен прекратить управление фермой, чтобы передать ее Ричарду Фрейзеру, дяде Тиган, она бросилась молиться. Черт, если что-то произошло с ее папой, она об этом даже не узнает! Смотритель наблюдал за ней.

— Ваша боль пройдет, дитя.

— Моя... моя боль?

— Ваш отец умер, дитя. Это был безболезненный и благородный уход.

— Откуда Вы... знаете это...?

Смотритель протянул руку и коснулся ее щеки кончиками пальцев.

— Я — Смотритель, — сказал он. — Вы — Избранная. Все просто.

И Тиган оказалась где-то в полностью другом месте.

Здесь было тепло, даже влажно, трава зеленела, а по синему небу плыли белоснежные облака.

— Боже мой, я дома. Это ферма... — Внезапно она содрогнулась. — Нет, — ее переполняли ужас и страх. — Боже, нет.

Она побежала по траве, мимо загона и трактора — к дому. Двери были открыты, вся семья собралась вместе. Мама сидела, утешаемая миссис Майклс из города и дядей Ричардом. Ее невестка, тетя Тиган Фелисити тоже была там наряду с ее кузенами Колином и Майклом. Ее сербские бабушка и дедушка прилетели из Югославии. Дедушка Верни отсутствовал — о, Боже, он все еще оплакивал свою племянницу, тетю Ванессу, которая умерла по вине Мастера. Мама потеряла своего мужа вскоре после сестры... Нет, это было несправедливо! Тиган пыталась не расплакаться и не закричать, насколько несправедливо было то, что семье пришлось так страдать!

Мама заговорила. Плача.

— Сначала Ванесса, потом Тиган и теперь Билл...

— Но я не мертва, мама! Я здесь! — Тиган хотелось встряхнуть маму, обнять ее и сказать, что она в порядке.

Они, должно быть, думали, что она умерла с тетей Ванессой в ту субботу в Барнете. Как она могла сказать им, что нет? Но это не имело значения. Важным было лишь то, что ее отец умер, и она не присутствовала при этом. Не смогла попрощаться. Не смогла сказать, насколько любила его.

Она вспомнила детство, разговоры об автомобилях и космических кораблях. Как отец похвалил рисунок Тиган, восторгаясь ее духом свободы — он всегда понимал, что жизнь на ферме не для нее. Отец призывал ее расправить крылья, чтобы увидеть мир.

Она вспомнила один солнечный день, несколько лет назад, когда они лежали на пастбище, смотря на небо, где летел реактивный самолет в Кэрнс.

— Папа, я хочу попасть на один из них. Я хочу летать.

И отец улыбнулся, обнял ее и сказал:

— Моя особенная девочка — однажды ты будешь.

Тиган поняла, что изображение изменилось — они были на кладбище около могилы, раввин произносил речь, вспоминая жизнь Уильяма Джованки. Маму поддерживали дядя Ричард и тетя Фелисити. Мьюович и Снежна Джованка стояли по обе стороны от раввина, склонив головы, прощаясь с любимым сыном.

Внезапно раввин посмотрел прямо на Тиган, он видел ее — хотя это было невозможно. Пока она не

поняла, что у раввина было лицо Смотрителя. Затем и другие скорбящие, казалось, увидели ее.

— Где ты была? — спросила ее мать.

— Бесполезная дочь, могла бы не утруждаться приходить сюда, — это был дядя Ричард.

— Слишком занята своими новыми друзьями, чтобы даже сообщить нам, что жива, — сказала ее бабушка.

— Кто виноват в этом? — спросила тетя Фелисити.
— Кто держал тебя отдельно от семьи? Разве это — не твой долг?

— Кто остановил тебя быть утешением одинокой матери? — спросила ее мама со слезами на глазах.

— Нет, пожалуйста... — Тиган упала на колени. — Пожалуйста. Это не моя вина. Я пыталась вернуться на Землю, но Доктор не смог сделать это. Он не смог вернуть меня сюда.

— О, таким образом, это — чья-то вина, не так ли?

Позади раввина/Смотрителя, изрекая бессмысленные извинения, стоял Доктор.

— Да, — выдохнула она. — Да, если бы он не забрал меня, если бы он выполнил свое обещание, то я смогла бы быть здесь, мама. Это все — его вина.

И видение закончилось. Тиган вернулась ко входу у каменного дверного проема. Смотритель стоял возле нее, опустив руки. Ей все это почудилось?

— Мы на месте. Пожалуйста, подготовьтесь войти.

Существовали ли предыдущие мгновения?

Тиган наблюдала за Доктором уголком глаза и впервые за все время почувствовала себя разъяренной. Она злилась на него, его пустые обещания, его бесполезную ТАРДИС... Это была его вина. Ее отец был мертв. Ее мать справлялась одна. И это была полностью его вина.

Таким образом, когда Смотритель открыл каменные двери, Тиган, входя в комнату, думала только о мести.

Не замечаемый Тиган или кем-либо еще, Смотритель улыбался, наблюдая за нею. Когда все вошли в комнату, слышалось лишь дыхание. Комната была просторнее, чем собор, который ожидала увидеть Тиган. У нее, казалось, не было конца — длинная, пещеристая комната, которая простиралась далеко вперед и была довольно широкой, хотя можно было увидеть стены. Здесь было темно и пахло плесенью. Но самым удивительным оказалось то, что в ней было множество людей. Ряд за рядом, они лежали на плитах, одетые, как Смотритель. Мужчины, женщины и дети.

— Они мертвы? — Тиган подошла к ближайшей плите. На ней лежал молодой человек — она предположила, что он молод, потому что его лицо было гладким — хотя он был столь же лысым, как и Смотритель. Он, казалось, не дышал, и его кожа была ледяной. Смотритель не ответил. Вместо этого он встал на одно колено, склонив голову перед нею.

— Это — мое место в мире, оставаться на страже. Готовиться к тому дню, когда Избранный будет среди нас.

Доктор вышел вперед прежде, чем Оуквуд смог что-то сказать.

— Привет, я — Доктор. Вы можете объяснить, кого подразумеваете под Избранным? Вы упомянули его несколько раз, и я склонен считать, что Вы имеете в виду моего друга. Тиган.

Смотритель кивнул, улыбаясь.

— Конечно, именно поэтому Вы привели ее сюда, Доктор. Ваш путь — не ее путь. Ее судьба находится здесь.

— Ах. Спасибо. Это все объясняет. — Доктор отвернулся и подмигнул Ниссе.

— Послушайте, — сказал Оуквуд. — Вы уничтожили наш шаттл. У нас нет способа вернуться на нашу космическую станцию.

Смотритель отвернулся.

— Избранный — здесь, остальные не важны. В той нише есть еда и вода, их хватит на четыре дня. — Он указал рукой налево. — К тому времени Паладопус или мальчик, Адрик, отправят спасательную экспедицию.

Доктор не был удивлен, что Смотритель знал тех, кто остался на космической станции.

— А если они этого не сделают?

— Тогда Вы умрете от голода. Даймок только для Избранного.

Доктор подошел к нише.

— Что ж, думаю, нам стоит сейчас разделить еду, командир. Мы сможем оставаться здесь еще какое-то время.

— Доктор! — Крик Ниссы заставил его резко обернуться — и было легко понять, почему она была встревожена.

Не было никаких признаков Смотрителя или Тиган. Как будто их вообще никогда не существовало.

— Тиган, — громко позвал он. — Тиган, ты меня слышишь?

Ответа не было. Доктор улыбнулся взволнованной Ниссе.

— Что ж, — принял он рассуждать, — если Тиган — Избранная, то я сомневаюсь, что Смотритель причинит ей вред. Я думаю, что стоит продолжить беспокоиться о нашем затруднительном положении после некоторого сна.

Оуквуд собрался возразить, но был остановлен Сарой Таунсенд.

— Я думаю, что это — хорошая идея, Доктор. Но утром мы нуждаемся в реальных ответах от Смотрителя.

Доктор кивнул, и они с Дитер принялись сортировать порции, в то время как Десоргер и Брон

освободили место около дверного проема, отодвинув мягкие соседние плиты и их обитателей в угол. Оуквуд и Нисса закрыли двери, чтобы сохранить хоть немного тепла. Через некоторое время Доктор и Дитер разделили еду, и все ели и пили в тишине.

— Я чувствую себя очень усталой, — объявила Нисса.

— Думаю, что понимаю, почему — сказал Доктор.
— В еду был подмешан наркотик.

Оуквуд попытался осмыслить это, но почувствовал, что эффект дает о себе знать

— Вы знали об этом? — спросила Дитер.

— Я подозревал.

— Но почему Вы ничего не сказали?

Доктор прислонился к стене.

— Поскольку все мы нуждаемся в некотором отдыхе, и это гарантирует, чтобы мы получим его. Если Смотритель хотел бы причинить нам вред, он убил бы нас в шаттле или оставил замерзать снаружи, как только получил Тиган.

Он улыбнулся Дитер, но та, как почти все остальные, была уже без сознания.

— Помимо этого, мы все съели достаточно наркотиков, которые подействовали быстрее, чем я стал подозре... подозр... — Он попытался сглотнуть, откашляться.

Только Брон бодрствовал, стоя, скрестив руки, у двери.

— С Вами ничего не случилось, мистер Брон. Я рад... Я чувствую себя лучше, зная, что кто-то надежный стоит на страже, пока мы спим.

Брон посмотрел на Доктора.

— Почему же Вы продолжили есть?

Доктор удивленно поднял брови.

— Как хорошо слышать Вас, мистер Брон. Я продолжал есть, потому что я хочу спать. Возможно, сон прочистит мой разум, и я смогу понять происходящее.

— Вы сказали, что считаете это ловушкой. Ловушкой для Вас. Чьей?

Доктор пожал плечами с заметным усилием. Наркотики, наконец, подействовали, и его глаза стали слипаться.

— Я не уверен полностью. Кто-то, кого я знаю, я чувствую его. Но я не могу точно... указать... на...

Темнота.

Доктор стоял в большой темной комнате. Над ним простирался луч света, достаточно широкий, чтобы осветить и его.

— Доктор. — Мягкий голос, молодой и отчаянный. Он постарался припомнить друзей из прошлого, но ничего не прояснилось. Он повернулся, пытаясь понять, откуда звучит голос. — Доктор... пожалуйста, помоги

мне! Независимо от того, что происходит в реальном мире, ты должен помочь мне.

— Доктор! — Второй голос, тоже просящий, но более старый, более насыщенный и более глубокий. — Доктор... пожалуйста, помоги мне! Независимо от того, что происходит в реальном ..

— Да, я помогу, — прервал Доктор. Голоса слышались с различных сторон. — Скажите мне, кто вы. Я не смогу, если не знаю, кому я должен помочь.

— Ты соединил нас. — Это был молодой голос.

— Ты должен разделить нас, — закончил более старый.

— Пожалуйста, Доктор, заверши то, что ты начал!
— сказали они одновременно.

И тогда луч с потолка осветил правую сторону от него — откуда звучал более старый голос. И Доктор кивнул себе. Сидевшим на полу, уткнувшись коленями в подбородок, почти скрытый под одеждой мандарина, был Небесный Игрушечник. Он повернул свою голову к Доктору, и, даже в тусклом свете, Доктор увидел, что у него не было лица — просто пробел в передней части головы — ворота, приводящие к перспективе звезд и планет, как будто вся Вселенная была в пределах его черепа.

Второй свет появился слева, где слышался молодой голос.

Человек, стоял, сжав руки за спиной. Он носил легко узнаваемую одежду Прайдонской Академии, где Доктор учился, будучи еще молодым, на своей родной планете Галлифрей.

Доктор стал вспоминать — он не ожидал этого, но внезапно завеса в его в памяти стала открываться все больше.

— Ты оставил меня здесь на смерть, Доктор! — сказал молодой человек, скорее мягко или растерянно. Его лицо, как и у Игрушечника, было заменено на тот же самый вид галактик.

— Помоги мне, — умолял Игрушечник. — Помоги нам.

— Исправь, что ты сделал, Доктор, — сказал юный Повелитель Времени.

— Сделай нас целыми, пожалуйста, — Игрушечник, казалось, сильнее обхватил себя, словно испугавшись безликого Повелителя Времени.

— Или на сей раз, — стал угрожать Повелитель Времени, — на сей раз ты не выйдешь сухим из воды. Ты оставил меня, Доктор. Бросил меня. Предал меня.

Доктор внезапно похолодел. Он понял.

— Нет... этого не было...

— Ты оставил меня на смерть! — Повелитель Времени внезапно закричал, и Доктор вышел из луча света, погрузив всю комнату в темноту. Он вышел

вперед снова, надеясь осветить тех двоих, если не себя, но напрасно.

— Ты оставил меня на смерть! — Повелитель Времени стоял на своей стороне, шипя в ухо Доктору.

— Раллон, нет, я... Я...

— Я надеюсь, что ты помнишь все, Доктор. Поскольку я не забыл. Ты отдал меня ему!

Тогда Игрушечник очутился тоже рядом с Доктором, но уже не испуганный, как несколькими секундами ранее.

— Да, Доктор, — сказал он. Его голос отозвался эхом, вызвав воспоминания. — Ты создал все это. И теперь ты должны исправить. Вспомни, Доктор. Ищи в своей памяти подсказку относительно того, как помочь нам. Как исправить.

Вновь послышался голос Повелителя Времени:

— Вспомни о доме, Доктор. Подумай о Галлифре.

Галлифрей...

Галлифрей...

Темнота, наконец, охватила разум Доктора. Последними вещами, которые он видел, были два безликих человека, склонившихся над ним, и миллионы звезд и галактик, врачающихся перед его глазами.

Галлифрей...

РАУНД 2

СОН

ГЛАВА 1

ВИДЬ ВО СНЕ МЕНЯ

Галлифрей. Дом. Несомненно.

— Я не уверен, знаешь ли, — произнес Кошечь. — Не думаю, что это — самый разумный план.

Доктор пожал плечами в ответ на пессимистическое высказывание Кощечея.

— Это вряд ли имеет значение. Они никогда не позволяют нам уйти.

Темно-оранжевое ночное небо Галлифрея над ними было проколото лучом света. Искусственные спутники. Или машины времени, проходящие через барьер трансдукции перед тем, как активировать роторы времени и дематериализоваться, готовясь войти в пространственно-временную воронку под управлением жителей, знающих, где и когда.

— У них нет страсти к приключениям, — подвел он итог, опустив руки в бордовых рукавах прайдонской одежды. — В отличие от нас.

Он оглянулся на Деку — так они называли себя.

Раллон. Кощей⁵. Дракс⁶. Мортимус⁷. Магнус⁸. Ушас⁹. Джелпакс. Ванселл. Милления. И он. Лучшие в своем классе, гордость и радость учителей, таких как Седок, Боруса и Франилла. И, по ассоциации — враги почти всех прочих новичков в потоке студентов этого семестра.

Он посмотрел мимо группы, на саму Академию: стеклянные башенки и крытые проходы, связывающие их, спальни и лекционные залы. Заливы с ТАРДИС. Гимназии и столовые. Отдельный город с печально известным Капитолием, он протянулся более чем двадцать восемь квадратных миль галлифрейской поверхности, окруженный со всех сторон пустынными равнинами, где жили отшельники, отказавшиеся соответствовать нормам галлифрейского общества. Или скорее, обществу Повелителей Времени, в которое

⁵ Кощей — появляется в сериале как Мастер (начиная с Третьего Доктора).

⁶ Дракс — появляется в сериале (Четвертый Доктор).

⁷ Мортимус — появляется в сериале как Монах (Первый Доктор).

⁸ Магнус — появляется в сериале как Военачальник (Второй Доктор).

⁹ Ушас — появляется в сериале как Рани (Шестой Доктор).

входили немногие счастливчики, которые были удостоены способности жить вечно — за исключением несчастных случаев. Во всяком случае, ему тринадцать жизней казались вечностью. Все, кроме троих из Деки, были в своей первой инкарнации, и им было запрещено регенерировать до пятисотого дня рождения. Если бы про галлифрейцев можно было сказать, что у них есть дни рождения.

Ванселл, Ушас и Раллон уже стали юными Повелителями Времени, и это был их последний семестр, тогда как остальным оставалось еще два перед тем, как они получат Знак Рассилона — генетический код, который даст им возможность регенерировать, выдерживать молекулярные нагрузки во время путешествий во времени, телепатическую связь с ТАРДИС, чувство времени и все прочие усовершенствования галлифрейцев.

Дракс горько вздохнул, почувствовав настроение Доктора. Он улыбался — без сомнения, еще один бессмысленный план формировался в его уме. О, Дракс, был достаточно изобретательным. Точнее, гением — во всем, что касалось механики. Они всегда говорили, что если дать Драксу восемь несвязанных друг с другом вещей, он найдет способ соединить их и сделать ТАРДИС, дематериализационное устройство, устройство «хамелеон» или даже синтезатор еды. К сожалению, как и многим умным людям, ему не

хватало здравого смысла. Несомненно, он мог бы вычислить вам молекулярную плотность бумажного пакета — возможно, даже атомную структуру при некой температуре, — но попробуйте сказать ему, что нужно пробивать себе дорогу наверх, определить свое место в мире.... В общем, забудьте об этом.

— Давайте пойдем в комнату реликвий. Найдем руку Омеги или артефакты Пандака или Хирона, — энтузиазм Дракса был прерван возмущенным возгласом Джелпакса.

— Мощи надо оставить в покое, — крикнул он. — Они там для будущих поколений, чтобы наблюдать, записывать и учиться.

Кошечей пожал плечами.

— Хорошо, давайте пойдем поиграем с кошкой президента — О нет, мы не можем! Маленький эксперимент Ушас поставил на этом крест!

Ушас дернула Кошечея за ухо, но не совсем играво. Она была лишена терпения или самоиронии.

Магнус и Мортимус вздрогнули.

— Становится холодно, — тихо сказал Магнус. — Думаю, нам стоит вернуться в общежитие, пока не заметили наше отсутствие.

Остальные пожали плечами. Магнус был по натуре лидером, и большинству было трудно с ним спорить. Они последовали обратно к Академии. Кошечей прошептал Ванселлу, что он завидует Магнусу.

— Я имею в виду, — пояснил он, — стоит Магнусу что-то сказать, или щелкнуть пальцами, или что-то еще, как все тут же следуют за ним. Когда-нибудь я выясню, как он это делает.

Ванселл проигнорировал его. Никто точно не знал, почему Ванселл был в их компании. Он мало говорил и еще меньше улыбался.

— Эй, Тэт, — сказал Дракс, — попроси своего координатора предоставить какую-нибудь информацию о Земле. Я уверен, что смогу там работать, как только уйду отсюда.

— Пожалуйста, Дракс, не называй меня Тэт, Тэта, Тэта Сигма и тому подобное. Ты знаешь, что мне это ужасно не нравится.

Дракс поднял руки в преувеличенном жесте капитуляции.

— Извини, Доктор, этого больше не повторится. — Он помолчал, потом подтолкнул Доктора. — Итак, что скажешь?

— Азмаэль слишком занят, чтобы помочь нам, — сказала Миллениния, привычным жестом перекидывая волосы через плечо.

— Азмаэль всегда слишком занят, чтобы помочь кому-либо. Кроме него, — усмехнулся Раллон, лунный свет сверкал на его оливковой коже, подчеркивая худобу.

Объект его насмешки пожал плечами.

— Это не моя вина, что я и Азмаэль хорошо работаем вместе.

— О, Доктор, — рассмеялась Милления, — он явно боготворит тебя.

— А ты — его! — Раллон хлопнул Доктора по плечу, заставляя того слегка вздрогнуть. Раллон был огромен, его рука казалась вдвое больше руки Доктора. Дружеский хлопок Раллона был похож на удар молота.

— Во всяком случае, я не стану злоупотреблять нашей ... дружбой только для того, чтобы получить доступ к мощам, чтобы Дракс смог обдурить всех нас. Я не буду делать этого.

Остальные пожали плечами и отошли в сторону.

Только Кощей остался, продолжая идти рядом с Доктором. Они — наряду с Магнусом — стали друзьями со своего первого дня в Академии. Троих юных Повелителей Времени из разных Домов сблизила любовь к науке.

Острое желание учиться было основой Деки — в конечном счете, все десять ее участников были лучшими. Ни одного из них никто больше не смог обойти в этом году. Доктор знал, что сокурсники в равном количестве чувствовали к ним зависть и презрение. Кощей не обращал на это внимания, но Доктора расстраивали гневные взгляды.

— Скажи, — произнес Кощей, — можем ли мы чем-то занять любознательную натуру Дракса без

доступа к реликвиям? Ванселлу удалось взломать системы координатора. Если мы убедим Дракса попытаться получить доступ к Матрице...

— Нет, — выдохнул Доктор. — Нет, это было бы... неправильно!

Кошечай засмеялся.

— Он никогда не сможет этого сделать — но это займет достаточно времени, чтобы уменьшить его энтузиазм. На несколько недель он забудет о реликвиях и проявит больше интереса к новинкам 30-го типа, которые сейчас тестируются Повелителями Времени.

Мортимус тут же оказался возле них, потирая в нетерпении пухлые руки.

— Модель Один или Два?

— Ах, даже у воздуха есть уши, — пробормотал Кошечай. — Если так хочешь знать — Два, — ответил он толстому сокурснику.

Мортимус кивнул и вернулся к остальным, что-то бормоча — ни Доктор, ни Кошечай не поняли, что именно. Медленно группа продолжала идти к Академии.

Спустя три часа они достигли общежития. Наступило время длительного прощания Раллона и Милленни. Это был ритуал, который продолжался в течение нескольких месяцев — и все заключали пари относительно того, когда будет объявлено о помолвке. Они, наконец, отошли друг от друга после последнего

поцелуя, и большинство сокурсников благодарно вздохнули. Не слишком разумно было оставаться снаружи после наступления «комендантского часа». Учителя с неодобрением относились к невыспавшимся студентам. Даже из Деки.

Наконец Ушас и Милления свернули налево, а юноши — направо. Магнус восхищенно глядел вслед Миллении, пока Мортимус не подтолкнул его.

— Не ходи туда, Магнус, — рассмеялся он. — Она съест тебя на завтрак.

Магнус медленно покачал головой, о чем-то задумавшись.

— Ты никогда не поймешь, Морт, ты никогда не поймешь.

— Не пойму? Не пойму что? — Мортимус обернулся, но холл был пуст — его товарищ по Деке ушел, оставив его одного. Как всегда.

— Что ты делаешь здесь после наступления темноты?

Мортимус узнал гнусавый, плаксивый голос, донесшийся из темноты коридора.

— О, это ты, — сказал он и расслабился.

— Я наблюдаю за порядком в течение этого семестра, и ты опаздываешь. На этот раз без своих чванливых приятелей? — Голос принадлежал Рансиблу, худому, неуклюжему студенту, столь же неприятному, как и его голос. В руке он держал

журнал, и Мортимус понимал, что его имя будет добавлено в эти бесконечные списки. Рансибл всегда все записывал. Абсолютно все. Он ничего не пропускал.

— Вообще-то, они все были здесь, — самодовольно произнес Мортимус. — Очевидно, ты плохо работаешь, иначе заметил бы их.

Рансибл пожал плечами.

— Что ж, я пропустил их. Но я поймал тебя. Я сообщу кардиналу Зассе о твоем опоздании, и она примет должные меры.

— У меня есть более интересное предложение, — ответил Мортимус. — Если ты хочешь внести меня в список, то добавь в самый длинный. Знаешь, тот, с именами всех наставников и студентов, которые презирают тебя, Рансибл. Он, должно быть, постоянно пополняется.

Рансибл просто пожал плечами и ушел.

— О, что толку, — пробормотал Мортимус. — Некоторые люди не поймут оскорблений, даже если споткнутся об него.

Когда он направился к своей комнате, из тени появилась другая фигура. Но она ничего не сказала. Просто наблюдала за тем, как уходит Мортимус. Спустя несколько минут рядом с ней появилась еще одна — на этот раз послышался треск и показалось слабое сияние, возвещавшие о прибытии.

Они оба носили длинный белый плащ с черной отделкой. Их волосы были гладко зачесаны назад и убраны в «конский хвост», руки были спрятаны в широких рукавах их одежды. Они были регистраторами. Из Небесного Агентства по Вмешательству¹⁰.

— У него будут неприятности, — произнес первый регистратор НАВ.

— Но мы не станем обвинять его сегодня вечером, — ответил другой. — Он уже ушел в свою комнату.

Первый регистратор внезапно поднял голову, как будто прислушиваясь. Затем кивнул, понимая, что любые комментарии передавались ему телепатически. Он улыбнулся второму.

— Наша цель не должна быть нарушена. Седьмая дверь была активирована, Матрица раскрыла тайну. У него есть предназначение, которое мы не должны прерывать. Не сейчас.

И так же тихо, как они прибыли, оба регистратора исчезли, оставив коридор пустым.

Внезапно из-за угла вышел Рансибл с журналом в руке.

¹⁰ CIA (Celestial Intervention Agency) — Небесное Агентство по Вмешательству (НАВ). В оригинале игра слов, CIA также сокращение для ЦРУ (Central Intelligence Agency).

— Кто здесь? Я слышал разговор, я знаю, что вы здесь. Вы будете добавлены в список...

Доктор, Раллон и Кощей стояли в коридоре, Ванселл и Магнус уже зашли в свои комнаты. Дракс и Джелпакс не оставались в общежитии, поскольку их дома находились неподалеку. У Дракса был самодельный мопед, и он с удовольствием согласился подвезти Джелпакса. Доктор подумал, что это забавно — они могли быть категорически не согласны по поводу реликвий, и все же ничто не влияло на их дружбу. Это было самым прекрасным в Деке — несмотря на различия, в глубине души они все оставались друзьями. Хорошими друзьями. Верными до конца.

— Не позволять ничему встать между нами, — пробормотал он.

— Извини? — Кощей приоткрыл свою дверь.

— Хм? О, ничего, мой друг. Ничего.

Пожелав доброй ночи, Кощей ушел в свою комнату.

Раллон и Доктор остались один.

— Ты и Миллениния, когда..., — начал Доктор, — когда нам ждать объявления о счастливой помолвке?

Раллон рассмеялся, затем поглядел по сторонам на случай, если они вдруг привлекли внимание Рансибла, делающего обход.

— Она — прекрасный человек, Доктор. И да, однажды, я думаю, мы сможем соединить наши жизни. Но не сейчас, мой друг. Она все еще...

— Ребенок? — продолжил Доктор, и тут же пожалел об этом, поскольку Раллон нахмурился.

— Ну, раз ты начал прямо, скажу тебе, что вряд ли ее можно так назвать, учитывая ее ум и способности в прикладных космических науках. — Раллон развел руками. — Что я могу сказать? Меня привлекли красивое лицо, великолепное тело, фантастический ум...

— ... и очень влиятельная семья, — усмехнулся Доктор.

Раллон притворился раздраженным, но затем покачал головой.

— Однажды ты сам найдешь кого-нибудь, Доктор. Тогда ты вспомнишь эту усмешку и пожалеешь, попомни мои слова. — Они подошли к своим комнатам. — И да, у нее действительно влиятельная семья — но, к ее чести, она никогда не похваляется этим.

— Спокойной ночи, мой друг, — сказал Доктор. — Боюсь, что потеряю большую часть завтрашнего дня на попытку избежать влияния собственной семьи.

Раллон стоял у двери в свою комнату — напротив комнаты Доктора.

— Я не забыл, Доктор. Завтра твои...

Они оба остановились, так как Доктор открыл дверь в свою комнату, и оттуда выскочило пушистое двухметровое существо. У него была морда, похожая на свиную, два черных глаза с красными пятнышками в центре, и витые рога по обе стороны головы. Его крепкое тело было покрыто пушистым белым мехом, с темно-серой полосой поперек, массивные когтистые лапы упирались в бока. Это был аватроид. Раллон отшатнулся в сторону, но Доктор просто вздохнул. На аватроида был надет ошейник в форме жилета, что не имело значения, поскольку ошейник был слишком тугим на плечах.

— Если ты порвешь его, — раздраженно сказал Доктор, — то весьма расстроишь меня, Барсук.

Барсук пожал плечами, и Доктор вздрогнул, поскольку послышался звук рвущего материала, и жилет распался на две половины.

— Посмотри, теперь тебе нужен новый жилет. Этот — уже пятый, что ты разорвал.

Если Барсук и был заинтересован, то Раллон не смог определить это по выражению на его морде. Вместо этого существо упало вниз, и, игнорируя слабый протест Доктора, схватило его, слегка пофыркивая. Раллон понял, что от удовольствия — аватроид был рад видеть Доктора.

— Раллон, — произнес Доктор, — это — Барсук, мой... друг из дома Лангбэрроу. Барсук, человек, на

которого ты смотришь — мой друг и сокурсник, Раллонвошэйтеллэроу из дома Стилхэвен.

Барсук освободил Доктора и подошел, чтобы обнять Раллона, который быстро отступил, с опозданием понимая, что это выглядело невежливо.

— Твой аватроид — он как бы домашнее животное?

Доктор выглядел встревоженным.

— Не называй его домашним животным, — прошипел он. — Он — мой самый лучший друг. Он не хочет считаться домашним животным! Он становится весьма... сердитым, когда его так называют.

Раллон кивнул. Не домашнее животное, сказал он себе. Хорошо. Не домашнее животное.

— Рад знакомству, Барсук, — громко произнес он.

Барсук кивнул и затем возвратился к Доктору.

— Завтра, — сказал он низким голосом, который, казалось, звучал одновременно из восьми различных направлений (включая улицу и подвал). — Завтра День Другого, Улитка. Также это — твои именины. Два важных события, которые тебе следует отпраздновать.

Доктор кивнул.

— И я предполагаю, что китриарх ожидает моего возвращения домой, хм?

Прежде, чем Раллон смог спросить, почему Барсук назвал Доктора Улиткой, аватроид кивнул и указал на маленькую сумку на кровати. Внезапно рассердившись,

Доктор подбежал к сумке, открыл ее и начал бросать содержимое на кровать, пол и в Барсука.

— Нет! Нет, я не приеду просто потому, что Квинц щелкнул пальцами. И я — Доктор, спасибо. Не Улитка. Не Червоточина. Не Тэта. Доктор!

— Но, Ули... Доктор, семья...

— Может пойти и сгнить, — рявкнул Доктор. Он смотрел прямо на Раллона, и тому показалось, что в глазах Доктора был реальный огонь. Реальное негодование и гнев.

— Последний День Другого, — бушевал Доктор, — Китриарх сказал мне, что недостаточно, что я просто хочу учиться. Недостаточно, что я учусь здесь, в Академии, получил докторскую степень. Нет, он ждет большего. Он ждет, что я стану Повелителем Времени со всеми их генетическими привилегиями, а затем засяду в какой-нибудь комнате, чтобы изучать галактику. Сказал, что я, я, должен задуматься о месте работы. Что ж, я не стану возвращаться. Нет, не стану. — Он ткнул пальцем в Барсука. — И можешь передать ему — если он захочет слушать — что сказал мне, что я ничего не стою, что я — разочарование для дома, семьи и всех кузенов, и он может приехать сам вместо того, чтобы посыпать тебя только потому, что мы — друзья.

Барсук глубоко вздохнул.

— Ординал-Генерал

Квинцессетианобайолосатугразададеуилангбэрроумас настаивает, чтобы ты...

Доктор протолкнулся мимо Барсука, мимо Раллона и побежал вниз по коридору. Раллон и Барсук тотчас бросились за ним. За несколько шагов до цокольных этажей Доктора внезапно схватила чья-то рука.

— Ты должен сейчас спать, — сказал Рансибл. Доктор пожал плечами, и с коротким криком смотритель потерял опору и пропал из поля зрения Раллона, находившегося несколькими ступеньками ниже. К тому времени, когда Раллон и Барсук одолели подъем, Рансибл поднялся. Он открыл рот, чтобы закричать на Доктора, и тут Раллон увидел, как глаза Рансибла расширяются при виде Барсука.

— Нет! — крикнул он. — Правила общежития Академии запрещают содержание домашних животных в комнатах! Я сообщу об этом карди...

— Я — не домашнее животное! — Барсук мягко толкнул Рансибла в грудь (Раллон никогда прежде не видел, чтобы кто-то толкал так мягко, но Барсук сделал это даже изящно), и тот вновь упал. На сей раз его обильные списки разлетелись повсюду.

Раллон остановился на минуту, чтобы собрать их, скатать их в шарик и бросить в окно, которое любезно перестроило свои молекулы, чтобы создать маленький промежуток, который позволил бумаге пролететь и

шлепнуться на пыльную поверхность шестью ярусами ниже. С улыбкой и тихим шепотом «Дека — один, глупый Рансибл — ноль» Раллон догнал Доктора и Барсука, неистово споривших друг с другом.

Одна за другой двери помещения скользили, открываясь, и сонные студенты высовывали свои головы, чтобы взглянуть на причину волнения. Как только они видели кричащих Барсука и Доктора, большинство из них тут же возвращалось, но некоторые решали досмотреть. Несколько из них заключили пари относительно того, кто победит: огромный аватроид или явно разгневанный Доктор.

Следующее утро в Академии было тихим. Весьма тихим.

Раллон не упоминал о событиях прошлой ночи или Докторе. Прекрасно, что ни один студент не обмолвился об аватроиде, шуме, или синяках, покрывавших Рансибла — хотя шептались, что половину он нанес себе сам, так как ни Доктор, ни аватроид не нанесли ему столько ударов. В первый раз речь об этом зашла в классе кардинала Сендока на уроке звездной картографии.

— Используя принцип галактического центра, являющегося фиксированной точкой в пространственно-временном континууме, может ли кто-то, используя координаты планет Брус, Моллассис и Ава, предложить самые быстрые маршруты, чтобы

побывать на всех троих, начиная с системы Алис и заканчивая Кастерборусом?

Он пристально взглянул на Доктора.

— Я понимаю, что некоторые из нас мимолетно знакомы с жителями Авы... что, между прочим, было отмечено Советом Академии.

У Доктора хватило ума, чтобы, по крайней мере, выглядеть смущенным.

Сендок медленно покачал головой и продолжил лекцию, попросив, чтобы второстепенный студент, Грезаурус, ответил на поставленный вопрос.

Позднее, ожидая уроков философии канцлера Делокс, Раллон воспользовался возможностью, чтобы расспросить своего друга. Доктор ответил прямо:

— Барсук отправился с моим ответом к китриарху. Вполне понятным, дружище, чтобы дом праздновал День Другого без моего присутствия.

— Жаль, что у меня нет твоей решимости, — пробормотал Кощей. — Дом Оукдаун никогда бы не отпустил меня так легко.

* * *

— Они послали бы главного, чтобы заполучить тебя, — холодно произнесла Ушас. — Как им и следовало. Но дом Лангбэрроу отправил... домашнее животное. — Ушас произнесла «домашнее животное» так, словно впервые говорила эти слова. Казалось, они ей неприятны.

Ванселл махнул им, указывая замолчать, поскольку канцлер Делокс вошла в комнату. В отличие от большинства небрежно одетых лекторов или студентов, Делокс всегда носила одежду светло-лилового цвета с воротником. Это означало, что она должна была идти более медленно, чем остальные, по длинным коридорам, и она пользовалась этим, чтобы напомнить всем в Академии, что время не торопит Повелителей Времени и их учеников. Она так и поступала. Она была представителем старой школы.

Когда она начала работать в Академии, это было место для немногих избранных, кто хотел попасть в элиту Галлифрея. В те дни это было место, куда просвещенные расы могли отправить своих студентов, чтобы изучить способности Повелителей Времени, их нравы, философию и, в меньшей степени, науку. Конечно, никому никогда не разрешали изучить даже основы технологий путешествий во времени — о, нет. Это было исключительно для галлифрейцев. В конце концов, кому еще можно было доверить такое знание? Даже тем мирам, которым повезло знать о существовании Галлифрея, не хватало нравственности, необходимой, чтобы управлять временем. Кроме этого, единственная задача Повелителей Времени состояла в том, чтобы наблюдать, учитывая все детали происходящего. Наблюдать, как расширяются альтернативные границы времени, наблюдать, как

различные параллельные вселенные начинают существование, наблюдать рождения, жизни и смерти триллионов и триллионов людей. Именно так Повелители Времени использовали свой уникальный дар.

И горе тем представителям любой чужой расы (чужаки, как их называли на Галлифре, как будто термин автоматически подразумевал неполноценность), кто задавал вопросы о путешествиях во времени или работе ТАРДИС. Они с позором были отправлены домой.

— Я слышал о расе, которая сознательно называла себя Чужими и однажды прибыла на Галлифрей, — сказал как-то Магнус во время чаепития. — Они хотели путешествовать во времени, чтобы завоевать вселенную, потому что они были воинами, которые жили в постоянных сражениях, но Повелители Времени удалили их — не только с Галлифрея, но и из существования, и полностью стерли какое-либо упоминание о них.

— Как они смогли сделать это? — спросила Ушас.

Магнус пожал плечами.

— Очевидно, они заключили мир Чужих в силовое поле, а затем отправили назад во времени, стирая их из истории.

Джелпакс взмолниконо кивнул.

— Это верно. Повелители Времени говорили, что Чужие не только прекратят нынешнее существование — они вообще никогда не будут существовать. Я видел запись об этом в одном из журналов наблюдений в библиотеке координатора Азмаэля.

Память об этой беседе пронеслась в голове Доктора, когда он смотрел на Делокс. Да, она была из тех, кто мог это сделать.

Прежде, чем она достигла подиума, с которого всегда читала лекции — или наставления, она щелкнула пальцами и указала на Доктора. Она продолжала идти, указывая кончиком пальца на него, но даже не смотря в его сторону.

— Встаньте. Объясните классу философию Галлифрея.

Доктор встал и, что неудивительно, стал запинаться, ведь он нуждался в данных. Точный и краткий ответ мог занять несколько дней. Он так и сказал.

— Неверно. — Голос Делокс походил на скрип дерева, пораженного молнией. Она указала на Рансибла. — Вы.

— Повинование. Честь. Понимание. Верность. Уважение.

Делокс махнула рукой.

— Почти. Вы забыли сказать «традиция». Традиция так же важна, как и все прочие качества.

Она посмотрела на Доктора.

— Вы и Ваши высокомерные молодые друзья, кажется, забыли все, чему Вас учили, начиная со станка. Вы считаете, что хотите путешествовать, узнать и понять Вселенную, чтобы видеть, что там, те из нас, кто соблюдает правила, управляют слабыми. Ленивыми. Ненужные знания. Вы неправы. Наша философия основана на слове «традиция», и все остальное, что назвал Ваш сокурсник, растет из этого понятия. Без традиции у нас нет жизни. Без традиции у нас нет цели. Без традиции у нас нет — используя архаичный термин — будущего. Общество, к которому Вы принадлежите, было создано и продолжено, улучшено и обогащено Вашиими предками. Вашиими семьями. Вашиими домами. Отклонить его правила, потому что Вы не соглашаетесь с ними — абсолютное тщеславие. Академия не нуждается в тщеславии. Она требует повиновения, чести, понимания, уважения и, прежде всего, Вашей верности. Верности себе, Вашим друзьям, Вашим людям и Вашей семье. Если Вы хотите достигнуть своей докторской степени, стать образованным и мудрым, Вам стоит — и я обращаюсь ко всем в этой комнате, галлифрейцам и пришельцам, — забыть ваши незрелые склонности, вашу высокомерную веру, что вы лучше старших. Вам стоит научиться еще многому. — Делокс вновь обратилась к Доктору. — И Вам в особенности. Вы стоите там,

думая, что умны, образованы и интеллектуальны. Вы полагаете, что Ваше желание избежать родного мира делает Вас уникальным. Достойным особого внимания. Вы неправы. Вы — ничто. Ваша работа — частична, как и Ваше присутствие, и даже Ваша внешность — позор. Вы полагаете что, получив несколько высоких оценок, восемь из десяти от кардинала Борусы, это повод перестать усиленно работать и расслабиться.

Делокс внезапно хлопнула рукой по кафедре, заставляя всех удивленно подскочить — и не в последнюю очередь Доктора, который явно побледнел.

— Как Вы смеете такое предполагать. Вы — ничто. Вы — микроскопический винтик в обширном оборудовании, которым является эта Вселенная. Без Вас Вселенная продолжила бы существовать и никогда не заметила бы Ваше отсутствие. Вы незначительны всем и всему, кроме себя. К сожалению, Ваша самооценка далека от реальности. Вы испытываете недостаток в самом важном компоненте интеллектуального, мыслящего человека. Смирение. Пока Вы этому не научитесь, мне не требуется Ваше присутствие в своем классе. Возвращайтесь завтра, после того, как Вы посетите китриарха. Если Вы не сделаете этого, можете не трудиться возвращаться в Академию, кроме как для того, чтобы забрать свое имущество.

Тишина. Раллон увидел, как Кощей, Ушас, Милления и все остальные, кого он видел, сдерживают свое дыхание. Он мог поклясться, что слышит стук многочисленных сердец, бьющихся быстрее, чем обычно. Все сделали вид, что что-то в комнате отвлекает их от взгляда сердитого лектора. Только Доктор продолжал смотреть на Делокс. Он медленно сел обратно и стал собирать свои ручки, тетради, записные книжки и планшет. Один за другим он поместил их в карманы, все еще не сводя взгляд с женщины во главе комнаты.

— Однажды, Мадам, — сказал он очень спокойно, но твердо, — Вы будете гордиться мной, и тогда поймете, что в Вашем понятии нашей философии отсутствует одно слово — «перемены».

Он вышел, высоко подняв голову.

И Раллон, Магнус, Кощей, Джелпакс и остальные из Деки поняли, что ничего уже не будет так, как прежде.

Раллон, Магнус и Милления нашли Доктора несколько часов спустя. Он сидел на скале у подножия горы неподалеку от родного дома, Лангбэрроу. Он все еще был одет в свой темный костюм Академии, из его карманов торчали ручки и планшет. Он явно не был дома. Он также выглядел заплаканным, хотя никто не стал упоминать об этом.

Несмотря на свой вид, он широко улыбался, держа в руке цветок.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Теперь все это имеет смысл!

Будучи старшим, Раллон поинтересовался, что делал Доктор.

— Делокс оказала мне самую большую услугу. Она заставила меня посмотреть внутрь, обнаружить правду. Она была права, мои друзья, но также ужасно ошибалась!

Он внезапно обернулся к горе, взглянув на небольшую хижину, где, по-видимому, жил один из Отшельников. В ней никого не было, но Доктор махнул рукой и затем аккуратно положил цветок в карман. Миллениния отпустила Раллона и положила руки на плечи Доктора. В ее глазах угадывалось беспокойство.

— Ты уверен, что прав, Доктор? Мы все переживаем.

Он мягко снял ее руки и улыбнулся. Раллон подумал, что никогда прежде не видел столь радостную, столь ликующую улыбку.

— Я в порядке. Огромное спасибо! — Доктор стоял и смотрел на своих трех друзей. — Идем, — сказал он. — У нас есть работа.

Чуть позднее они зашли в одну из многочисленных библиотек Академии. Несколько студентов склонились над экранами компьютеров, делая примечания с помощью ручки и бумаги — странная смесь

технологий, которую, казалось, Академия полностью одобряла.

Доктор сел и достал маленький цветок, который он нашел возле горы. Милления потянулась к нему, но он хлопнул ее по руке. Она бросила на него взгляд, который был красноречивее любых слов, но он не заметил. Вместо этого Доктор смотрел на цветок и на его увеличенный снимок на экране. Он повернул изображение на 360 градусов.

— Вы видите? Миллионы крошечных атомов. Каждый удивительной сложности и красоты. Индивидуально они — ничто, но, соединившись, создают нечто очень красивое.

— Это — маргаритка, Доктор, — проворчал Магнус. — Это белое, желтое и зеленое. Трудно назвать это красивым.

Доктор покачал головой.

— Нет, это — ошибка, которую я сделал. Смотрите внимательней. Красота находится не в его внешности, а в том, что он представляет. Почему? Почему маргаритки существуют? Почему они выбрали такой способ существования? Почему не красные? Почему не три фута высотой или ярд шириной?

— Потому, что это — часть Вселенной, — спокойно ответила Милления. — Академия учит нас, что высшая математика ищет причины создания, исследуя и ...

— Разве ты не видишь, Милления? — мягко прервал Доктор. — Жизнь намного сложнее, чем это место. Эта Академия. Эта планета. Я думал, что всё, что мы, Дека, можем — это мечтать. Что это — наша судьба, чтобы находиться здесь и сожалеть о том, что мы родились для того, чтобы мечтать. Но нет. Нет, я вижу теперь, что мы можем что-то изменить. Мы можем быть столь же важными в нашей Вселенной, как и каждая из этих молекул. Вот настоящая красота этого цветка. Так намного яснее, чем когда мы видим все сразу, идя через луга около холмов.

— Или наступаем на маргаритки, когда идем по ним, чтобы возвратиться к пескам. — Раллону надоел этот разговор. — Брось, Доктор, к чему все это?

Доктор начал копаться в компьютере, пролистывая страницы данных.

— Это все здесь, вы знаете. Тайны, слухи, легенды и факты. У Повелителей Времени есть доступ, но они боятся его использовать. — Его пальцы стучали по клавиатуре, подбирая коды, чтобы загрузить терабайты информации на свой планшет.

Раллон улыбнулся, вспомнив кардинала Борусу, часто повторявшего классу, что истина, ответы на все вопросы, могут быть найдены только в чистой математике. Наука легендарных логополианцев стала реальной. Именно это имела в виду Милления. Но здесь таился другой вид истины — истина, что жизнь

куда значительней, куда больше, чем математика. Наука. Существовала целая Вселенная, наполненная жизнью, которую можно было изучать. Раллон внезапно осознал это и поддержал друга.

С довольно преувеличенной радостью Доктор выключил компьютер и взял планшет, теперь полностью заполненный информацией.

— Мы должны показать это остальным, чтобы выбрать нашу цель.

Магнус отступил.

— Нашу цель? Что ты имеешь в виду?

Доктор пристально взглянул на него, и во второй раз за сутки Раллон увидел что-то в его глазах. Словно огонь. Или опасность. Что-то не совсем... галлифрейское. Что-то необычное.

— Милления хочет путешествовать. Это мы и сделаем.

— Согласен? — спросила она Раллона.

Он поцеловал ее в щеку и ответил:

— Полностью согласен!

Доктор взял планшет и покинул библиотеку. Остальные следовали чуть позади, улыбаясь сердитым взглядам других студентов, которые не хотели ничего иного, кроме как спокойно учиться.

Невидимое для студентов или сотрудников библиотеки, нечто удивительное возникло у компьютера, за которым работал Доктор. Невидимое,

потому что на несколько мгновений Галлифрей остановился. Целиком и полностью. Время для единственных существ в галактике, которые могли утверждать, что узнали смысл этого понятия, просто прекратило существование.

Листок бумаги, который уронила уходившая Миллениум, неподвижно висел в воздухе. Красная жидкость, выпитая библиотекарем, застряла как неподвижный кусок между краем стакана и его горлом. В коридоре снаружи четверо спешащих студентов в действительности не двигались. В библиотеке воздух мерцал иискажался, пока из него — словно в нем была дверь — не появились двое регистраторов в черно-белой одежде. Они оглянулись по сторонам, а затем один из них поднял маргаритку, оставленную Доктором.

— Определенно, этот. — Он протянулся к клавиатуре, за которой работал Доктор, и ввел код. Мерцающий воздух окутывал его руки и включившийся компьютер. Он нажал несколько клавиш и ушел. Компьютер вновь вернулся в состояние сна.

— Чистка завершена!

И, с маргариткой в руке, регистратор исчез вместе со своим спутником. Воздух прекратил мерцать. Библиотекарь выпил свой напиток, листок бумаги

шлепнулся на пол и снаружи в коридоре четверо спешащих студентов продолжили свой путь.

Никто на Галлифреे не знал, что время остановилось. Кроме тех, кто сделал это.

Позднее той же ночью Раллон понял, что Доктор забыл о наказах своего китриарха. Никакого посещения Лангбэрроу сегодня вечером явно не предполагалось. Вместо этого большинство членов Деки находились в комнате Джелпакса, наблюдая, как он, Доктор и Мортимус — их эксперт по истории — исследовали данные, добытые Доктором.

Среди них не было ни Дракса, ни Ушас. Оба заканчивали проект для Академии. Если Доктор и заметил их отсутствие, подумал Раллон, это не имело для него значения. Ванселл был, очевидно, незаинтересован, поскольку ходил кругами перед дверью. Раллону показалось, что тот выглядел весьма взволнованным. Возможно, он был уже на грани отчисления, и ещё одна ночь с Декой только усугубила бы ситуацию. Хотя Ванселл всегда отличался преданностью Деке. Впрочем, если поразмыслить, было весьма странно, что он присоединился к ним. Но ведь Миллениния или Магнус тоже не выглядели типичными представителями тайного клуба. И Ушас, и Джелпакс... Так или иначе, в отличие от Доктора, Джелпакса и Мортимуса, Ванселл был явно незаинтересован.

Раллон поймал взгляд Кощея, который говорил, что эти трое с планшетом больше походили на детей, получивших подарки на День Другого. В частности, Мортимус выглядел весьма довольным, разбираясь в записях.

— Эта планета очаровывает, — произнес он.

— Которая? — спросил Джелпакс.

— Земля, — вмешался Доктор.

— О..., — хором произнесли остальные, уже привыкшие к любви Доктора к этой довольно примитивной планете. Никто не понимал, почему он так тщательно изучает все детали о ней.

— Отличное место, — продолжил он, обращаясь к Мортимусу так, словно читал лекцию. — Очень жестокий мир, но в то же время цивилизованный. В отличие от большинства планет, он постоянно то падает, то поднимается.

Мортимус указал на данные.

— Согласно этим записям, Повелители Времени посещали другие планеты, чтобы получить знания из первых рук..., — он затих.

— Повелители Времени покидали Галлифрей? Но этого...этого...

— Вполне достаточно, чтобы обнародовать свое драгоценное прекрасное общество, — мрачно сказал Кощей.

Остальные посмотрели на него, и он улыбнулся.

— Эй, это просто наблюдение.

Но Магнус, казалось, серьезно задумался об этом. Возможно, он вспомнил истории о планете Чужих, силовых полях и угрозах стирания из времени.

— Что будем с этим делать? — Доктор обратился к данным. — Кто-нибудь слышал про Миньос?

На следующие несколько часов Дека погрузилась в различные тайны прошлого.

Спустя некоторое время Ванселл заметил:

— А вам не пришло в голову, что эти воображаемые глубокие, темные тайны оказалось слишком легко раскрыть?

Доктор возмутился.

— Мне, вообще-то, пришлось постараться. Потребовалось множество кодов, чтобы взломать систему безопасности сети APC.

Ванселл пожал плечами.

— Хорошо, и все же мне кажется, что было достаточно просто. Словно они хотели, чтобы это было найдено.

Милления гневно взглянула на Ванселла.

— О, ты такой зануда. Доктор действительно проделал сложную работу, чтобы получить это.

Джелпакс вздохнул.

— Должен признаться, что в словах Ванселла что-то есть. Я имею в виду, мы действительно можем столкнуться с чем-то секретным.

— Отлично, — сказал Кощей. — Чем меньше тайн, тем лучше. Продолжайте. Давайте посмотрим, что еще скрывают Повелители Времени.

Мортимус просматривал файлы.

— Раса людей в анабиозе в результате гамма-войны ... Две одинаковые планеты по разные стороны Вселенной, не знающие друг о друге, но с одинаковым населением и культурой ... Водная планета, где жизнь существует в огромных городах, плавающих в небе, которые держатся там благодаря умственным способностям населения ... Город, построенный вокруг огромного оружия, чтобы скрыть его... Киберлюди... Далеки... Гигантские вампиры...

— Ну, понятно, что там упоминаются вампиры, — сказал Ванселл. — Это скучно. Неужели нет ничего более интересного?

— О, так мы интересуемся только самими собой? — сказал Магнус.

Ванселл пожал плечами и начал исследовать дверь, делая вид, что царапина или пятно больше занимают его, чем это.

— Древние Вселенной...

Доктор отнес планшет подальше от Джелпакса и Мортимуса и начал читать:

ЗАПИСИ РАССИЛОНА: СТРАЖИ ВСЕЛЕННОЙ.

ВСЕЛЕННАЯ НАХОДИТСЯ В ПОСТОЯННОМ ДВИЖЕНИИ — И ПО СУЩЕСТВУ

УРАВНОВЕШИВАЕТСЯ КОСМИЧЕСКИМИ СИЛАМИ СТРАЖЕЙ. САМЫХ ВЫСШИХ СУЩЕСТВ, ПРЕВОСХОДЯЩИХ ВСЕХ.

— Всех. Ну, это полезно, я должен сказать.

— Продолжай, — рассмеялась Милления. — это забавно.

Доктор продолжил читать вслух.

РАССИЛОНУ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ ТОЛЬКО ДВОЕ СТРАЖЕЙ — СВЕТЛЫЙ И ТЕМНЫЙ, ДОБРЫЙ И ЗЛОЙ, ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ. НО РАССИЛОН ЗНАЛ, ЧТО СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ СУЩЕСТВА. ОНИ ПОЯВИЛИСЬ ИЗ ИНОЙ ВСЕЛЕННОЙ, ЧТОБЫ ИССЛЕДОВАТЬ, ВТОРГНУТЬСЯ ИЛИ КОЛОНИЗИРОВАТЬ НАШУ СОБСТВЕННУЮ. ОН СЧИТАЛ ИХ СТРАЖАМИ — ДЛЯ СУЩЕСТВ, КОТОРЫЕ ПРИБЫЛИ В НАШУ ВСЕЛЕННУЮ, РОДИЛИСЬ В НЕЙ ИЛИ ИСЧЕЗЛИ ИЗ НЕЕ. РАССИЛОН НАЗВАЛ ИХ «ДРЕВНИМИ»¹¹, ПРЕДПОЛАГАЯ, ЧТО ОНИ, ВОЗМОЖНО, БЫЛИ ПОВЕЛИТЕЛЯМИ ВРЕМЕНИ ИЗ ДРУГОЙ ВСЕЛЕННОЙ, НАМНОГО БОЛЬШЕЙ И РАЗВИТОЙ. РАССИЛОН ДАЛ ИМ ИМЕНА И ПРИЗВАЛ

¹¹ Древние — в произведениях Г.Ф.Лавкрафта древние и ужасные божества, пришедшие на Землю со звёзд.

ПОВЕЛИТЕЛЕЙ ВРЕМЕНИ БЫТЬ НАСТОРОЖЕ
ПРОТИВ ИХ ЗЛА, ИХ ПРЕСТУПНЫХ НАМЕРЕНИЙ:

ХАСТУР¹².

ЙОГ-СОТОТ¹³.

ШАБ-НИГГУРАТ¹⁴.

КТУЛХУ¹⁵.

МЕЛЕФЕСЕНТ.

¹² Хастур — также известен как Фенрик (Седьмой Доктор). В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — божество, живущее за пределами космоса, обычно приходит в виде вихря. Способно высасывать вызывающего, оставляя лишь оболочку.

¹³ Йог-Сотот — также известен как Великий Разум (Второй Доктор, Одиннадцатый Доктор). В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — божество, связывающее разные измерения и миры.

¹⁴ Шаб-Ниггурат — появляется только в книгах, считается матерью сознания Нестин (Третий Доктор, Девятый Доктор). В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — божество плодородия.

¹⁵ Ктулху — более подробно в книге «Белая Тьма» с Седьмым Доктором. В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — злой бог, который покоится в затонувшем городе Р'Льех и ждет своего часа, когда звезды примут нужное положение, и он вернется к жизни, чтобы сеять хаос и разрушения.

ТОР-ГАЗУК.

ГОГ И МАГОГ¹⁶.

ЛЛОЙГОР¹⁷.

НЬЯРЛАТОТОЕП¹⁸.

ДАГОН¹⁹.

И, НАКОНЕЦ, ТРИ ВЕСТНИКА ХАОСА, ЧТО ИЩУТ СЕБЕ ПОДОБНЫХ В НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ: РААГ, НАН И РОК²⁰, КОТОРЫЕ СООБЩА СМОГЛИ БЫ РАЗРУШИТЬ ЭТУ ВСЕЛЕННУЮ, КАК РАЗРУШИЛИ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ, И, ВОЗМОЖНО, МНОЖЕСТВО ДРУГИХ РАНЕЕ.

¹⁶ Гог и Магог — в мифологии Земли считаются гигантами, упоминаются Четвертым Доктором в серии «Камни крови».

¹⁷ Ллойгор — упоминается только в книгах.

¹⁸ Ньярлатотеп — упоминается только в книгах. В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — воплощение хаоса, посланник богов.

¹⁹ Дагон — упоминается только в книгах. Является предметом поклонения Морских дьяволов (Третий Доктор). В произведениях Г.Ф.Лавкрафта — подводное божество. Вместе с Матерью Гидрай является покровителем Глубоководных.

²⁰ Рааг, Нан, Рок — также известны как Боги Рагнарёка (Седьмой Доктор).

НО РАССИЛОН СОМНЕВАЛСЯ, ВСЕ ЛИ ДРЕВНИЕ ИМЕЮТ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ В НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ?

ВОЗМОЖНО, СТРАЖЕЙ БЫЛО БОЛЬШЕ?

СТРАЖ ПРАВОСУДИЯ?

СТРАЖ СМЕРТНОСТИ?

СТРАЖ ВООБРАЖЕНИЯ?

И РАССИЛОН СТАЛ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ ДВУМ СТРАЖАМ. ОТКУДА ОНИ РОДОМ? ЧТО СОЗДАЛО ИХ? БЫЛИ ЛИ ОНИ ПЕРВОБЫТНОЙ СИЛОЙ? КАК ОНИ МОГЛИ ПРИНИМАТЬ ФОРМУ, ЗНАКОМУЮ ТЕМ, КОМУ ОНИ ПОЗВОЛЯЛИ УВИДЕТЬ СЕБЯ? БЫЛА ЛИ КРЕМНИВАЯ ЖИЗНЬ ЕДИНСТВЕННОЙ, КОТОРУЮ ВИДЕЛ ЧЕРНЫЙ СТРАЖ? ВИДЕЛ ЛИ БЕЛЫЙ СТРАЖ МАШИНЫ, ПОХОЖИЕ НА КОРОБКИ?

НО СТРАЖИ ОТКАЗАЛИСЬ ОТВЕЧАТЬ И ЗАБРАЛИ РАССИЛОНА ИЗ ЕГО СФЕРЫ, ЧТОБЫ НАУЧИТЬ ЕГО СМИРЕНИЮ. ПОКАЗАТЬ ЕМУ, ЧТО, НЕСМОТРЯ НА ПРЕВОСХОДСТВО ПОВЕЛИТЕЛЕЙ ВРЕМЕНИ НАД ДРУГИМИ СУЩЕСТВАМИ, ЕСТЬ И ТЕ, КТО ВЫШЕ ИХ. И С ТЕХ ПОР РАССИЛОН СТАЛ УВАЖАТЬ ЖИЗНЬ ВО ВСЕХ ЕЕ ФОРМАХ, ЗНАЯ, ЧТО ВСЕГДА ЕСТЬ НЕЧТО ВЫСШЕЕ.

— Чушь, — сказал Мортимус. — Кто может быть более развитым, чем Повелители Времени?

Ванселл высунулся из дверного проема.

— Неудивительно, что они не преподают это в Академии. Представьте, что Делокс узнает о том, что она не самая высшая форма развития во Вселенной?

Остальные рассмеялись. Кроме Доктора, Мортимуса и Джелпакса — они были поглощены просмотром данных на планшете.

— Взгляните сюда, — указал Доктор.

ПОЗДНЕЕ ПОВЕЛИТЕЛИ ВРЕМЕНИ ВЕРНУЛИСЬ К ЭТОМУ СПИСКУ, ОБСУЖДАЯ, БЫЛО ИЛИ БЫЛИ СУЩЕСТВА — СУДЯ ПО НЕТОЧНЫМ ДАННЫМ — ИЗВЕСТНЫЕ КАК ИГРУШЕЧНИКИ.

Мортимус взволнованно кивал, продолжая читать.

— Да, да, да. Было — или были, если так больше нравится — существо с огромной умственной силой, которое могло построить и разрушить целые области с помощью ума.

Он повернулся и обхватил за плечи Доктора.

— Найди их, Доктор, и Делокс никогда больше не сможет критиковать тебя.

— Что? — скептически произнес Ванселл. — Ты думаешь, что мы вдесятером, новички среди Повелителей Времени, сможем сделать то, что Рассилон, Темные Повелители и агенты НАВ не смогли сделать? Ты настолько тщеславен, Доктор?

Доктор вскочил и направился к Ванселлу, сжав руки в кулаки.

Магнус тут же очутился между ними, в то время как Кошечка легко, но упорно тянула Доктора назад.

— Послушайте, вы, двое, — спокойно сказал Магнус. — Перестаньте нападать друг на друга. Ты, — обратился он к Ванселлу, — вообще не должен быть в Деке, если считаешь, что мы не можем чего-то достигнуть. А ты, Доктор, ты должен признать, что он прав. Если Рассилон не смог найти ответы, разве мы сможем?

— Возможно, — сказала Миллениум, присаживаясь рядом с Мортимусом, просящим совета по использованию планшета — «потому что он не был столь продвинут». Она начала собирать информацию из различных источников. Она щелкнула пальцами, и Раллон с Джелпаксом отдали ей свои планшеты, чтобы она смогла быстрее собрать информацию.

Магнус почувствовал, что Доктор успокоился, переведя внимание на работу Миллениум.

— Что ты делаешь?

— Создаю многоплановую интерактивную базу данных, используя каждую перекрестную ссылку, которая упоминает об Игрушечниках. Теперь ждите.

На несколько секунд наступила тишина. Восемь из них смотрели на терабайты информации, связывающей исследования, легенды, правду и слухи.

Наконец на планшете Доктора высветилось три координаты.

— Знаешь, любимая, — сказал Раллон, — ты очень талантлива.

Милления подмигнула ему.

— Иногда я сама себе удивляюсь. Но я рада, что это пригодилось.

Доктор взял планшет, обдумывая координаты.

— Можно мне? — Это был Кощей. — Космическая наука — моя специальность, — пояснил он.

Слегка подумав, Доктор кивнул и протянул ему планшет.

Коштей засмеялся.

— Ну, я не знаю, насколько это достоверно, Доктор. Я имею в виду, первые координаты указывают на центр созвездия Ориона. Но остальные два могут быть где угодно. Выбирай.

Ванселл фыркнул.

— Вы сошли с ума. Из-за того, что нашла Милления, вы собираетесь нарушить все законы Галлифрея, покинуть планету и чем все это закончится? Смертью, скорее всего.

Глаза Доктора вспыхнули от ярости.

— Никто не просит, чтобы ты присоединялся к нам, Ванселл. — Он повернулся к остальным. — Да, я предлагаю нарушить закон. Да, я предлагаю нечто опасное. Но если мы останемся здесь, если мы не докажем тем соням, что называют себя Повелителями Времени, что существует Вселенная, которую стоит

исследовать — не только смотреть, наблюдать, делать записи, но и принимать участие — тогда ради чего жить здесь.

— А если нас поймают? — поинтересовался Магнус.

— Если нас поймают, мы признаем свою вину. Но в любом случае, даже если нас поймают, это встряхнет их немного, внесет сумятицу в их удобный мирок. Взгляните на те отчеты. Было время, когда Галлифрей занимался исследованиями. Вспомните Миньос. Вспомните Смертельную Зону. Подумайте о первых годах Галлифрея, когда исследователи рисковали во временной воронке. У них была страсть к приключениям. Их гены все еще в нас.

— Кажется, только в тебе, — ответил Ванселл.

Доктор застыл

Мортимус внимательно наблюдал за ним, но все еще просматривал информацию с планшета. Джелпакс не хотел смотреть в глаза Доктору и уставился на его ноги. Кощей стал чесать руку, как будто зуд внезапно стал самой важной вещью в мире. Милленния вытаскивала нитку из одежды. Только Раллон кивнул ему, готовый идти.

— А ты? — обратился Доктор к Магнусу.

Магнус хотел сказать «да», он хотел исследовать, хотел знать, почему Повелители Времени со своей силой и технологиями тратили больше времени на

философские дебаты, чем на наблюдение за другими планетами. Но он хотел окончить Академию. Понять энергию, необходимую для путешествий во времени, понять не как, а почему работают ТАРДИСы. Как они построены. Если бы он отправился с Доктором и Раллоном, то, скорее всего, пожертвовал бы своим будущим.

— Извини, Доктор. Но я гарантирую, что вы сможете получить ТАРДИС. Это — самое большее, что я могу сделать.

Доктор выглядел удрученным.

— Я бы сказал бы, что это — наименьшее, что ты можешь сделать, но, тем не менее, я благодарен.

Он повернулся к остальным.

— Кощей? Мортимус? Джелпакс?

Они отрицательно покачали головами.

— Раллон?

— Да, можешь рассчитывать на меня.

— Ванселл?

Ванселл рассмеялся.

— О, конечно, я собираюсь пожертвовать своим будущим ради вас. Ты — дурак, Доктор. И ты тоже, Раллон.

— Я пойду с вами, — сказала Милленния. Она кивнула и сказала громче: — Да, я хочу увидеть, что там.

Она подошла к Ванселлу.

— Остальные обсудили это и приняли решения, основанные на фактах. Но ты, Ванселл, что сделал ты, кроме язвительных высказываний? Оставаться здесь, возможно, более безопасно, но едва ли более интересно.

— Возможно, нет, — он пожал плечами. — Но в итоге я сделаю карьеру.

Ванселл развернулся и вышел.

— Он предаст нас? — громко спросил Раллон.

Доктор покачал головой.

— Нет. Даже Ванселл не сделает этого. Наша верность друг другу — вот, что держало нас вместе все эти годы.

— Ничто не сможет разделить нас, — пробормотал Кощей.

— Да, — подтвердил Доктор. — Ничто.

ГЛАВА 2

(ВЕЧНО) ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ

— Ты не знаешь, как управлять ею, так ведь?

Доктор, склонившийся над консолью ТАРДИС, расправился.

— Конечно, знаю, — ответил он Милленини. — Вам двоим больше нечем заняться, кроме как критиковать?

Раллон рассмеялся.

— Я проверю прибор для обнаружения мест повреждений.

— Прибор для обнаружения мест повреждений, — пробормотал Доктор. — Я — этот прибор. Я могу найти ошибку.

Миллениния обернулась.

— Я думала, что повреждений нет.

— Повреждений нет, — ответил ей Доктор. — Но если бы были, то нашел бы их я, а не какой-то смешной прибор.

— Это в системе навигации, — крикнул Раллон из комнаты с детектором. — Г3 4С.

— Я знаю, где находятся системы навигации, Раллон, — Доктор потянул рычаг на панели ТАРДИС,

открыв тем самым ближайшие двери, заглянул внутрь, затем закрыл и потянул следующий. — Ну, если у них не было движущихся...

Милления стала ходить по комнате.

— ТАРДИС меньше, чем я себе представляла.

— Это всего лишь Тип 18, Милления, — сказал Раллон. — Если бы мы достали Тип 35, или даже Тип 30 модели III, нам было бы легче.

— Ну, если бы кое-кто отвлекал диспетчера подольше, то я смогла бы найти их.

Доктор ударил по панели.

— Это — лучшее, что я мог сделать. — Он разгневанно посмотрел на Миллению. — Как обычно, все должен делать я, хм?

— Ради справедливости должен заметить, Доктор, — сказал Раллон, — что это была твоя идея. Мы просто отправились путешествовать!

— Я хочу увидеть лицо канцлера Делокс, когда мы вернемся; посмотрим, будет ли она по-прежнему считать, что ты ничего не стоишь, Доктор, — Милления внезапно хлопнула в ладоши. — О! Я хочу взять сувенир на память. Камень или что-то подобное. Представляете, что мы можем с ним сделать!

— Что именно? — спросил Доктор, вновь пытаясь разобраться в системе навигации.

Мысли Милленини явно были далеки от его собственных — тем более, что она никогда не интересовалась геологией.

— О, я не знаю. Можно добавить его к скале Галлифрея, таким образом, геологи будут удивлены. Так или иначе, я хочу показать его своей семье, доказать, что мы способны учиться и без их влияния.

Доктор с любопытством посмотрел на нее, вспомнив печальный факт, что у ее семьи были связи и деньги, а не мозги. Благодаря им Миллениния смогла учиться в Академии, выбравшись из родного дома. Но, хотя она была юна, Доктор был впечатлен ее способностями, как и Раллон. Он не сомневался, что однажды она докажет дому, насколько умна. Возможно после этой самой экскурсии.

— Думаю, что устрою вечеринку, когда мы вернемся. Долгожданный дом для храбрых авантюристов.— Она оглянулась по сторонам. — Где компьютер?

— Зачем? — спросил Раллон.

— Я хочу начать составлять список тех, кого пригласить, идиот. — Она поцеловала его в щеку. — О, и моя семья не входит в него.

Ничего не ответив, Раллон дотронулся до выключателя, открыв базу данных. Миллениния взглянула на экран и клавиатуру.

— О, как необычно, — сказала она.

— Это так же необычно, как и на компьютерах в библиотеке, — ответил Доктор.

— Я знаю, — сказала Милления. — Я не настолько глупа. Просто способ ввода на этой консоли кажется мне странным.

— Милления, — отвлек ее Раллон. — Я думаю, что есть вторая консоль вниз по коридору. Почему бы тебе не использовать ее, пока Доктор и я будем здесь работать, а через несколько часов ты расскажешь нам о вечеринке, идет?

Милления улыбнулась ему, хотя понимала, что от нее хотят избавиться.

— О, Раллон, у тебя всегда есть множество хороших идей, — сказала она с сарказмом, уходя на поиск другой консоли.

— Спасибо, — произнес Доктор. — Теперь объясни мне, почему она здесь?

Раллон улыбнулся.

— Поскольку она мечтает о приключениях, так же, как ты или я, Доктор. И, — он потянулся и заговорщически обхватил своего друга за плечи, — потому, что если бы были только ты и я, мы стали бы рисковать. Глупо рисковать. Но в этом случае, будучи джентльменами, мы гарантируем, что не сделаем ничего опасного для жизни. В конце концов, ты бы хотел объяснять ее семье, что с ней что-то случилось?

Доктор скривился.

— Я не хотел бы объяснять это даже мебели, уже не говоря обо всей семье.

Раллон подмигнул.

— В точку, старик.

Впервые Доктор позволил себе улыбнуться.

— Хорошо, но она — под твоей защитой. Мне не нравится быть ответственным за других людей.

Миллениум просунула голову в двери из внутренних разделов ТАРДИС.

— Мне стало скучно составлять списки. Напоминает о том, как наша домоправительница заставляла делать это, когда хотела меня наказать. Почему мне кажется, что что-то опять случилось?

Доктор и Раллон посмотрели друг на друга, надеясь придумать достаточно быстрый ответ.

— Ты можешь помочь мне здесь, — сказал Доктор.

— Можешь прочитать мне некоторые показания приборов?

Глаза Миллениум на мгновение вспыхнули, и Доктор впервые заметил, насколько она была красива. Неудивительно, что Раллон влюбился. Он кашлянул и подошел к ней.

— Думаю, что должен извиниться, Миллениум. Я был не лучшим... спутником с тех пор, как мы отправились в это маленькое путешествие. Беспокоился о достижении цели и тому подобном. Ну, ты понимаешь?

Милления пожала плечами, продолжая улыбаться.

— Конечно, понимаю, Доктор. Мы все привыкли к твоим странным чудачествам.

Она посмотрела на консоль ТАРДИС.

— Какие показания нужно прочесть?

Доктор посмотрел сначала на нее, а затем на Раллона.

— Те. Там. — Доктор указал пальцем на диск. Он понятия не имел, для чего это было, но это даст Миллении почувствовать себя занятой и полезной.

— Пункт 1, — принялась читать Милления.

А затем случилось нечто... странное.

Резкие пучки света внезапно срикошетили от стен ТАРДИС, сопровождаясь громким жужжащим шумом. Сама ТАРДИС начала вращаться и качаться в разные стороны. Консоль принялась искрить. Свет в ТАРДИС потускнел, они могли видеть друг друга только благодаря тому, что рядом возникали новые лучи.

— Они что-то ищут, — пробормотал Доктор, мысленно пытаясь проанализировать новую проблему. Он направился в сторону, и один из лучей света сразу же ударил туда, где он только что стоял. — Разумно и усердно.

Милления спряталась в углу, но Раллон подошел к Доктору, избегая лучей.

— Я вычислил, что промежуток между ударами — три секунды, — сказал он. — Пока мы неподвижны, они не видят нас.

— Вероятно, это какая-то защита ТАРДИС, — простонала Милления. — У нас проблемы с Повелителями Времени?

Раллон махнул ей, чтобы успокоить. И исчез в луче света, который ударил в него — и словно удлинил, растянув до потолка ТАРДИС.

Все закончилось. ТАРДИС больше не двигалась, огни прекратились и шум затих.

— Раллон? — Милления подползла к Доктору. — Куда он исчез?

Доктор увидел, что она испугана. Сказать по правде, он тоже. Он осторожно поднялся и включил сканер ТАРДИС. Один из экранов на стене замерцал и сменился изображением того, что было снаружи. Белизна. Такая белая, какой Доктор никогда не видел прежде. Не снег, как на горах южного Галлифрея, не краска, как в переходах между комнатами Академии. Просто белизна. Небытие.

— Мы можем теперь вернуться домой? — прошептала Милления. Она подтянула колени к груди и обняла их, слегка раскачиваясь, как будто пыталась успокоиться. Доктор понял, что должен взять ситуацию под свой контроль. Боруса всегда повторял ему, что никогда не следует позволять ситуации брать контроль

над тобой. И даже голос старика с горы, казалось, проник в его мозг.

— Твоя судьба в твоих руках, мой мальчик. Внешние силы могут повлиять на нее, но твоя судьба определяется тобой и тем, что ты делаешь с событиями, с которыми сталкиваешься.

Его два самых значимых учителя. Настало время, чтобы узнать, насколько хорошо они научили его. Нет. Узнать, как хорошо он слушал и учился.

Проверив внешние данные и найдя их безопасными, он открыл двери ТАРДИС.

Белого яркого света, которого он ожидал, там не было, поэтому он осторожно высунул голову. Он не видел пола, крыши или стен. Просто белая пустота. Стояла ли ТАРДИС на твердой почве или плыла? Он опустился на колени, протянул руки и потрогал небытие вне дверей ТАРДИС. Оно казалось устойчивым, поэтому он снова встал и вышел, задержав дыхание, готовый упасть. Однако, независимо от того, чем это было, оно было твердым. Не оглядываясь, он протянул руку обратно в ТАРДИС и позвал Миллению. Через секунду он почувствовал ее руку в своей и крепко сжал ее.

Вместе они вышли из ТАРДИС и оглянулись назад. Устройство «хамелеон» не было активировано — ТАРДИС ничего не смогла различить в этой среде, чтобы создать подходящую иллюзию.

— Как интересно, — пробормотал Доктор.

— Смотри! — Милленния хотела броситься назад.

К ним приближалась дорога из желтых плит, по три в ряд, создающая сама себя.

— Нет, подожди, — сказал Доктор, крепче сжимая ее руку.

Желтые каменные плиты остановили свое строительство у его ног.

— Доктор!

Он обернулся на крик Милленнии. ТАРДИС удалялась все дальше. За несколько секунд белая коробка так смешалась со средой, что они не могли сказать, исчезла ли она или находилась слишком далеко для того, чтобы быть увиденной.

Только не ТАРДИС переместилась — а они. Они увидели под ногами желтые каменные плиты и поняли, что передвигались с той же скоростью, с какой ранее появилась эта дорога. Плиты позади них были сделаны на скорую руку и выглядели колеблющейся тропинкой.

— Блестяще, — сказал Доктор. — С научной точки зрения, это...

Он остановился. Лицо Милленнии сказали ему все, что он должен был знать. Она была испугана, целиком и полностью, и его бормотание ничуть ее не успокаивало.

— Извини, дорогая, — сказал он. — Меня слегка занесло...

Когда дорога прекратила перемещаться, они оказались в квадрате. Пол вновь стал белоснежной пустотой, но вокруг была стена, сделанная из массивных блоков. С одной стороны она была аккуратно сломана — чтобы оставить промежуток.

— Привет, — послышались два безжизненных голоса позади них.

Они повернулись и увидели приветствующих их двух серьезных, безукоризненно одетых людей — мужчину в сером костюме в полоску и шляпе-котелке и женщину в сером свитере и юбке. Оба носили очки в роговой оправе, мужчина также нес газету и зонтик. Они были воплощением скуки. Серость.

— Я — Джордж. Это — моя жена, Маргарет. Нас послали, чтобы сказать вам продолжать путь. — Человек говорил плоско и монотонно, как будто появление Доктора и Милленния было самым скучным событием, что когда-либо происходило. — Рад, наконец, встретить вас, — добавил он, произнеся так, как будто он имел в виду что-то еще.

— Не заставляйте его ждать, — сказала Маргарет.
— Он не любит, когда его заставляют ждать.

— Туда? — спросила Милленния, ее рациональный ум вновь стал работать. Она указала на промежуток в стене.

Правильно, подумал Доктор. Хорошая девочка — рассматривает это как проблему, которую нужно решить, а не как ситуацию, чтобы паниковать. Но Джордж и Маргарет исчезли, как призраки. Как будто их никогда не было.

Оба галлифрейца стали подходить к проему, когда что-то заставило их остановиться — звук. Словно рычание или рев. Он был незнакомым, подумал Доктор, но не совсем правильным. Как будто что-то пыталось быть шумным и пугающим.

В проеме появилось чешуйчатое, рептильное существо на четырех приземистых ногах. Полностью красное. У него были большой широкий рот, чешуйчатая грива и огромные глаза. Пучок дыма вился через одну ноздрю.

— Что это?

Доктор пристально взглянул.

— Какая-то рептилия. Посмотри на хвост. — Что-то щелкнуло в его подсознании. — Это — дракон. Красный дракон.

Дракон стал рыть лапой землю — но оставался на месте. Это выглядело так, словно что-то останавливало его у входа на квадратную арену, где стояли Доктор и Милления. Или это должно было предотвратить их уход.

Милления решила проигнорировать дракона и подошла к стене. Каждый блок был чуть длиннее ее

роста, они плотно прилегали друг к другу, по два в ряду. Она не могла достигнуть вершины.

— Доктор, они сделаны из чего-то тяжелого, но не искусственного.

Доктор тут же оказался рядом с ней, что-то бормоча.

— Мы здесь потому... Мы не можем выйти, несмотря на промежуток, потому что кто-то хочет, чтобы мы оставались здесь.

— Дракон?

— О нет, нет. Не думаю, что он способен самостоятельно думать. — Доктор взглянул на блоки.

— Кость, — сказал спустя минуту. — Слоновая кость, если быть точным.

— Доктор, смотри!

Одна из плиток возле дракона поднялась и затем опустилась в центре арены. Секунду спустя за ней последовала другая, затем следующая. Что-то разрушало стену, перемещая блоки возле Доктора и Милленини. Доктор побежал к ближайшей и посмотрел на нее.

— На нем есть какой-то знак, Миллениния. Видишь, там? И там?

Миллениния посмотрела на другой блок.

— Этот покрыт кругами.

Доктор смотрел на грубые символы. Они не имели смысла. Он перевел взгляд на другой, на котором были четыре зеленых линии и номер 4 в углу.

— Сколько кругов? — внезапно спросил он.

— Эмм... пять.

— Есть ли в верхнем левом углу цифра 5?

— Да. Да, есть! — ответила Милления. — Это важно?

Доктор присел на блок с четырьмя линиями.

— Милления, куда мы направлялись?

Она пожала плечами.

— Сфера одного из Древних.

— Игрушечники! Да, да, это — то, куда мы направлялись, моя дорогая. И, если я не ошибаюсь, это плитки в какой-то гигантской игре.

— Это называют маджонгом, — сказал дракон из быстро уменьшающегося угла, слегка наклонившись, поскольку следующая плитка как раз поднималась в воздух.

Оба галлифрейца с удивлением посмотрели на него. Доктор пришел в себя первым — как учил его старый наставник с горы, не суди о других по внешности.

— Добрый день, сэр. Меня зовут...

— Доктор. И Ваш друг — Милления. Да, Раллон рассказал мне все о вас.

И мир вновь изменился.

Дракон начал таять и превратился в человека. Стены вокруг них исчезли. Они остались стоять втроем вокруг черного лакированного стола. Плитки теперь лежали на его поверхности. Человек был одет в длинный шелковый халат, украшенный драконами и другими странными, но красивыми существами. На его голове была круглая шляпа с тем же узором, а на ногах — красные бархатные туфли. Единственной неправильной вещью было то, что у него отсутствовала голова, вместо нее находился пылающий шар.

Он протянул к ним руки в длинных шелковых свисающих рукавах. Это был жест приветствия.

— Прошу прощения, что мне понадобилось так много времени, чтобы приспособить измерения, чтобы подойти к вам, — любезно сказал он. Его голос был голосом взрослого человека: насыщенный, глубокий, с правильной речью, и действительно очаровывал. — У меня редко бывают гости. Когда я увидел ваш корабль, его внутренние измерения были в разногласии с внешними, и это опровергало тот факт, что вы действительно хотите попасть сюда.

Доктор сложил руки за спиной.

— О, действительно? Таким образом, Вы хотите сказать, что мы совершили ошибку, попав сюда?

— Вы или я? — спросил человек.

Миллениум вмешалась в разговор.

— Где Раллон? Что Вы с ним с ним сделали?

— Я здесь, дитя мое. Это тело поддерживается им. Мной. Позвольте, я все объясню. — И голова человека превратилась в голову Раллона, хотя он продолжал говорить первоначальным голосом. — Мне нужно было тело, которого мне, к сожалению, не предоставила Вселенная. Ваш друг — первый из встреченных мною, кто не слаб и не склонен умирать каждые семьдесят лет. Если честно, смертность весьма мешает. А это тело, по-моему, сможет продержаться минимум тысячу лет.

— Раллон? — прошептала Милления. — Раллон, ты еще жив?

Фигура с лицом Раллона покачала головой.

— О, нет, фактически, нет. Возможно, что остался крошечный кусочек, который помогает сохранить единство структуры. Вы не против, если я сменю облик? Кажется, этот чересчур расстраивает вас.

Лицо вновь изменилось, на сей раз оно больше подходило для голоса. Покрытое морщинами, скорее, из-за частой улыбки, чем возраста, оно было весьма приятно. Оно напомнило Доктору одного из лекторов Прайдонской Академии — у него был тот же самый старческий взгляд, а его лицо говорило о мудрости и опыте. И ничего о его намерениях. Доктор решил пока что не заострять внимание на Раллоне — если он действительно был потерян, они смогли бы разобраться с этим позже. Прямо сейчас он должен был вернуть

себя и Миллению в украденную ТАРДИС, где они вновь оказались бы в безопасности.

— Прагматичный, как всегда, Доктор, — сказал человек, явно читая его мысли. — Но, к сожалению, это невозможно.

Он протянул руку, держа на ладони ТАРДИС, уменьшенную до нескольких дюймов. Он сжал кулак и встряхнул рукой. Когда он вновь открыл ладонь, вместо ТАРДИС на ней лежала пара кубиков.

— Позвольте мне продемонстрировать вам, — сказал он и бросил кубики на стол. — Две шестерки, — произнес он, даже не взглянув. — О, это означает, что мы начинаем... здесь.

Доктор с Милленией оказались в огромной комнате, в которой все было сделано из дерева. Пол, стены, потолок. Стулья, столы, платяные шкафы и даже настольная лампа — все было сделано из натуральной сосны. Стены были украшены игрушками, собранными вместе как букет цветов. Каждая мыслимая игрушка каждой мыслимой цивилизации. Среди них были маски, бумажные змеи и подвижные картины с синей, зеленой или красной краской, выплескивающейся на полотно. Кое-где попадались часы, настолько разнообразные, что невозможно было определить их происхождение. Они отмеряли время множеством различных способов. Шум, который они создавали — поскольку щелкали и тикали одновременно, формируя

причудливую симфонию — был и успокаивающим, и резким. На полу стояло множество столов различных размеров и форм. На них лежали кукольные домики, настольные игры и целые взводы маленьких солдатиков.

Несмотря на количество всех этих предметов, комната не казалась переполненной. Правда, было трудно сосредоточиться и понять, где заканчиваются стены.

Невзрачная пара, Джордж и Маргарет, стояли у двери в форме деревянной арки и спокойно смотрели вперед.

Повсюду на полу стояли пиратские сундуки, а в стороне — лакированный столик с набором маджонга.

Доктор попытался скрыть изумление.

— И это все, что Вы можете сделать? Просто перенести нас? Мои люди могли сделать это, когда...

— ... Вселенная была еще молода. — Сейчас мандарин сидел на китайском черном лакированном деревянном стуле с высокой спинкой, украшенном серебристым рельефом. — О, да, мне знакома риторика, Доктор. В отличие от Повелителей Времени — о, простите, галлифрейцев — я не использую механические средства. Я создаю все силой мысли.

Он посмотрел на Доктора, который попытался выдержать его взгляд. Что было ошибкой — Доктору не стоило так рисковать.

— Даже в этом случае меня удивляет, что при всех Ваших возможностях, это — лучшее, что Вы смогли придумать. Где мы?

— Позвольте мне представиться официально. Я — Игрушечник. И это, друзья мои, магазин игрушек. Мой небесный магазин игрушек.

— Вы продаете игрушки?

Игрушечник покачал головой.

— Нет, Доктор. Я создаю их. Или, по крайней мере, приспосабливаю.

Он щелкнул пальцами, и послышался стук открывающихся крышек пиратских сундуков. Из них стали выходить игрушки. Из одного появился отряд игрушечных солдатиков. Из другого — мягкие игрушки, включая мишек, пушистых кроликов и испанских кукол. Из третьего — куклы различных форм и размеров. Из остальных — различные марионетки, игрушечные фигурки, плюс поезда, автомобили, самолеты и лодки, которые также были заполнены различными игрушками.

Игрушечник вновь щелкнул пальцами, и все замерло. Затем игрушки повернулись к нему и поклонились или сделали реверанс.

— Друзья мои, — улыбнулся Игрушечник, — у нас появились гости, чтобы поиграть с вами. Кто хочет начать?

Двое часовых в синих мундирах вышли вперед.

— Отличный выбор. Доктор, Милления, пожалуйста, познакомьтесь — капитаны Бим и Бам.

Доктор увидел, как часовые стали рasti, пока не достигли тех же самых размеров, что и он.

— Мои друзья часовые хотят проверить Вашу храбрость, Доктор. Узнайте, сможете ли выиграть.

— А если нет, что будет дальше?

— Вы присоединитесь к нам, конечно. — Игрушечник щелкнул пальцами снова. Джордж и Маргарет одновременно протянули руки, чтобы открыть двери — каждый со своей стороны. В комнату вошел человекоподобный робот с монитором на груди. На экране шел обратный отсчет.

— Мой Волшебный Робот пойдет с Вами. Наслаждайтесь игрой. О, и еще, Доктор, у Вас есть четыре минуты, чтобы обыграть Бима и Бама. Желаю удачи.

Уходя с роботом и часовыми, Доктор оглянулся на Миллению. Она была испугана. Джордж и Маргарет стояли возле нее с прежним равнодушным видом.

— Не волнуйтесь, моя дорогая, — сказал Игрушечник. — Я уверен, что Доктор победит, а я проиграю, и вы сможете выбраться из этой ловушки.

Но Доктор не поверил ни единому его слову.

Доктора ничуть не удивило, что он вновь оказался в каком-то причудливом месте. Это было огромное грязное поле с несколькими деревьями. С их ветвей

свисали веревки, а вдалеке виднелся небольшой тоннель. Повсюду валялось оружие, а кое-где виднелись воткнутые в землю флаги. Пять бордовых и пять синих. На самой дальней стороне поля стоял игрушечный робот. Он ждал.

— Задача, — произнес голос рядом с ухом Доктора, — состоит в том, чтобы принести флаги противника на Вашу базу.

Говорящий был сердитым, полноватым мужчиной лет сорока, одетый в ту же самую военную форму, что и часовые. Но этот мужчина был человеком. Он протянул руку.

— Как поживаете? Сегодня отличный день. Меня зовут Бам. Капитан Билл Бам. Рад знакомству с Вами, Доктор.

— А меня — капитан Бим. Бен Бим. — Доктор оглянулся и увидел, что другая игрушка теперь стала худощавым человеком. — Ваша база там. — Он указал на сломанную пушку. — Наша — за теми деревьями. Обе на одинаковом расстоянии, как видите.

Доктор кивнул.

— Есть еще проблема, капитаны. Вас — двое, а я — один. Вам не кажется, что это — несправедливо, хм?

Солдаты посмотрели друг на друга.

— Капитан Бам, что будем делать?

— Не знаю, капитан Бим. Я полагаю, что мы можем отдать бедняге два наших флага в качестве преимущества.

— Да, капитан Бам, это выглядит достаточно честно.

Доктор увидел, что два синих флага теперь торчали из дула пушки.

— Что ж, спасибо, — произнес он с усмешкой. — Это весьма щедро.

— Тише, тише, Доктор. — Послышался голос Игрушечника, заставивший солдат задрожать. — Будьте благодарны.

— Благодарен? Благодарен? Почему я должен быть благодарным, сэр, а? — Доктор посмотрел вверх. — Вы похитили моих друзей и меня, Вы утверждаете, что убили Раллона, и теперь ожидаете, что я стану носиться по грязи на этом поле, чтобы развлечь Вас! Да, спрашиваю я Вас, ради чего я должен соглашаться со всем этим?

— Ради чего, Доктор, — внезапно прозвучал резкий голос в его ухе, — ради этого!

Игрушечник появился рядом с Доктором, паря в нескольких дюймах над землей, видимо, затем, чтобы не испачкать собственную одежду. В руке он держал небольшой прозрачный шар. В нем находился крошечный город, покрытый снегом.

— Это называется метель, Доктор, — сказал он. — Все, что я сделаю — это просто встряхну его. Смотрите, что произойдет. — Игрушечник встряхнул сферу, и снег взвился в воздух, а затем стал медленно опускаться на город. — Узнаете его?

Доктор фыркнул, как будто это не интересовало, затем взглянул.

— Капитолий...

— Правильно, Доктор. Ваш дом на Галлифре. О, и посмотрите, кто его посетил.

Доктор увидел, как внутри появилась крошечная фигурка и стала двигаться. Он пристально всмотрелся и через несколько секунд узнал ее.

— Милления.

— О, ну, что ж, — рассмеялся Игрушечник и встряхнул шар снова. — Это плохие условия для любого из нас, Доктор, но если Вы откажетесь от игры... — Он протянул руку, как будто хотел разбить шар об дерево.

— Хорошо, — вздохнул Доктор. — И если я выиграю? Мы сможем вернуться домой?

— Домой? — засмеялся Игрушечник. — Пройдет много времени, прежде чем Вы сможете увидеть что-то, что сможете назвать домом, Доктор. Вы — мои гости. На долгое время. На очень долгое время. Но если сумеете победить капитанов, то, по крайней мере, останетесь в живых.

Доктор внезапно почувствовал озноб. Он не ожидал этого. Он думал, что Игрушечник — непочтительный, коварный и слегка шаловливый. Испорченный. Но теперь он видел правду. Игрушечник был воплощением чистого зла, принявшего форму. Правда была в том, что он столкнулся с противником, столь же древним, как сама Вселенная, и возможно, что даже старше. И у него просто не было ни знаний, ни опыта, чтобы бороться с ним.

Игрушечник улыбнулся еще шире.

— Правильно, Доктор. Борьба со мной бессмысленна, но Вы все еще продолжаете. Поскольку, как и все эфемерные существа, что населяют этот смешной космос, Вы хотите жить, хотите найти кусочек надежды там, где ничего не осталось. Что ж, играйте в мои игры, Доктор, и возможно, Вы останетесь вне моего магазина игрушек и будете первым человеком, который смог обыграть Небесного Игрушечника. И он исчез вместе с шаром.

— В чем я искренне сомневаюсь, — послышались его последние слова.

Доктор взглянул на двух солдат, которые ходили кругами, пытаясь не попадаться на глаза.

— Нет никакого смысла бороться с ним, старина.

— О, действительно нет, разве? — Доктор нахмурился. — Вы — не игрушки, не так ли?

Капитаны посмотрели друг на друга и пожали плечами.

— Мы не знаем. Мы помним, что когда-то воевали, и однажды встретили Игрушечника в так называемой нейтральной зоне. Но, возможно, мы всегда были его игрушками. Возможно, он создал нас, и нам просто кажется, что мы были людьми, — сказал Бим.

— Или, возможно, мы — люди, которые думают, что они — игрушки, которые были людьми, — сказал Бам.

Доктор поднял руку.

— Достаточно. Возможно, если мы объединимся против него...

Бам внезапно вскрикнул, подброшенный в воздух, словно какая-то гигантская рука подняла его, а затем бросила в сторону. Когда Бим и Доктор нашли его, они тоже закричали. В грязи лежала маленькая игрушка часового с искривленными и сломанными руками и ногами. Его крошечная голова валялась в нескольких дюймах рядом.

Бим посмотрел на испуганного Доктора.

— Думаю, это — ответ, Доктор. Мы начинаем сражение, старина. Смертельное. За короля и страну.

Миллениния находилась среди снежной бури, пытаясь согреться в одной из расщелин в стене Капитолия.

— Доктор? Раллон? — звала она, казалось, целую вечность. Но никто не приходил на помощь. Джордж и Маргарет перенесли ее сюда из магазина игрушек. Но как только она почувствовала пронизывающий ветер и метель, они попросту вновь исчезли.

Несколько часов она пробиралась сквозь сугробы в месте, похожем на Капитолий. Но стены были пластмассовыми, а не каменными. Снег, хотя и был искусственным, а не застывшей влагой, приносил холод. Она сильнее укуталась в свою прайдонскую одежду, и спряталась под небольшим выступом крыши. Чтобы успокоиться, она засунула в рот прядь волос и начала жевать, вновь почувствовав себя испуганным ребенком. Кругом не было ни души. Она не сомневалась, что это — одна из ловушек Игрушечника. Поэтому просто сидела и ждала.

И ждала.

И ждала.

И...

Доктор пытался бежать так быстро, как мог. Он скинул свою тяжелую университетскую форму и остался в белой рубашке, брюках и ботинках. Все они уже покрылись слоем грязи. Ему удалось принести два синих флага к своей базе, но он заметил, что Бим опережает его — среди деревьев виднелись три красных. Он смертельно устал — Прайдонская Академия способствовала развитию ума, а не тела.

Конечно, там присутствовала некая физподготовка, но ее было не сравнить с этим изнуряющим бегом с флагом в руках. Хуже всего было то, что грязь замедляла движения и засасывала, как зыбучий песок. На другой стороне спокойно стоял игрушечный робот, на его экране высвечивалось количество принесенных флагов. Доктор взглянул и увидел, что Бим добыл четвертый флаг. В игре один на один, как и хотел Доктор, игрушечный солдат оказался более способным. Это было весьма плохо. Если он проигрывал, несмотря на все то, чему научился на Галлифре, следовало выработать другой план. Нужно было использовать ум. Расстояние между флагами и базой было равным, так что не стоило делать ставку на выносливость. Очевидно, что Бим превосходит его — ведь он обучался этому всю свою жизнь.

Поэтому у Доктора оставался лишь один вариант — вывести Бена Бима из игры. Доктор посмотрел вниз на свои испачканные ботинки, которые все глубже погружались в грязь. Бим носил огромные черные сапоги, которые, вероятно, были тяжелее его обуви. Доктор перевел взгляд на ближайшее дерево. С него свисали веревки, и он схватил одну из них. Затем он вернулся к своей базе, привязал один конец к колесам пушки, а второй — к возвышению у тоннеля. Теперь у него было некое подобие преграды, которую, если честно, мог не заметить только слепой. Он вернулся к

дереву и забрался на нижнюю ветвь. Чтобы принести флаги Доктора, Бим двигался непосредственно от пушки до тоннеля. Теперь ему пришлось бы обходить кругом, чтобы не попасть в ловушку. Каковой она и являлась.

Конечно же, Бим подбежал с последним флагом, увидел веревку и остановился. Он почесал подбородок — да, веревка была натянута, но чему она могла помочь, кроме как более легкому продвижению через грязь? Он пожал плечами и решил быть более осторожным. Бим стал обходить веревку и застрял там, где и хотел Доктор — в самом грязном месте. Бим попытался вытащить ноги из грязи, и внезапно понял, что произошло. Он пытался обойти ловушку и попался прямо в нее. С криком Доктор прыгнул прямо на спину Бима, выхватил флаг и отбежал в сторону, тут же сломав его об колено. Затем, игнорируя собственную базу, он бросился в лагерь Бима и схватил остальные флаги, раскидав их в различных направлениях. Взрослым бы не пришло такое в голову, подумал Доктор. Он оглянулся. Бим с трудом поднимался, но его ноги теперь почти намертво застяли в грязи. Доктор проигнорировал тяжелое положение Бима и помчался за последним синим флагом. Он схватил его и вернулся на базу.

— Победа! — прокричал он.

— Вы сжульничали, — сказал Игрушечник, внезапно появившись в воздухе над деревьями.

— Нет. Я устроил ловушку.

— Вы сломали его флаги. Это нечестно.

Доктор упал на колени, полностью разбитый.

— Я все равно победил, — задыхаясь, проговорил он. — Я сделал то, что Вы хотели, и я победил.

— Жульничая, Доктор? Это — единственное, чему Вы научились?

И Доктор вновь оказался в магазине игрушек, по-прежнему испачканный в грязи.

Все игрушки в комнате повернули голову, чтобы посмотреть на него. Доктор ощутил исходящую от них враждебность, и слегка отошел назад. Он почувствовал, что наступил на что-то, и взглянул вниз. На полу лежал сломанный часовой, который когда-то был капитаном Бамом. Он наклонился, чтобы присоединить голову, но этого не удавалось из-за чудовищно искривленной шеи.

Дверь открылась, и все куклы вновь оглянулись на входящего Игрушечника. За ним следовали огромный робот, ужасно скрипевший суставами, и хромающий капитан Бим.

— Извините, хозяин...

Игрушечник пожал плечами.

— Победители и проигравшие, капитан. Я уже говорил Вам это в Ипре. Вы проиграли, Доктор победил. Точнее сказать, сравнял счет.

Робот положил металлический кулак на шею Бимма и вывернул ее. Доктор вздрогнул, но в руках робота теперь лежала маленькая сломанная игрушка часового Бима.

— Вы жестоки, — прошипел Доктор. — Они действительно мертвы?

— Они — игрушки, Доктор.

Игрушечник внезапно покачнулся и схватился за полку, уронив парусные лодки и несколько мозаик на пол. И шар, который он держал, вылетел, чтобы разбиться — но робот аккуратно поймал его. Игрушечник громко вздохнул, и на пару мгновений у него изменилось лицо — у этого был темный цвет лица Раллона, и оно выглядело дико испуганным.

— Доктор, — кричал Раллон, — спаси меня... Вытащи меня отсюда... Я не могу... Я не могу...

Игрушечник качнулся головой с рычанием, превратившим ее в неясное пятно. Оба лица боролись за господство, пока, наконец, вновь не появилось знакомое лицо Небесного Игрушечника.

— Потрясающе, — пробормотал Игрушечник. — Он борется со мной изнутри. — Доктор понял, что тот просто думал вслух, и ни он, ни игрушки не имели значения в этот момент. — Это займет больше времени, чем я ожидал.

И он исчез.

— Раллон? Раллон!! — Доктор бросился к дверям магазина игрушек, открыл их и выбежал в... космос. Он в изумлении остановился. Он находился среди тысяч галактик, окружающих его. Это выглядело так, словно вся Вселенная была помещена в небольшое пространство, и он видел ее целиком.

Всю, целиком и полностью.

Всю, ставшую игровой площадкой Игрушечника.

Обернувшись назад, он увидел магазин игрушек, находившийся в центре пустоты. Закрыв глаза, чтобы не сойти с ума от вида Вселенной, Доктор вернулся в магазин и свалился без чувств на пол.

— Я просто проверял Вас, Доктор, — послышался громоподобный голос Игрушечника.

Улыбаясь, он стоял перед Доктором, а в его глазах светилась... жизнь. Жизнь Раллона. Используемая этим... существом, этой чудовищной, первобытной силой зла, этой...этим... Гнев Доктора вышел из-под контроля, и он бросился на Игрушечника — но прошел сквозь него, врезался в игрушки и упал на пол, пытаясь заглушить отзывающийся эхом смех своего противника.

— Агрессия, Доктор? Вы начинаете мне нравиться. Мне нравится это сражение между нами. Мы еще сыграем с Вами, Доктор. Когда Вы будете лучше подготовлены. Когда Вы будете Повелителем Времени, а не простым галлифрейским студентом. Ах, да,

Доктор, все, что Раллон знает... знал... — теперь это часть меня. Я благодарю Вас за то, что помогли мне обрести форму, свою собственную форму. Множество лет я перемещался из тела в тело, существуя не дольше столетия. Но теперь, с помощью Раллона, я смогу играть и управлять целую вечность. Или, по крайней мере, пока не умрет эта Вселенная, и я не отправлюсь к следующей.

Доктор был окружен игрушками, но его это мало заботило. Он принял пинать их и ударять, игнорируя взгляды. Взгляды сотен мертвых глаз, пристально смотрящих на него, знающих его вину, чувствующих его гнев. Смеющихся над его страхом.

— Верните Раллона и Миллению, и мы уйдем отсюда. Мы никогда не вернемся.

— Раллон теперь мой, Доктор, он не может быть отдан. Раллона больше не существует. Его уникальная энергия дала мне новую жизнь. Милления? Она также останется здесь. Мне хватит места для новых кукол.

Доктор посмотрел на игрушки, которые он пинал, среди них виднелись изувеченные тела капитанов Бима и Бама.

— Ах, да, Доктор. Когда-то они тоже были разумными. Все из собранных здесь однажды рискнули сыграть. Хотя некоторые вызвались добровольно. — Он указал на Джорджа и Маргарет, стоявших у дверей.

— Они все играли в мои игры, чтобы победить и

свободно уйти. Они все проиграли. В итоге они оказались здесь. Мои игрушки, Доктор. Мои друзья. — Он улыбнулся. Холодно. — Но Вас, Доктор, я пока что не хочу добавлять в коллекцию. В Вас есть некий огонь, некая страсть к жизни. Вы настолько отличаетесь от Раллона или Миллениума, что я должен увидеть, как Вы путешествуете по Вселенной...живым.

Доктор, казалось, расслабился, но это был обманный маневр. Он внезапно выхватил шар из металлического кулака робота и бросился в маджонг, лежащий на лакированном столе. Если он вычислил правильно...

Он приземлился с глухим стуком на землю. Белый фон. Вокруг него возвышались плитки маджонга. Доктор ударил по ним, создав желтый путь. Все еще сжимая шар, он бежал и бежал по нему, однажды оглянувшись и увидев, как рушатся плитки позади — но недостаточно быстро для того, чтобы настигнуть его.

ТАРДИС! Он увидел ее белые очертания на горизонте. Доктор понял, что кричит. Страх? Паника? Или боль от утраты его друга Раллона? Его ошибка. Раллон был мертв, и это была его ошибка. А как же Миллениум? Возможно, если бы он смог сбежать из сферы Игрушечника, сбежать из этого причудливого измерения, где не было ничего логичного, она вернулась бы к прежнему виду. Да, так и должно быть!

Он подбежал к ТАРДИС, открыл дверь и направился к консоли. Дом. Даже не глядя, он установил место прибытия — Галлифрей — и замер, услышав знакомые звуки исчезающей ТАРДИС. На сканере виднелась пространственно-временная воронка.

— Я сделал это, — прошептал он. — Я... мы сделали это, Миллениум. Мы свободны.

Он посмотрел на шар. Тот был пуст — просто несколько капель жидкости да пара снежинок. Без миниатюрного Капитолия. Без Миллениума. И со всех сторон в ТАРДИС послышался ненавистный смех Игрушечника.

Джордж и Маргарет стояли позади своего хозяина, смотревшего на экран на груди робота. Нечеткое, черно-белое изображение показывало, как ТАРДИС прибывает на Галлифрей, и из нее оскорбленные и обезумевшие охранники вытаскивают Доктора.

Игрушечник рассмеялся.

— Однажды, Доктор, однажды мы снова сыграем...

Он отвернулся, щелкнув пальцами Джорджу и Маргарет, которые последовали за ним. Вместо набора маджонга на китайском лакированном столике теперь лежала кукла-марионетка. Робот протянул руки, взял ее за веревки и понес к шкафу с игрушками. У куклы было грустное белое лицо с румяными щеками и крошечными черными глазами. Ее руки свободно

раскачивались, свисая из рукавов бордовых
прайдонских одежд.

ГЛАВА 3

СМОТРИ, КАК МЫ ПАДАЕМ

Дека была разбита. Навсегда. Пути назад не было.

Высший Совет собрался вокруг возвышения в Паноптикуме, их лица, освещенные зеленым, ничего не выражали. Действительно ли они гневались? Были удивлены? Заинтересованы? Их безучастные лица напоминали лицо Игрушечника. Доктор приложил все усилия, чтобы выглядеть уверенно и убедительно. Но внутри он не чувствовал ни того, ни другого. Он стоял рядом с китриархом из дома Стилхэвен — семьей Раллона. Семья Брайтшор из дома Милленни отсутствовала — они не хотели находиться рядом с Доктором. А его друзья? Где они были? Кощей и Ушас занимались научно-исследовательской работой. Джелпакс, скорее всего, разбирал отчеты в библиотеке с координатором Азмаэлем. Мортимус и Дракс сбежали из Академии и также пропали без вести. (Когда они исчезли, началась паника, но потом все решили, что они находились вместе с Доктором). Только Магнус пришел вовремя — и теперь стоял в одном из нефритовых проходов, уходящих в куполообразный потолок куда-то на четвертый или пятый уровень. Когда Доктора вели к Паноптикуму, он встретил

Магнуса, и тот согласно кивнул. Он перевелся в отдел научного исследования на все оставшееся время пребывания в Академии.

А что же Доктор? Жалость к себе не была его отличительной чертой, но сейчас, стоя между Золотым Церемониймейстером и отрядом охраны, он чувствовал непреодолимый страх. Кардиналы. Руководство Академии. Весь Высший Совет. Кастелян Раннекс и его охранники. Не хватало только появления агентов НАВ, чтобы полностью унизить его. Их или президента. Его мысли были прерваны ударами Золотого Церемониймейстера по гладкому полированному полу. Наступила полная тишина. Доктор мог поклясться, что все затаили дыхание. Неудивительно. Ступеньки от возвышения до пола слегка потрескались, и виднелись темные трещины. За ступеньками был еще один лестничный пролет, ведущий вниз. Доктор покрылся мурашками и вспотел. Его позор действительно привлек внимание Президента Дрола. Следуя за двумя охранниками — их общепринятые красно-белые униформы были заменены черно-золотыми — президент тихо шел, выглядя весьма подвижным для своего возраста. Его безупречные белые одежды, белый головной убор и белые сандалии были абсолютным контрастом по отношению к его черной коже. На нем был Пояс Рассилона, в руке он держал Великий Ключ, а на голову была надета диадема, связывающая его с

Матрицей. За ним следовали три фигуры в черно-белых одеждах. Все трое были агентами Небесного Агентства по Вмешательству. Все трое что-то говорили Президенту. Взгляд Президента Высшего Совета Повелителей Времени проскользил по аудитории и сосредоточился на Докторе. И Доктор почувствовал, как его разум начинают исследовать — словно миллионы глаз просматривают его сознание, миллионы пальцев перебирают его воспоминания, события, мысли, верования и страхи, как он сам не раз просматривал картотеки в библиотеках. Миллионы умов, покойных и живущих, соединенных с Матрицей, через секунду узнали все, о чем он свидетельствовал.

— Контакт, — пробормотал он еле слышно.

И часть Повелителей Времени и галлифрейских студентов произнесли это одновременно с ним, их умы были также неподготовлены к телепатическому исследованию. Президент Дрол поднял руки, и Золотой Церемониймейстер ударил снова. Если Доктор полагал, что не мог бы устыдиться более, он ошибался. Кардинал Боруса вышел вперед, считая себя ответственным за ошибки Доктора. Боруса поклонился президенту, а затем повернулся, чтобы обратиться к собравшимся.. Многие сидели на полу, стояли в бесчисленных проходах и наблюдали из окон Академии. К счастью, его слова не передавались к домам или рабочим местам. Боруса вздохнул и затем

посмотрел на Доктора. На пару мгновений ему показалось, что они остались единственными людьми во Вселенной.

— Вы получили образование в Академии Галлифрея. Вы провели здесь много десятилетий как часть Прайдонского общества, что является Вашим правом по рождению.

Право по рождению. Это всегда возвращалось к праву по рождению. Доктор почувствовал, что сердится. Обвиняйте его. Ругайте его. Накажите его. Но зачем продолжать цепляться за семейные связи? Затем он обязательно упомянет Квинца.

— Ординал-Генерал Кинцессетианобайолосатугразададеуилангбэрроумас направил запрос о Вашем систематическом образовании, Вашем вступлении в ряды Повелителей Времени и получении соответствующих преимуществ еще до Вашего появления. Многие бы отдали большую часть жизни, чтобы иметь возможность думать, действовать и понимать как Повелители Времени. Вы приняли решение проигнорировать все это, веря в то, что обладаете судьбой, отличающейся от всех остальных. У Вас есть талант, интеллект и любознательная натура, чтобы развивать свои способности. Неважно, считаете ли Вы Академию способной обеспечить что-то, что могло бы удовлетворить Ваш рано развивающийся характер, или

нет. Эта Академия — все, что у Вас есть. Все, что у Вас было. Недавние... события показали, что мы больше не можем полагаться на Вас или Ваши исследования. — Боруса взглянул на аудиторию. — За всю свою историю мы никогда и никого прежде не исключали из Академии.

Доктор глубоко вздохнул и согнул изгиб прайдонского воротника.

— Тогда я рад, что оказался уникальным, — пробормотал он, и тут же пожалел.

Послышался глухой кашель, распространившийся по всей комнате, и Доктор покраснел. Боруса покачал головой.

— У Вас блестящий ум, но Вы никогда ничего не добьетесь в этой галактике, пока сохраняете склонность к вульгарному остроумию. В то время как многие Ваши одноклассники достигли самых высоких наград, самых высоких должностей.

Боруса посмотрел налево, и Доктор последовал взглядом за ним — туда, где стоял Джелпакс. Значит, он все-таки появился. И Азмаэль тоже, он стоял в нескольких шагах позади Джелпакса, но отказывался смотреть на Доктора. А как же иначе, у него ведь тоже было положение в обществе. Боруса продолжил говорить, глядя на Джелпакса.

— Многие будущие Повелители Времени были на Вашей стороне, и все же теперь относятся к Вам с

презрением. — Он обернулся к президенту Дролу. — С Вашего разрешения?

Президент медленно кивнул. Боруса обратился к Доктору.

— Вы нарушили каждое наставление, данное нами, каждое правило, которое мы написали, и проигнорировали каждый принцип, которым мы дорожим. Вы исключаетесь из Академии, и все, чего Вы достигли к этому моменту, будет вычеркнуто. Вы проведете следующие пятьсот лет, составляя отчеты и регулируя трафик. Находясь там, Вы будете учиться в свободное время для получения Вашей докторской степени. Если Вы получите ее, то Вам разрешат повторно обратиться, чтобы стать Повелителем Времени.

Доктор был ошеломлен. Пятьсот лет, плюс последующее перезаявление? Почему бы не приговорить его к ссылке с Галлифрея или рассеять его на атомы или... Нет! Нет, он бы не потерпел этого, если бы не память о Раллоне и Миллении. Он никогда не сможет вернуть их, но все, что он будет делать — он будет делать ради них. Не ради Квинца. Не ради Борусы. И даже не ради Азмаэля. Ради его друзей, потому что они поддержали его в беде, несмотря на то, что случилось потом. Доктор увидел, что толпа расходится, но никто не обращал на него внимания. Его

оставили в покое, вероятно, на многие годы. И тут на его плечо опустилась рука.

— Магнус? Ты все еще разговариваешь со мной?

Магнус пожал плечами.

— Кто-то предал тебя, Доктор. Кто-то связался с Небесным Агентством по Вмешательству.

Доктор нахмурился. Это не мог быть Кощей. Или Ушас, которая поступила бы так только в том случае, если бы это сулило ей выгоду. Мортимус? Дракс? Вряд ли. Эти двое и сами сбежали. Джелпакс или Ванселл? Магнус, как будто читая его мысли, указал на сводчатый проход, выводящий из Паноптикума. Сквозь толпу уходящих охранников и Повелителей Времени пробирался Джелпакс.

— Это не я, — сказал Джелпакс, как только подошел ближе. — Я восхищаюсь тобой, Доктор. Я считаю, что ты неправ, но я рад, что у тебя есть храбрость отстаивать свои убеждения.

Доктор внезапно почувствовал себя очень усталым.

— Эти убеждения дались мне непростой ценой, дружище.

В задней части зала стояли три регистратора НАВ — и вместе с ними Ванселл, одетый так же, как они. Ванселл подошел к Доктору, который внезапно все понял.

— Ты был все время с ними, не так ли? Наблюдал, кто из нас первым решит сбежать от Повелителей Времени.

Ванселл пожал плечами.

— И да, и нет. Да, я был агентом НАВ с того дня, как пришел в Академию. Нет, я наблюдал только за тобой. Дракс, Мортимус и даже твой старый друг с гор южного Галлифрея покинули планету. Они не первые, кто выбрал изгнание и свободу вместо того, чтобы остаться здесь. Но ты, Доктор, ты — первый, кем заинтересовалось Агенство. У тебя есть... способности. Мы увидели их в твоих генах, начиная с того дня, как ты появился на свет...

Доктор хотелось закричать, излить весь свой гнев. Но он понимал, что это ни к чему не приведет. С этого времени он оказывался перед необходимостью быть очень осторожным и планировать весьма тщательно. И если требовалось пятьсот лет, чтобы получить то, что он хотел, значит, так оно и будет. В итоге он просто улыбнулся Ванселлу.

— Надо же, — спокойно ответил он. — У меня есть что-то, в чем Вы испытываете недостаток. Несмотря на обратное мнение канцлера Делокс, я действительно знаю, что такое «верность». Верность друзьям. Тому, что я считаю правильным. Я одержал победу над тобой, Ванселл, даже не зная, что мы участвуем в сражении. У меня есть друзья. А у тебя? У тебя есть только работа, и

ничего больше. Наша дружба будет поддерживать меня в ближайшие годы лучше, чем твоё пререкание, твоя двуличность, твоя злонамеренность.

Он обнял Магнуса и Джелпакса.

— Друзья, Ванселл. Найди это слово. Я всегда буду там ради них.

— Я всегда буду там ради них...

— Я всегда буду там...

— Я всегда...

— Я...

РАУНД 3

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ

ГЛАВА 1

КОГДА ТЫ ОТВЕРНЕШЬСЯ

Нисса почувствовала тепло солнца на щеках и перевернулась на спину, рассеянно проведя рукой по лицу. Как будто сметала паутину. Снаружи пели птицы, и небольшой бриз приятно холодил, влетая через небольшое окно рядом с изголовьем. Она открыла усталые глаза, чувствуя мягкость серой шелковой ночной рубашки. У ног, накрытых ситцевым покрывалом, сидело несколько игрушек, охранявших ее. Она улыбнулась Большому Медведю, главному хранителю и лидеру этой команды.

— Доброе утро, Биби, — сказала она. — Спасибо за спокойную ночь.

— Благодарю, мисс Нисса, — ответил на ее приветствие Большой Медведь.

— Думаю, сегодня, Биби, я снова навещу Мелкура. Моя мачеха так же серьезно заботится о нем, как ты — обо мне. Это — единственное, что я могу для него сделать.

Нисса поднялась с кровати, умылась, причесалась и, взглянув еще раз на свои игрушки, вышла из комнаты. Она спустилась вниз по желтой лестнице, улыбнувшись

советнику, который принес какое-то сообщение для консулов. Она последовала за ним, в последний момент решив проведать любимого отца и мачеху. Нисса вошла через черный вход в зал для совещаний, где в самом дальнем конце стоял высокий трон, заключенный в стеклянную камеру с позолоченными краями. К трону вела небольшая лестница, по обе стороны которой располагались небольшие электронные базы данных. В центре комнаты находился большой стол, за которым сидели консулы.

— Нисса, дочь моя, — позвал ее Тремас. — Ты же знаешь, что не должна быть здесь. Мы работаем.

— Ну, что Вы, консул Тремас, — сказала пожилая женщина по правую руку от него, консул Катура, — всегда приятно видеть Вашу красивую дочь среди нас.

— Действительно, она заставляет нас чувствовать себя моложе, — сказал старший консул Серон.

— Я сожалею, отец. Консулы. Я просто зашла пожелать Вам всем доброго утра.

Консул Кассия, мачеха Ниссы, улыбнулась ей. Она была намного моложе Тремаса, и едва ли достаточно взрослой, чтобы быть матерью Ниссы. И, несомненно, она была самой красивой женщиной в Союзе Тракена.

— Вы проводили бедного Мелкура сегодня, моя дорогая?

Нисса покачала головой.

— Еще нет, я как раз туда направляюсь.

Младший консул Лавич рассмеялся.

— Консул Кассия, если Нисса будет ухаживать за статуей с такой же любовью, как Вы за все эти годы, я боюсь, что однажды статуя вновь пойдет и сядет вместе с нею на трон. И, с благословения Хранителя, они поженятся.

Остальные консулы тоже засмеялись. Советник, за которым следовала Нисса, приблизился к столу.

— Уважаемые консулы, у меня есть важное сообщение для всех вас.

Нисса взглянула на него. Он не был ей знаком. Он был старше большинства советников, с гладким лицом, словно созданным для улыбки, и в то же время печальным. Его грустный голос ничуть не подходил для палаты консулов.

— Говорите, советник, — донесся мягкий, но уверенный голос с другого конца комнаты. Хранитель Тракена, старший государственный деятель и благотворитель, появился на троне в своей застекленной комнате. Консулы поклонились, а Нисса сделала реверанс.

— К нам направляется Повелитель Времени. Остерегайтесь его. Он несет смерть и разрушение для всех нас. Никто на Тракене не должен помогать ему. Его вмешательству в происходящее.

Почему-то Нисса ничуть не удивилась, увидев множество игрушек со своей кровати, стоящих в

дверном проеме позади говорящего советника, и пристально смотрящих на него. Рядом с троном Хранителя, никем не замечаемый, стоял Мелкур — каменная неподвижная статуя, которая обычно находилась в саду, ожидая ее прихода. Почему он оказался здесь? Как он оказался здесь? Как могло появиться это воплощение зла в известном своими спокойствием и чистотой Союзе Тракена? Было ли это тем злом, о котором говорил советник?

— Каждый в этой комнате, за исключением Ниссы, вскоре умрет из-за действий этого человека. Он называет себя Доктором. Он принесет с собой злобу, опустошение и войну за власть. Выживет только юная Нисса. Как напоминание обо всем, что Вы создали, записали и построили. Этот Доктор заберет ее отсюда. И хотя он успеет спасти ее перед гибелью Тракена, важно, чтобы она не обманывалась насчет его мотивов. Она будет считать его героем, но это — ложь. Используйте оставшееся время, Хранитель, консулы, чтобы научить ее бороться со злом.

Инспектор указал на статую Мелкура.

— Это — не то зло, которое Вы ищете, консулы, хотя оно предоставляет помещение злу, которое по иронии судьбы станет частичным спасителем одного из Вас. Сконцентрируйте свою предстоящую охоту не на безжизненном объекте, а на том человеке.

Он посмотрел на Ниссу.

— Помните меня, Нисса Тракенская. Мы встретимся снова.

— Нисса? — услышала она рядом новый взволнованный голос. Но там никого не было. Она обернулась, чтобы определить местонахождение голоса. Вместо этого она увидела, что советник пропал. Ее игрушки горели, крича и корчась в муках. В дальнем углу статуя Мелкура разлетелась на миллион частей, разрушив стеклянное укрытие, окружающее трон Хранителя. Он исчез, а консулы теперь стали скелетами в лохмотьях, сидевшими вокруг стола. Как один они повернулись к ней, а затем их желтые кости стали падать на пол и гореть, становясь на ее глазах пеплом.

— Спаси меня, дочь! — скелет, который был ее отцом, консулом Тремасом, тянулся к Мелкуру. — Нисса, только ты сможешь меня спасти, — прокричал он, прежде чем распаться и сгореть.

— Нисса? — прозвучал тот же самый голос.

— Отец? — прошептала Нисса.

— Нет, Нисса, это — я...

Нисса закрыла глаза, она не могла больше смотреть на мертвых семью и друзей. Она упала на пол рядом с горевшими скелетами и игрушками. Комната заполнилась дымом, и сквозь окно Нисса увидела, что весь Союз Тракена был охвачен огнем. Потолок исчез, открывая звездное небо. По нему катилось черное облако, которое проглатывало остальные планеты

Союза, засасывало все созвездие в свою темную утробу. Нисса снова закричала, поскольку темнота поглотила огонь, а затем комнату. Она поняла, что темнота охватила и ее, не давая дышать.

— Нисса! — На сей раз голос незнакомца звучал громче.

И Нисса проснулась, рыдая. Доктор тут же оказался рядом, обнял и принял успокаивать ее. Но Нисса холодно отстранила его. Странно, но она не хотела видеть его. Она заметила беспокойство на его лице, но было ли оно настоящим? Нисса вспомнила про Тиган, чье сознание было захвачено Марой. Позднее Тиган сказала ей, что испугалась, увидев некоторые «неприятные аспекты своей души». Неужели то же самое случилось и с ней? Она знала, что спала. Точнее, видела кошмар. Но сам Доктор когда-то сказал, что во снах люди видят правду о себе. Что означал этот кошмар? Нисса не знала, но ей нужно было побывать в одиночестве. Без Доктора.

— Мне нужен свежий воздух, — внезапно сказала она, ее горло пересохло, как будто... как будто она была на пожарище.

Доктор посмотрел, как Нисса выходит из комнаты, и нахмурился. Нисса была непохожа сама на себя. Он посмотрел на пол, где спали командир Оуквуд и старшина Таунсенд. В комнату зашли Десоргер и Дитер.

— Мы все осмотрели, но безрезультатно, — сказал Десоргер. — Отсюда нет выхода.

— Куда пошла Нисса? — спросила Дитер. — Она выглядела расстроенной.

— Ей приснился кошмар, — ответил Доктор и добавил, что ей не следовало бы уходить далеко, чтобы не попасть в неприятности.

Таунсенд проснулась и улыбнулась Доктору.

— Привет. Как наши дела?

Доктор помог ей встать.

— Что-нибудь снилось?

Сара Таунсенд нахмурилась, пытаясь вспомнить, затем покачала головой.

— Нет, вроде, нет.

— Какой-то наркотический бред, — произнес Десоргер. — Зачем они это сделали, Док?

Доктор и Дитер начали отвечать одновременно, но Дитер любезно уступила Доктору, поскольку поняла, что Десоргер обращался к нему.

— Не знаю, Десоргер. Кроме кошмара у Ниссы и у меня самого, ничего особенного, кажется, не произошло.

Таунсенд объяснила ситуацию только что проснувшемуся командиру Оуквуду.

— Кто-то накачал нас наркотиками, Доктор. Думаю, причина в этом.

Доктор пожал плечами.

— В обычной ситуации я бы согласился с Вами, командир. Но странно, что они подействовали не на всех.

Дитер нахмурилась.

— Здесь что-то не так, но...

— Да? — Доктор внимательно посмотрел в ее сторону. — У Вас есть предположения, что именно?

Дитер открыла рот, как будто для ответа, затем остановилась.

— Извините. Я не знаю. Это подсознательно.

— Посмотрите вокруг, Дитер. Что-нибудь изменилось с тех пор, как мы прибыли сюда вчера вечером?

Другие также оглянулись. Никто не мог указать на что-то конкретное, но все признали, что здесь было нечто неправильное.

— Чем больше я думаю об этом, тем сильнее убеждаюсь, что мы что-то упускаем, — сказала Дитер.

Врач подошла к одной из плит, на которой лежал человек.

— Что Вы делаете? — спросил ее Доктор.

Дитер начала осматривать тело и через несколько секунд вздохнула.

— В чем дело? — подошел к ним Оуквуд.

— Вы подозревали это, ведь так? — Дитер посмотрела на Доктора.

Он кивнул.

— Это похоже на то, что чувствовали Вы, Доктор, — сказала она. — Возможно, мы знали об этом вчера вечером, но забыли. Возможно, наркотики заставили нас забыть, что мы уже обнаружили это.

— Что? — Оуквуд посмотрел на обоих ученых. — Было бы неплохо, если бы вы пояснили, о чем говорите...

Дитер вздохнула.

— Этот даймокец жив, а не мертв, как мы вчера предположили. Прощупывается слабый пульс, он дышит каждые три минуты, а тело выделяет небольшое количество тепла. Похоже, что он спит.

— Или находится в коме, — добавил Доктор. — Посмотрите на его глаза.

Дитер приподняла веки. Глаза даймокца закатывались — единственное движение, которое он, казалось, совершал.

— Он спит. Возможно, он в коме, но его сон совершенно нормален — если, конечно, здесь вообще существует какая-то норма.

— Возможно, это неправильно только для нас, — сказал Доктор. — Не является ли это их естественным состоянием?

— Вы имеете в виду, что они никогда не просыпаются, Доктор? Но это же смешно.

— Неужели, командир? Почему? — спросила Дитер. — Даймок, кажется, испытывает недостаток в

любых признаках реальности: никакой промышленной революции, никаких городов, никакой дикой природы, даже погода не меняется. Единственное, что есть на планете — это пирамида и множество людей, которые спят, но определенно видят сны. Кто знает, насколько они развиты? Телепатия — весьма распространенное явление, командир, особенно в космосе. Возможно, это — их образ жизни. Они где-то рождаются, приходят сюда и спят.

Доктор взглянул на спящего даймокца.

— Спи и видь во сне меня²¹, — пропел он. — Возможно, это мы — сон.

— Мы — что? — Оуквуд вновь выглядел недовольным — верный признак того, что он не понимает происходящего.

— Это — философский вопрос, командир, — спокойно ответил Доктор. — Существует предположение, что все мы — лишь чей-то сон. — Он улыбнулся. — Конечно, есть и другие предположения, например, что Вселенная создана ради одного человека,

²¹ Dream a little dream of me — знаменитая песня 1930-х годов. Была записана многими популярными исполнителями, в том числе Дорис Дэй, Луи Армстронгом и Эллой Фицджеральд, Барбарой Кэрролл, Ритой Хэйворт, трио Нэта Кинга Коула, Бингом Кросби, Дином Мартином и др.

или, что мы — просто биогенные алгоритмы в огромном органическом компьютере, или, что Вселенная существует только тогда, когда мы открываем глаза.

— Браво, Доктор, — пробормотал Десоргер. — Я начинаю чувствовать себя крошечной песчинкой.

Доктор вновь опустился на колени перед даймокцем.

— Не бойтесь, Десоргер. Всегда существует кто-то меньше вас. — Он просмотрел на юного телепата. — Вы не заметили, Нисса уже вернулась?

Десоргер обернулся к двери, затем нахмурился.

— Извини, Доктор, кто?

— Нисса.

Дитер присоединилась к Десоргеру.

— Доктор, кто или что такое «Нисса»?

Доктор медленно встал. Оуквуд в недоумении посмотрел на своих товарищей.

— Нисса — друг Доктора. Мы же недавно разговаривали с ней.

Старшина Таунсенд дотронулась до руки Оуквуда.

— Командир? О чем Вы говорите?

Оуквуд посмотрел на Доктора, но тот только пожал плечами в ответ на внезапную потерю памяти и добавил:

— Весьма любопытно.

«Литтл Бой II» внезапно стал очень страшным местом.

Адрик проснулся в каюте, в которую его отвел лейтенант Паладопус, чувствуя беспокойство вместо обычной веселости. Одной из вещей, которые он изучал, были различные способы сна. Тиган и Нисса часто рассказывали о своих сновидениях. Адрик молчал, потому что не видел ничего. А если и видел, то никогда не помнил. Доктор предположил, что это связано с его генетикой, ведь любые раны заживали на нем в течение часа. Сломанные кости — около двух часов. Поэтому, если сон приносил людям облегчение и успокоение, то Адрику этого не требовалось. Вместо этого он крепко спал каждую ночь и всегда просыпался отдохнувшим и с отличным настроением. Это было еще одной вещью, которая раздражала Доктора и девушек, хотя Адрик никогда не понимал почему. В конце концов, лучше просыпаться счастливым, чем блуждать полусонным со словами «Я еще не проснулся окончательно». Прежний Доктор никогда не выглядел уставшим или раздражительным по утрам.

Адрик поднялся и отправился на мостик узнать, нет ли вестей от команды. Он удивился, увидев, что вокруг было так мало людей. Ведь даже в этот ранний час у Паладопуса было множество работы для команды. Но кроме пары техников, сказавших «Привет» и объяснивших, что их смена еще не закончилась, Адрик

никого не встретил. Еще более его удивило то, что никто на мостике не обратил на него внимания. Трое техников сидели на своих местах, а Паладопус занял место командира Оуквуда. Адрик достал яблоко и принял громко жевать. Никакой реакции.

— Привет, — улыбаясь, сказал Адрик.

Все замерли и посмотрели на него. Паладопус медленно развернулся и пристально посмотрел на Адрика. Адрик инстинктивно отошел назад и прекратил есть.

— Ники? Что случилось?

Паладопус встал и окинул остальных гневным взглядом — точно таким же, каким Доктор смотрел на Адрика, когда тот что-то ломал. Лейтенант вновь посмотрел на Адрика, а затем медленно и четко, как будто обращался к сумасшедшему, произнес:

— Кто Вы такой, черт побери?

ГЛАВА 2

ОНА ПОКИДАЕТ

Нисса почувствовала тепло солнца на щеках и перевернулась на спину, рассеянно проведя рукой по лицу. Как будто сметала паутину. Снаружи пели птицы, и небольшой бриз приятно холодил, влетая через небольшое окно рядом с изголовьем. Она открыла усталые глаза, чувствуя мягкость серой шелковой ночной рубашки. У ног, накрытых ситцевым покрывалом, сидело несколько игрушек, охранявших ее. Она улыбнулась Большому Медведю, главному хранителю и лидеру этой команды.

— Доброе утро, Биби, — сказала она. — Спасибо за спокойную ночь.

— Благодарю, мисс Нисса, — ответил на ее приветствие Большой Медведь.

— Думаю, сегодня, Биби, я снова навещу Мелкура. Моя мачеха так же серьезно заботится о нем, как ты — обо мне. Это — единственное, что я могу для него сделать.

Нисса поднялась с кровати, умылась, причесалась и, взглянув еще раз на свои игрушки, вышла из комнаты. Она спустилась по желтой лестнице, удивленная

отсутствием советников. Действительно, весь двор, казалось, был пуст. Она пересекла сад, где стоял Мелкур. Ноги статуи обросли мхом, а рядом лежали несколько увядших цветов. Нисса поспешила назад, в палату консулов. Вчера Мелкур был вычищен и украшен венком из свежих цветов. Почему же сегодня утром он выглядит так, как будто сад был заброшен в течение нескольких месяцев? Робко, боясь прервать совещание, Нисса открыла дверь в палату консулов.

Зал пустовал — ни консулов, ни Хранителя, хотя отсутствие последнего не было чем-то необычным. Но хоть кто-нибудь же должен был управлять Союзом, составлять указы или проверять Источник — биоэлектронную систему, способствующую гармонии и развитию Тракена.

— Нисса? Дочь, спаси меня!

— Отец? — Нисса оглянулась, пытаясь понять, откуда доносится голос. Он казался таким... потерянным, таким испуганным. Она выбежала из палаты и начала обходить здание, надеясь увидеть Тремаса. Позади она услышала другой звук. Тихий смешок, который, казалось, злорадствовал над ее беспокойством. Она открыла дверь, которая, как она знала, вела в сад, но вместо этого увидела абсолютную белизну без вершины или сторон. Она простиралась далеко вперед.

— Какое ужасное место, — прошептала она. И уже громче продолжила: — Отец, ты там?

Снова только смех.

Она решила вернуться в палату консулов, но дверной проем стал крошечной частью модели здания, сада и соседних домов. На другую сторону модели опирался и безумно ухмылялся тот, чье лицо она ненавидела больше всего во Вселенной.

— Мастер! Я должна была догадаться, что это ты стоишь за всем этим.

Мастер продолжал смеяться. Его лицо замерцало, и превратилось в лицо ее отца с длинными седыми волосами и блестящими глазами. Впервые Нисса увидела, насколько похожи Мастер и ее отец. Фигура продолжала стоять, все еще одетая в бархатный пиджак Мастера, но с головой ее доброго, сострадательного и горячо любимого отца.

— О, Нисса, это было предопределено. Ты должна была об этом знать.

— Нет. Что ты имеешь в виду — предопределено?

На глазах Тремаса появились слезы, когда он попытался улыбнуться ей.

— Мне очень жаль, что пришлось оставить тебя одну, моя дорогая. Но это должно было случиться. Двое стали одним. Даже мое имя — отражение его имени. Это судьба привела его в Тракен, судьба, которая спасла тебя прежде, чем он все разрушил. Судьба, что

тебе встретился человек, который может отделить нас, вернуть к самим себе.

— Кто?

Тремас закашлял, как будто прилагал усилия сохранять это лицо.

— Доктор, конечно. Он знает, как сделать это.

— Нет! Нет, я спрашивала его. Много раз. Он сказал, что ты мертв, что Мастер уничтожил тебя полностью, когда он использовал твоё тело, чтобы восстановить свое собственное!

Лицо Тремаса исчезло, вновь становясь лицом Мастера.

— Ерунда, девочка. Доктор знает способ. Он просто не хочет помочь. Ему легче позволить твоему отцу стареть и умирать, чем помочь мне, его врагу. Его самому старому врагу. Он просто не хочет помогать.

И засмеявшись напоследок, Мастер исчез, оставив Ниссу в сфере белоснежного небытия. Она отбежала от модели Тракена, внезапно загоревшейся и ставшей пеплом, который исчез. Ног Ниссы что-то коснулось, и она посмотрела вниз. Это была ее игрушка, Большой Медведь или Биби. Когда она наклонилась, чтобы подобрать его, как напоминание о доме, о чем-то любимом и потерянном, Биби начал расти, пока не оказался сидящим рядом с ней в натуральную величину. Он медленно повернул голову к ней, и его вышитый рот расплылся в улыбке.

— Привет, мисс Нисса, — сказал он тем самым голосом, какой ожидала услышать Нисса. — Я должен помочь Вам пройти через лабиринт.

— Какой лабиринт? — спросила она, слишком удивленная, чтобы думать о том, как мягкая игрушка смогла вырасти, двигаться и говорить. Где же она видела это раньше? Возможно, во сне?

— Этот.

Нисса посмотрела налево и увидела, что там появилось множество цветных пластмассовых блоков. Они были раза в три больше нее, и создавали стену с тремя проходами.

— О. Ясно. — Нисса оглянулась туда, где ранее стоял ее отец/Мастер.

— Тайна, которую Вы хотите раскрыть, мисс Нисса, — сказал Биби, — правда о Вашем отце, Мастере и Докторе находится в центре лабиринта. Чтобы узнать, нам следует отправиться туда. Не бойтесь. Я постараюсь защитить Вас от множества опасных ловушек, которые встретятся по пути.

— И без сомнения, их будет еще больше, когда я доберусь туда, — сказала Нисса. — Мне не нравится это место, Биби. Но, думаю, у меня нет выбора.

— Нет, мисс Нисса. Но, как говорят на Тракене, трудности созданы, чтобы их преодолевать.

Нисса последовала за медведем к правому проходу.

— Честно говоря, Большой Медведь, на данный момент я сыта по горло Тракеном, — сказала она и зашла внутрь. Биби последовал за ней.

Тиган очнулась, лежа на холодной плите, похожей на кусок твердого мрамора. Она была полированной и с закругленными краями, как будто для того, чтобы предотвратить появление царапин или ушибов при случайном ударе. Она села и оглянулась по сторонам. Видимо, она находилась в другой части собора. Не было никаких признаков Смотрителя. Она не помнила, как оказалась здесь, но отсутствие Доктора, Ниссы и команды с «Литтл Боя II» не предвещало ничего хорошего. Поняв, что никто не стремится проводить ее, она сошла с плиты и решила исследовать обстановку. Комната освещалась горящими факелами, как та часть здания, которую она уже видела (что означало, что где-то был доступ к свежему воздуху — возможно, запасной выход?), и была заполнена плитами с лежащими на них трупами. Они выглядели такими же невзрачными, как и Смотритель. Она попыталась вспомнить главные правила для путешествий по другим планетам. Во-первых: не паниковать. Во-вторых, наблюдать и примечать без многословных оценок (да, отец раньше часто называл ее ртом на ногах, и это было истинной правдой). И, в-третьих, если что-то происходит — винить во всем Адрика.

Доктор? Где он был? Смотритель отправил ей видение, что-то, что заставило ее сомневаться в Докторе. Да, и только на мгновение она уступила — точно, как хотел старик. Моя главная черта, подумала Тиган, состоит в том, что я чертовски упрямая. Адрик и Нисса становятся весьма уязвимыми, когда им хотят промыть мозги, но Тиган Джованка слеплена из другого теста. Смотритель совершил большую ошибку.

— Ничуть, — прошипел он ей на ухо.

Она обернулась, чтобы наброситься на него с упреками, но остановилась. Смотритель приложил палец к губам — традиционный знак молчания. Он указывал на плиты. Одно за другим, «мертвые» тела начали шевелиться.

Он обратился к ней.

— Ничего больше не говорите. Не сейчас.

Она нахмурилась, но подчинилась.

— Проснитесь, братья, — неожиданно воскликнул Смотритель. — Проснитесь, потому что Она здесь!

Одно за другим, тела поднимались, видели Тиган и начинали дрожать, явно боясь ее. Они поклонились ей и начали петь.

— Но они были мертвы..., — начала она говорить, но Смотритель махнул ей, призывая к тишине.

— Приветствуйте ее, братья, — скомандовал он, и пение стало громче. Еще громче. Через минуту Тиган

начала вздрагивать — настолько громким оно было. Она не могла сконцентрироваться.

— Именно, — прошептал Смотритель. — Ваш ум неспособен сосредоточиться, и поэтому Ваши мысли не могут быть прочитаны в настоящее время. Ничего не говорите, позвольте мне все объяснить. Вопросы вы зададите позднее.

Он снова повернулся к певцам.

— Громче, братья мои, Избранная не слышит Вашу благодарность, не слышит Вашу любовь!

— Я слышу их очень хорошо, спасибо, — сказала Тиган сквозь зубы, чтобы отвлечься от шума.

— Они спали в течение многих десятилетий, Тиган Мелисса Джованка. Они полагают, что их Бог оставил их. Они полагают, что их Бог болен. Меня оставили ждать Избранного, который приведет их к Богу, спасет от болезни и вернет им его.

— И это — я, не так ли? Я — Ваш Избранный?

Смотритель улыбнулся.

— Конечно, нет. Но они считают, что Вы. И, что еще более важно, их Бог будет полагать вслед за ними, что это — Вы. Что отвлечет его на достаточное количество времени, чтобы Доктор успел сделать свою работу.

Тиган смотрела на него с раскрытым от удивления ртом. Из всех вещей, что она ожидала услышать от

Смотрителя, эта была самой невообразимой. Все, что она могла произнести, было:

— Почему я?

Старик подошел ближе.

— Вы уже сами об этом сказали. Нисса Тракенская и юный Адрик не обладают силой, способной противостоять промыванию мозгов. Он использует меня. Он смотрит на меня с презрением. Он полагает, что я не смогу управлять этой толпой. Он также верит в то, что не болен. Хотя, в действительности, он очень болен.

— Кто? Их Бог?

— Да. Доктор будет полагать, что сможет спасти его, и Вы — отвлечение, которое позволит мне остановить Доктора, который думает, что был вызван для решения этой задачи. Это позволит мне показать ему альтернативный путь.

— Я не понимаю. Почему они должны создавать так много шума?

— Потому, что их Бог может прочитать мысли, особенно мои. Этот шум отвлекает, разрушает альфа-ритмы, на которых он может общаться со мной. Напевая в унисон, они невольно создают барьер между своим Богом и моим умом.

Тиган нахмурилась.

— Вы приложили много усилий...

Он кивнул.

— Но оно того стоит.

— Но изображения, которые Вы добавляли в мой ум ранее. Мой отец...

Смотритель пожал плечами.

— Они были в Вашем сознании. Я не знаю, жив Ваш отец или мертв. Но Вы боялись, что он мертв, и чувствовали вину за то, что Вас не было рядом с семьей. Мне стыдно признаваться, но мне было очень легко... нарушить Ваше подсознание, внести те неприятные моменты.

— Вы проверяли меня. Вот, что Вы имели в виду, говоря о Ниссе и Адрике.

Смотритель кивнул.

— Сейчас Бог играет с их умами. И даже с Доктором, хотя я вижу, что он не одурачен. Доктор — умный противник, он уже понимает Игру. Я больше не могу помочь ему — все, что я мог, я уже сделал. Но Вы... Вы противостояли промыванию мозгов. Тиган, мне нужна Ваша помощь. Позвольте мне показать Вам истинную правду. Тогда Вы поймете.

Доктор отошел назад, поскольку спящие проснулись и поднялись, начиная петь.

— Какой-то вид комы, а, Доктор! — язвительно произнес Оуквуд.

Дитер пожала плечами, но Доктор был разъярен.

— Конечно, он управляет нашими умами.

— Кто? — спросил Десоргер.

— Где Таунсенд? — спокойно спросил Доктор.

— Кто? — Оуквуд оглянулся. — Она — тот, кто, по Вашему мнению, управляет нашими умами?

Но Доктор проигнорировал его и, отодвинув одного из певцов, вскарабкался на плиту.

— Таунсенд! Брон! Ответьте! Немедленно!

Дитер дернула его за штанину.

— Вы в порядке, Доктор?

— Я — да. Но не Вы. Кто прилетел с нами на эту планету?

Дитер пожала плечами.

— Вы и командир.

— Разве Вы не замечаете? — Он посмотрел на нее, затем на Оуквуда. — Десоргер? Где Десоргер?

Поскольку Дитер собиралась ответить, Доктор сделал ей знак молчать.

— Да, да, я знаю, что Вы собираетесь сказать — кто? Они — Ваши товарищи, Дитер. Я должен был заметить это раньше — Брон был первым, кого мы забыли. — Он принялся искать их, карабкаясь по плитам и выкрикивая имена. — Десоргер! Брон! Таунсенд!

Он замолчал, поскольку увидел Брона. Сотрудник службы безопасности стоял, напевая с другими, словно некая тень.

— Это — сон. Я все еще сплю. — Он оглянулся по сторонам. — Где это начинается, хм? — крикнул он в

потолок. — Я все еще за дверью? Или я нахожусь на поверхности Даймока? Или... нет, конечно, нет! Или я все еще в ТАРДИС? И ничего из этого в действительности не происходило?

Но ничего не изменилось. Он осмотрелся. Он вновь потерял Брона, и больше не видел ни Дитер, ни Оуквуда.

— Хорошо, Игрушечник, я буду играть по Вашим правилам. Шахматы. Карты. Рамми. Во что бы Вы ни хотели — но верните все на свои места, или я не смогу помочь Вам!

И мир распался вокруг него.

* * *

Нисса посмотрела на ТАРДИС — та возвышалась над всем остальным, видимо, находясь на каком-то пьедестале в центре лабиринта. Она выглядела маленькой. Значит, идти предстояло далеко.

— Думаю, что это — моя цель, Биби.

Вокруг них разноцветные деревянные блоки сформировали массивную стену. Она видела только дорогу вперед, что подтверждало, что ТАРДИС действительно была далеко и очень высоко.

— Кто управляет всем этим, Биби?

— Я понятия не имею, мисс Нисса.

Нисса посмотрела на его ничего не выражавшее пушистое лицо.

— О, ерунда, Биби. Ты — моя игрушка из дома. Ты больше не существуешь. Ты был уничтожен, когда мой мир исчез. Я — не наивная молодая девушка с Тракена, какой была тогда. С тех пор я многое увидела и многому научилась. — Она хлопнула Биби по плечу. — Люди всегда недооценивают меня, но то, что я не воплю, как Тиган, или не дуюсь, как Адрик, еще не означает, что я ничего не замечаю. Кто-то вынул тебя из моих воспоминаний и оживил. Или я сплю, и кто-то управляет моим подсознанием на биометрическом уровне. Так или иначе, я знаю и вижу это, независимо от того, что все еще направляюсь в устроенную кем-то ловушку. — Она отвернулась от Биби и продолжила идти. — И кто бы это ни был, он использует твою гигантскую и болтливую версию, чтобы убедить меня в обратном! О, и еще, Биби, я подозреваю, что моему таинственному благодетелю нужна не я, а Доктор. В конце концов, он признал, что пирамида была ловушкой.

Биби не ответил, и когда Нисса обернулась, чтобы узнать причину, оказалось, что он исчез.

— Как неожиданно, — вздохнула она. Кажется, она переняла у Тиган привычку жаловаться.

— Это была грандиозная речь, Нисса, — произнес голос позади нее. — От Вас редко можно услышать нечто подобное.

— Я просто редко произношу это вслух, — парировала она, не оглядываясь. Она поняла, что это был Мастер. Судя по вкрадчивому голосу, в образе ее собственного отца. — Но это не означает, что я ни о чем не думаю. Почему бы Вам не показать свое истинное лицо вместо игрушечного медведя, моего отца или Мастера?

И Небесный Игрушечник появился перед нею. Он развел руки, словно извиняясь.

— Так лучше, — сказала она. — Я не знаю, кто Вы, но предположу, что Вы — тот, кто предпринял эту смехоторную ребяческую попытку смутить меня.

— Я все ускорю для Вас, согласны? — ответил он.
— Мы идем сразу в центр лабиринта.

Нисса услышала механический треск, и блоки вокруг нее начали перемещаться вверх и вниз сами собой. Они сформировались в высокую колонну с длинной нарисованной лестницей. Нисса посмотрела наверх и увидела на вершине колонны ТАРДИС.

— Таким образом, — сказала она, — блоки перемещались, пока я шла, и ничто из этого не было реально?

— Я недооценил Вас, Нисса Тракенская!

Игрушечник щелкнул пальцами, и блоки исчезли. Они вернулись в белое небытие, куда Нисса попала, выйдя из башни.

— Вы умнее, чем кажетесь даже Доктору. — Игрушечник улыбнулся ей. — Я вижу, что Вы по-прежнему не считаете мои игры и уловки забавными. Я чувствую, что, возможно, придется поднять ставки. В то же время я думаю, что воссоединение готово. — Он, казалось, смотрел сквозь нее, и она задрожала. — Воссоединение многих жизней.

Доктор стоял в сфере Игрушечника, окруженный тишиной и белизной. Он слегка раскачивался из-за внезапно изменившейся обстановки.

— Вы стали сильнее за эти годы, Доктор, — произнес Игрушечник, появляясь перед ним из цветного водоворота. — Когда-то давно Вы могли остаться здесь навечно. Быть запертым в пределах своего собственного воображения.

— Допустим, — к Доктору вернулось его обычное спокойствие. — Я теперь старше. Мудрее. Что Вам нужно?

— Разве нет другого способа поприветствовать старого друга? — Игрушечник улыбнулся, но его глаза оставались мрачными и уставшими, как у человека, который долгое время не спал.

— Мы с Вами — не друзья, — просто ответил Доктор.

— Но я надеюсь, что друзья с этой юной леди, — сказал Игрушечник, и из-за него показалась Нисса. — По крайней мере, пока что.

Ничего не ответив, Доктор протянул руку к Ниссе. Она медленно подошла к нему.

— Ты в порядке, Доктор?

— Да, все отлично. А ты?

— Да, спасибо. Боюсь, что мне не нравится твой друг.

— Он не причинил тебе вреда?

Нисса покачала головой.

— Я могла бы обойтись без постоянных посещений Тракена.

Доктор увидел боль в ее глазах и с яростью посмотрел на Игрушечника.

— Чего Вы надеетесь достигнуть, мучая моих друзей?

Игрушечник улыбнулся.

— Увидите. Фактически, очень скоро.

Нисса также посмотрела на него.

— Надеюсь, что теперь Вы позволите нам уйти? Если возможно, назад в ТАРДИС.

Доктор открыл рот, чтобы заговорить, но Игрушечник поднял руку.

— О, извини, Доктор. Я забыл упомянуть об этом.

Он щелкнул пальцами, и неподалеку от них появилась ТАРДИС. Доктору не нужно было спрашивать, реальная ли это ТАРДИС или одно из созданий Игрушечника. Он знал, что она была настоящей — он путешествовал по времени и

пространству большую часть своей жизни и уже инстинктивно чувствовал, когда она была рядом.

— Конечно, — рассмеялся Игрушечник, — добраться до нее будет сложнее, чем кажется на первый взгляд. Я не хотел бы, чтобы Вы подумали, что я прекратил свои игры

— Просто дайте нам уйти! — закричала Нисса, подсознательно пробуя подход Тиган.

— Не пытайся обратиться к его лучшей половине, Нисса. У него ее нет.

— О, Доктор, — вскричал Игрушечник, — Вы раните меня своим грубым, необоснованным заявлением. Вы должны поощрять свою юную подругу смотреть на Вселенную самостоятельно. Как она может судить обо мне справедливо, когда Вы таким образом — только упреки, никакого великодушия или милосердия — клевещете на меня?

— Нисса и так понимает, что Ваша безнравственность — проклятье всему, во что она... мы верим.

— Это так? — Игрушечник повернулся и улыбнулся непосредственно Ниссе. — Это так, Нисса Тракенская? Доктор теперь — Ваше всё, он стал Вам дороже отца? Ваши надежды и мечты настолько непостоянны?

Нисса хотела ответить, но остановилась. Вместо этого она посмотрела на Доктора. Конечно, она

доверяла ему. Он был ее другом. Он был удивителен. Он был сама жизнь — она знала из первых рук, что жизнь рождается из смерти. И, в конечном счете, это хорошо. Ничто и никто не могло одержать победу над ним. У них на Тракене было название для таких, как он — Серкур, тот, кто действительно свободен от грехов. Почему же она колебалась? Почему она слушает этого Игрушечника? Ясно, что он был противником Доктора — противник, которого следует победить. Изгнать из этой Вселенной. Но был и другой противник Доктора, которого она боялась. Которого она ненавидела. И все-таки, смогла бы она вынести изгнание Мастера? Потерять его, и вместе с ним надежду на спасение ее отца?

— Доктор ...

— Вот видите! — торжествующе произнес Игрушечник. — Видите, Доктор. Она хочет знать правду. Не Вашу правду, Доктор. И даже не мою, поскольку мы оба субъективны. Нет, она нуждается в универсальной правде. Почему мы здесь, Доктор?

Доктор улыбнулся Игрушечнику.

— О, Вы имеете в виду фактически или в философском смысле?

Нисса увидела, что Игрушечник улыбнулся в ответ. И в этой улыбке чувствовался признак победы — словно он считал, что способен одержать верх в этой битве умов.

— О, Доктор... давайте будем практическими. Давайте обсудим цель нашей встречи. Давайте подвергнем сомнению Ваши побуждения.

Внезапно Игрушечник откинул голову назад и прокричал что-то непонятное. Мир вокруг потемнел — почерневшее небо, земля, словно накрытая тенью, и даже цвета на одежде мандарина выглядели более темными.

— Почему Вы здесь, Доктор?

Доктор выглядел как обычно, но Нисса почувствовала что-то в его взгляде. В глубине его глаз было что-то еще... что-то более слабое? Что-то испуганное?

— Я здесь потому, что ...

— Потому, что я попросил Вас об этом, Доктор, — гремел разгневанный голос Игрушечника. — Потому, что я потребовал этого! И потому, что Вы с Вашим несовершенным прошлым, Вашей неуверенностью в себе, Вашей столь надоевшей виной должны были прибыть сюда и разобраться со своей совестью. — Он указал рукой на Доктора. — Вы создали меня, Доктор! Вы вызвали все это. Вы вызвали меня!

— Доктор?

— Тише, Нисса, — прошипел Доктор, но Игрушечник рассмеялся.

— Нет, Доктор, позвольте ей спрашивать. Позвольте ей задавать вопросы. Позвольте ей увидеть, кто Вы на самом деле!

Он щелкнул пальцами и, как будто из ниоткуда, появился большой игрушечный робот и начал приближаться к ним. Его гидравлические конечности шипели на каждом шагу. Нисса увидела, что пустой экран на его груди сменяется тусклым монохромным изображением. Пока она смотрела, экран, казалось, увеличился, поглотив робота, поглотив затемненную сферу Игрушечника. Поглотив самого Игрушечника, Доктора, и в конечном итоге, саму Ниссу. Это выглядело так, как будто она стала частью монитора. Как будто изображения находились вокруг нее, а сама она стала чем-то невесомым, невидимой энергией, единственная цель которой состояла в том, чтобы наблюдать.

— Смотрите и учитесь, Нисса Тракенская. И подготовьтесь бросить вызов своим предвзятым мнениям ...

Нисса находилась в какой-то комнате. Комната с деревянным полом, на котором неподвижно лежали сотни тряпичных кукол, деревянных игрушечных солдат и металлических роботов. С потолка свисала кукла-марионетка в бордовой одежде.

— Миллennия, — вздохнул Доктор. — Тогда это...

Они вернулись в сферу. Одеяние Игрушечника вновь стало цветным.

— Прошлое. И отсутствие будущего.

Этот голос! Это был...

— Особенно моего будущего.

Сначала Доктор подумал, что Раллон вышел из-за Игрушечника, как ранее Нисса, но быстро понял, что тот появился из него. Игрушечник выглядел более слабым.

— Раллон? Что здесь происходит?

Раллон выглядел рассерженным. Нахмурившись, он неотрывно смотрел на Доктора. Или, возможно, пытался сконцентрироваться.

— Привет, старый друг. — Тон, которым Раллон произнес слово «друг», подразумевал, что он имеет в виду абсолютно противоположное. — Я рад, что ты помнишь меня. Я уж было решил, что ты никогда не станешь искать меня или Миллению, что ты забыл о нас. Или намеренно игнорируешь, потому что боишься заглядывать в тайны своего прошлого. Без сомнения, кардинал Боруса переписал все книги по истории, чтобы стереть нас из отчетов, подтверждающих, что мы когда-то существовали.

— Если ты появился, чтобы поливать меня грязью, Раллон, мог бы не беспокоиться, — едко ответил Доктор. — Это не то, что я бы хотел услышать. Ранее ты сказал, что тебе нужна моя помощь. Почему?

— Потому, — продолжил Раллон, — что из-за тебя я ...мы...оказались в этой переделке.

— Я был бесформенным созданием, Доктор, — спокойно произнес Игрушечник. — О, я мог принимать форму на какое-то время, но не навсегда. Моя естественная форма...

— Коллективное сознание, не имеющее ни формы, ни содержания, — сказал Доктор. — Я изучал это, как видите. Вы, как и остальные Древние, существуете между измерениями, создавая вселенные, проекции... подходящие вам самим. Я знаю все это. Я уже встречался с некоторыми из вас.

— И Вы знаете о Стражах Вселенной?

— Высшие среди Древних. Пантеон внутри пантеона. Страж Хаоса и Страж Света, оба использовали Ключ Времени, чтобы уравновесить все вещи.

Игрушечник кивнул.

— Вы собрали ключ, я знаю. Шесть сегментов, Доктор. Не произвольное число.

— Да. Согласно легендам, есть шесть Стражей.

— Шесть богов, — добавил Раллон.

— И все же мне нужно было убедиться, что остальные четверо тоже существуют. — Доктор внезапно улыбнулся. — Так что, если этот урок истории закончен, я хотел бы забрать своих спутников,

покинуть Даймок — или где мы там находимся, и вернуться в ТАРДИС.

— Все разумные расы чувствуют, что-то есть нечто большее, чем они сами, Доктор, — сказал Раллон. — Это — фактор, который подталкивает их развитие. Возьми свою любимую планету, Доктор. Земля. Сол Три. Неважно, как ты ее называешь. У каждой цивилизации был свой собственный пантеон. Греки, римляне, скандинавы, христиане, индуисты... Кто знает, существуют ли они? Вероятно, да. Или существовали. Использовали силу, которая объединяла людей, давала им причину существовать, бороться. Они создали свою этику, свою культуру вокруг этих богов. На Даймоке — та же самая ситуация.

— Я нашел людей с Даймока сотни лет назад, Доктор, — сказал Игрушечник. — У них не было цели, они нуждались в Боге. И, будучи расой телепатов без материальных потребностей, они увидели во мне своего Бога. Я никогда не утверждал, что являюсь единственным, я — Страж, Доктор. Вся расы мечтают и надеются. Если существуют Страж Света и Страж Хаоса, то должен быть и Страж Мечтаний. Именно поэтому я нахожусь в этой Вселенной, Доктор. У всех есть мечты. Я формирую их. Это — моя работа.

Нисса вмешалась в их разговор.

— А как же Ваши игры? Мучения, которые Вы причиняете?

— Страж Хаоса создает войны, чтобы оправдать свое существование. Страж Правосудия создает конфликты, чтобы оправдать свое. Я — создаю умственные игры, моя дорогая. Без меня, без того, что я делаю, мечты потеряли бы новизну, пропала бы потребность учиться и развиваться. Они бы просто стояли на месте, медленно увядая и умирая. Я не могу существовать без жителей этой Вселенной. Они не могут существовать без меня.

Доктор негромко рассмеялся.

— Таким образом, Вы хотите сказать, что разумная жизнь — просто паразитный симбиоз, что оба подкармливают друг друга, и это является единственным верным решением? — Игрушечник кивнул. — Хорошо. Свет, Хаос, Правосудие и Мечты — это четыре Стража. Кто два оставшихся?

Игрушечник улыбнулся.

— Когда-нибудь, Доктор, Вы встретитесь с ними.

— Но пока ты должен решить эту проблему, — сказал Раллон. — Если ты признаёшь, что Игрушечник обязан существовать для баланса Вселенной, ты должен признать и то, что он должен быть в состоянии продолжать исполнять свою роль.

— И что дальше? — уклоняясь от ответа, спросил Доктор.

— Игрушечник, Страж Мечтаний, болен, Доктор. Ты принес меня сюда, неважно, сознательно или нет,

позволив ему использовать меня в качестве шаблона для физической формы. Однако, Стражи — и вообще все Древние — не нуждаются в постоянном физическом воплощении.

— Я неспособен отделить себя от Раллона, — сказал Игрушечник. — Конечно, я понятия не имел об этом. Множество лет мы были одним целым, и я не сознавал, что он тоже существовал. Но это имело негативные последствия. Течение времени действует и на меня — имеющей сущность Раллон является причиной этого. Мы не можем отделиться, я заперт в физическом теле, которое начало ухудшаться в последние годы.

— Как вирус, — произнес Доктор. — Ваша сущность пыталась избавиться от болезни, но не смогла. — Он сложил руки. — Я понял вашу проблему.

Игрушечник кивнул.

— В результате не только я в опасности... хорошо, при смерти — я не стану напоминать о важности для баланса Вселенной — наши умы распадаются.

— Сумасшедший Бог. — Доктор задумался. — Но что я могу сделать?

Раллон хотел подойти, но Доктор отступил назад.

— Ты, Доктор, должен найти способ отделить нас. Ты способствовал нашему соединению, и теперь твоя задача отделить нас.

— А если я не смогу?

— Не можете Вы или не хотите, — улыбнулся Игрушечник, — но тогда наименьшее, что я могу сделать — это оставить Вас здесь. Смотрите.

Вновь из ниоткуда появился робот, его экран показывал Тиган и Смотрителя, окруженных поющими даймокцами. Затем изображение сменилось на Адрика, запертого в помещении на «Литтл Бое II».

— О, и последнее, — Игрушечник щелкнул пальцами, и они оказались в ТАРДИС. Ее стены задрожали и начали деформироваться и искажаться из-за разницы измерений. — У всего есть предел, Доктор. Даже у Вашей ТАРДИС.

И они вернулись в сферу. ТАРДИС теперь стояла возле Раллона, ее внешняя оболочка также колебалась, как будто втягивалась в вихрь в центре корабля.

— Вы, Ваша ТАРДИС и Ваши друзья. Как я и сказал — у всего есть предел, но, как Вы знаете, у меня есть определенная сила. Представьте, Доктор, что я верну вас всех к любому пункту вашего путешествия — нет, не чтобы полностью уничтожить Вас — и заставлю вас каждый раз забывать об этом, чтобы начинать снова и снова. — Лицо Игрушечника искривилось. — И я сделаю это, Доктор, уж поверьте. Если Вы не освободите меня из этой физической тюрьмы, не отделите от Раллона, Вы узнаете такие страдания, какие даже представить не можете. Как Страж Мечтаний я

точно знаю, насколько сильным может быть воображение.

Раллон кивнул.

— Начинай думать над этим, Доктор. У тебя есть тридцать минут!

— А если я смогу найти способ отделить Вас?

— Тогда Вас ждет наша вечная благодарность. — Игрушечник склонил голову набок. — Хотя, конечно, другие могут спросить Вас, почему, если Вы можете помочь своему старому другу, Вы не можете помочь им.

Доктор нахмурился, затем понял, что имел в виду Игрушечник. Он обратился к своей спутнице.

— Нисса, это не...

Но она с ужасом смотрела на него.

— Но ты сказал мне... Ты сказал мне, что невозможно помочь моему отцу. Что он был потерян навсегда из-за Мастера.

— Здесь есть разница...

— О, ну, конечно есть, — усмехнулся Игрушечник.

— В конце концов, Раллон находился в ловушке в течение многих столетий, в то время как отец бедной Ниссы... сколько, пару недель? Возможно, пару месяцев? Это — огромное различие. — Он повернулся, чтобы посмотреть на Ниссу, но она не могла отвести взгляда от Доктора. — Подумайте об этом, Нисса, и пересмотрите вопросы нравственности, природы добра

и, прежде всего, привязанности. Может, Вы поймете, какое место занимает Доктор среди этих универсальных понятий.

И Доктор вновь оказался на Даймоке с командой «Литтл Боя II».

— Где Вы были? — спросил Оуквуд.

— Я хотел бы спросить у Вас то же самое, — медленно ответил Доктор, оглядываясь по сторонам. — Как понимаю, теперь все вы помните друг друга?

По их безучастным лицам он понял, что они понятия не имели, о чем он говорил. Вокруг них вновь были спящие даймокцы.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы проснулись? — спросил Доктор.

— Несколько минут, — ответил Десоргер. — Нисса куда-то ушла. Вы сказали, что нужно найти ее, а затем исчезли на несколько секунд.

Доктор глубоко вздохнул.

— Ах да, Нисса...

Именно в это мгновение она зашла в комнату и направилась прямиком к Доктору.

— Ты — свинья, — крикнула она так громко, как могла. А затем ударила его по лицу.

— Нисса?

— Больше никаких игр, Доктор. Ни сейчас, ни когда-либо.

Доктор глубоко вздохнул.

— Слушай, Нисса, независимо от того, что пытался внушить тебе Игрушечник...

— Ты пытаешься уйти в сторону? Скажи, ты можешь отделить Раллона и Игрушечника? Точнее, хочешь?

Остальные с любопытством наблюдали за их перепалкой. Явно произошло что-то, о чем они не знали. Что-то расстроило обычно спокойную Ниссу.

— Я ... я честно не знаю.

— Ты хочешь?

— Да. Да, я хочу. Он был моим другом...

Нисса покачнулась, как будто Доктор нанес ей ответный удар. Ее глаза заполнились слезами.

— Ты ... Ему ты пытаешься найти способ помочь. Насколько я знаю тебя, ты не успокоишься, пока не сделаешь это.

Доктор не знал, что ответить, чтобы утешить ее. Он выбрал то, что казалось ему наиболее оптимальным — правду.

— Да, я сделаю это. Возможно, затем я попробую использовать это умение, чтобы попытаться помочь твоему отцу...

Нисса махнула рукой, продолжая плакать. Она не могла сформулировать свою мысль.

— Возможно? Возможно? Ты говорил мне, что это невозможно! Ты сказал мне думать о нем, как о мертвом. И теперь, когда твой друг в беде, ты думаешь,

что, возможно, мог бы это сделать. Видимо тогда, когда перестанешь волноваться из-за вторжения пришельцев, от которых кого-то надо спасти, или из-за появления очередного суперзлодея!

Она отошла, опираясь на дверной косяк.

— Я доверяла тебе, Доктор. Я верила в то, что ты говорил. Но чем все это оказалось? Правда в том, что тебя не интересовало спасение моего отца. Ведь у тебя был бы Мастер, оправдывающий твои героические поступки. Это намного интереснее, чем спасение моего отца!

Задыхаясь от слез, она отвернулась и выбежала в темноту. Доктор хотел последовать за ней, но Дитер остановила его.

— Отпустите ее, Доктор. Я не знаю, что происходит, но увидела достаточно, чтобы понять, что сейчас Вы — последний человек, в котором она нуждается. Позвольте мне пойти за ней. — Она пожала ему руку и последовала за юной девушкой. Доктор повернулся к другим, хотя он просто не знал, что сказать. И затем спросил:

— Даймокцы! Куда они исчезли?

Плиты были пусты. И это явно это не предвещало ничего хорошего.

В коридоре должно было быть темно, но Дитер могла видеть все — пространство освещалось тусклозеленым светом. Возможно, какой-то вид фосфора? Но

если так, почему она не замечала его, когда Смотритель вел их в комнату? Если подумать, здесь не было ничего знакомого.

— Нисса?

Дитер смогла разобрать фигуру, сидящую... Нет! Это было невозможно! Она сидела на старомодном деревянном турнике, а вокруг была область с деревьями и небом и...

— Нисса?

Фигура обернулась на ее крик, и поскольку Дитер подошла ближе, она увидела, что это была не Нисса, а неизвестный мужчина.

— Она пошла домой, — сказал он с американским акцентом. — Она устала и расстроилась.

Дитер хотела убежать, вернуться к командиру Оуквуду и другим, но любопытство взяло верх.

— Кто Вы?

Мужчина спрыгнул с турникета, и теперь стоял с другой стороны. Он был странно одет. Старомодно. Даже его усы казались анахроничными и весьма глупыми.

— Мадам, меня зовут Лефевр, Гайлорд Лефевр, житель Луизианы, хотя большую часть своей жизни я провел в поездках между Миннесотой и Сент-Луисом. Однажды, мадам, я даже предпринял путешествие в Мексику, но это — странное и примитивное место, и я не хочу отправляться туда снова. Могу я помочь Вам?

Дитер подошла к воротам, и Лефевр протянул руку, чтобы помочь пройти через турникет. Хотя ее инстинкт подсказывал отказаться, она все-таки ответила.

— Спасибо, господин Лефевр, это очень любезно с вашей стороны.

Она почему-то не удивилась, обнаружив, что одета в платье восемнадцатого века.

— Мадам, — произнес он, как только она прошла ворота, и он взял ее под руку, — это — удовольствие, настоящее удовольствие находиться в Вашей компании в столь прекрасный день. Это напоминает о доме.

Дитер внезапно подумала о своем доме — крошечной квартире на двенадцатом этаже тридцатиэтажного небоскреба в Дюссельдорфе. Две комнаты с серыми, невыразительными стенами и мебелью, и окнами, пропускавшими шум автотрассы и площади.

— Нет, — ответила она. — Нет, монсеньор, по сравнению с домом, это — рай.

— Тогда смею предположить, мадам, что Вы воспользуетесь нашим гостеприимством на некоторое время. Как насчет игры, чтобы скоротать часы?

— Часы...? Нет, я... Я...

— Да, мадам?

Дитер чувствовала, что что-то было неправильно. Она оглянулась на забор, но за ним были поля и деревья. Но ведь что-то отсутствовало? Она не помнила

деревьев. Что-то, связанное с темнотой? Зеленый свет? Девочка, за которой она следовала?

— Простите, сэр, я размечталась. Где мои манеры? Конечно, я хотела бы посмотреть, как Вы играете.

— Посмотреть? Но, мадам, Вы тоже должны участвовать.

— Я? — Дитер покраснела. — Но, сэр, разве правильно для леди участвовать в играх?

Лефевр засмеялся.

— Мы ведь не в Средневековье, мадам. Игрушечник будет очень разочарован, если Вы откажетесь от участия в игре.

Игрушечник? Почему это имя звучало так знакомо?

— Хорошо, сэр, во что мы будем играть?

— Мадам Дитер... я могу называть Вас мисс Клаудия?

Клаудия. Как давно она не слышала своего имени. Она была «медсестра Дитер» или «капитан-лейтенант Дитер» или «Дитер, делайте так, как считаете нужным» уже много лет. Последним человеком, который назвал ее Клаудией, был Мертен — дома, много лет назад. Медсестра Дитер? С какой стати она подумала, что была врачом? И если была, то где? Видимо, во сне прошлой ночью. Ей снился открытый космос среди звезд. Какая чушь. Нет, она была свободной леди, которая наслаждалась прекрасным летним днем в

Шварцвальде в компании этого чудесного американского джентльмена.

— Где пикник, монсеньор Лефевр?

Лефевр улыбнулся ей, как отец мог улыбнуться ребенку, который, наконец, решил задачу. Почему он это сделал? Впрочем, неважно — прежде всего, это был прекрасный пикник, на котором присутствовали куклы в натуральную величину. Они одновременно повернули свои фарфоровые или деревянные головы с нарисованными лицами, чтобы сказать «привет». Она услышала, что они зовут ее, и, радостно улыбаясь, подошла к ним.

— Разве Вы не присоединитесь к нам, монсеньор?

Но Лефевр покачал головой.

— У меня еще есть некоторые важные дела, мадам, но уверяю Вас, что я скоро вернусь. — Он развернулся, чтобы идти, но внезапно остановился. — О, мисс Клаудия, думаю, что Вы не были представлены джентльмену, который подготовил все это. Позвольте мне представить своего господина — Игрушечника!

— Очень приятно, — сказала она высокому, изящно одетому джентльмену, который неожиданно оказался сидящим среди кукол.

Игрушечник слегка поклонился.

— О, Вы, должно быть, медсестра Дитер. Скажите мне, милая леди, Вы, возможно, играете в шахматы?

Адрик решил, что дела были действительно плохи. Ники Паладопус и остальные на мостике не помнили о нем, но пока они вели его в складское помещение — отличную тюрьму, по их мнению — по станции стало разноситься сообщение об убийстве. Заявления Адрика, что у него нет ни ножа, ни крови на руках или одежде, ни причин убивать незнакомого человека — не возымели эффекта. Лейтенант — точнее, командир Паладопус, как теперь он себя называл — просто запер его в клетке, полагая, что служба безопасности с Земли сама разберется с ним.

— Конечно, им может потребоваться неделя или три, чтобы добраться сюда, таким образом, у Вас будет много времени, чтобы подумать о том, что Вы сделали!

Адрик думал об этом в течение нескольких минут, после того, как шаги Паладопуса стихли. Очевидно, что что-то было неправильно — Адрик сталкивался с гневом Доктора (ов) достаточно часто, чтобы понять это. Забыв о себе, Ники действовал совершенно нерационально для «командира». Видимо, он находился под чьим-то влиянием. И этот кто-то стер из памяти лейтенанта не только Адрика, но и команду, отправившуюся на Даймок вместе с Доктором, Тиган и Ниссой. Что ж, сейчас Адрик ничего не мог поделать, кроме как ждать возможности сбежать, когда ему принесут поесть. Вряд ли измор голодом является надежным способом получения признания, так что он

был уверен, что удобный момент предоставится очень скоро. Со вздохом — быть запертым весьма скучно — он закрыл глаза и приготовился ждать. Дверь открылась, но Адрик не открывал глаз в ожидании разговора.

— Адрик?

— Это — вы?

Он сел, внезапно поежившись. Морелл? Таниса?

— Мать? Отец? — Адрик внимательно посмотрел на родителей. Они втроем находились в пещере рядом со «Старлайнером» на Алзариусе. — Сердце Адрика забилось быстрее. — О. Это снова не вы. Еще одна уловка, как в прошлый раз.

Его мать нахмурилась, а отец присел рядом с сыном.

— Ты снова видел тот сон?

— Сон? Какой сон?

— Тот же, что снился тебе в последнее время. О путешествии среди звезд, с верной собакой — роботом и его друзьями, волшебником и ледяной девой. — Таниса также присела рядом. — О, мне так жаль. Мы действительно думали, что уход в пещеру решит твою проблему!

— Я думаю, сынок, было бы лучше, если бы ты вернулся к нам. После ухода Варша твоя мать нуждается в нашей помощи в работе по дому.

Адрик переводил взгляд с одного на другого.

— Послушайте, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Он остановился, дотрагиваясь рукой до горла. Его голос казался странным. Даже чужим. Затем он продолжил. — Хорошо, попробуем иначе. Каково истинное происхождение тумана?

Адрик считал, что, если спросит своих призрачных родителей об этом — он знал ответ, но они нет — и они ответят правильно, он будет знать, что это было уловкой Игрушечника. Его голос все еще казался странным. Тоньше, слабее. Он коснулся горла. Щитовидки не было. Его руки стали маленькими, более тонкими. Он проверил другие части тела, но все было в порядке.

— Нет... Я снова стал маленьким...

Морелл улыбнулся.

— Конечно, ты им и был, Адрик. Тебе исполнится одиннадцать в следующем сезоне.

Адрик покачал головой.

— Но я... Мне пятнадцать лет!

Его мать рассмеялась. Чудесный смех, он не слышал его много лет.

— О, мой милый, ты такой шутник. Ну, возвращаемся в дом. У меня готово твое любимое блюдо из тушеного мяса, и Джиана хочет увидеть тебя. Я думаю, что она сможет присмотреть за тобой.

Адрик встал на ноги, пытаясь отойти, но его родители выглядели большими. Как для десятилетнего мальчика.

— Нет. Я — Адрик. Это — космическая станция «Литтл Бой II». Не Алзариус. Я нахожусь в Н-пространстве, а не в Е-пространстве. Вы мертвы, как Варши... и...

Его протесты прекратились, поскольку голос исчез. Его мать и отец теперь казались гигантами. Они на что-то указывали и улыбались.

— Утю-тю, — сказала ему мать. — Хочешь вкусную конфетку? — Она протягивала тарелку с речными фруктами. — Твои любимые.

Адрик всегда ненавидел речные фрукты. Он попытался сказать об этом, но не смог. Тогда изображения изменились. Его мать и отец закрутились, стемнели и превратились в две другие фигуры. Он понял, что это были Тиган и Нисса. Девушки толкали его, злобно смеясь над попытками отстранить их.

— О, взгляни, Нисса, — сказала Тиган. Этот Адрик такой Адрик. Если он не может получить то, что хочет, он падает на пол, пинаясь и крича как ребенок.

— Ну, Тиган, — ответила с Нисса, — это же наш Адрик. Большой испорченный младенец, который думает, что вырос, хотя он — всего лишь жалкий ребенок. Утю-тю.

Адрик услышал долгий пронзительный крик, как у ребенка, который требует внимания. Он понял, что звук был и в его голове и выходил из его рта, рта шестимесячного Адрика. И он закричал еще громче.

Теперь Тиган смогла вспомнить свой сон. Брисбен. Робот. Игрушечник и еще один человек, который пытался предупредить ее насчет чего-то. Выходило, что она опасалась Смотрителя? Ну, откровенно говоря, после того, что случалось с нею во время путешествий с Доктором, она не доверяла никому. Сейчас все спящие проснулись. Они сидели на плитах и смотрели на нее.

— Их Бог покинул их, — сказал Смотритель. — Вы — Избранная, та, что сможет помочь им.

— Почему я?

— Потому, что Вы — прагматичная, прямая и говорите, что думаете. Адрик и Нисса слишком погружены в себя, чтобы оказать помощь.

Тиган задумалась.

— Подождите, — сказала она, — Если я — Избранная, откуда Вы знаете Адрика и Ниссу? И для чего Вам нужен Доктор? Конечно, возможно, что Вы просто выбрали любого из Вселенной, кто прагматичен и все прочее. Почему я? — Она посмотрела на Смотрителя. — Я тут вообще не при чем, не так ли? Я — просто удобный способ заполучить Доктора!

Смотритель улыбнулся.

— Вы несправедливы к себе, Тиган. Доктор, конечно, является частью игры, но именно Вы — та, в ком я... мы нуждаемся. Вы — наш Избранный не из-за того, кто с Вами путешествует.

— С кем Вы путешествуете, — автоматически поправила Тиган. Она посмотрела на толпу, на их умоляющие взгляды на лицах.

— Им нужен тот, кто сможет вести за собой, Тиган.

— Вести за собой куда?

— В сражение. Сражение умов. Они спали в течение многих лет. Позвольте мне Вам объяснить.

Смотритель снова коснулся виска Тиган, и все вокруг изменилось...

ГЛАВА 3

ВЕСЬ ЭТОТ БЛЕСК

Представьте пространство.

Представьте пыль и облака, соединяющиеся вместе, создавая планету — смесь физики, химии, биологии и некоторого количества удачи. Почему эта планета сформировалась здесь, в этом незначительном кусочке пространства, в 150 миллионах километров от ближайшего солнца? И почему, спустя несколько миллионов лет, даймокцы развились не физически, а умственно, что могло сделать их богами для низших рас? Это — причуда судьбы, которая создала Даймок, Тиган Джованка. И причина, по которой Вы должны помочь, проста. Вместо того, чтобы стать богами, эти бедные, жалкие существа открыли свои умы для вторжения другого, утверждавшего, что он — их Бог. Он обещал им вечное счастье. И какова была его цена? Отдать ему свои мечты — чтобы спать и позволить их подсознательному воображению приводить в действие его собственные фантастические планы. Его собственные злорадные планы относительно универсального господства.

Он так и сделал, этот Древний из другой Вселенной. Этот Страж Мечтаний, который сказал, что защитит их.

О, он действительно защищал их — он позволил мне бодрствовать, чтобы изгонять нежелательных посетителей в том случае, если они потревожат спящих. Он дал мне силу даже свыше той, которой обладали спящие — я мог разрушить планеты с помощью мысли. Я мог бы распарывать Вашу форму стюардессы, по стежку в неделю, пока она не развалилась бы — через миллион световых лет.

Но мой отказ не изменил бы мое одиночество. Вы можете представить, на что похоже быть внезапно оторванным от друзей? Принять предложение по наитию, не думая о последствиях? А затем Ваш бог предает Вас, дает Вам обещания, но фактически оставляет Вас навсегда, заставляя выполнять задачи против воли, потому что нет ничего иного в огромном вакууме скуки? Моя миссия, Тиган Джованка, состояла в том, чтобы защитить моих... спящих. Следить за ними и гарантировать, что в то время как наш Бог, наш ложный, злой и хитрый Бог использует их умственные силы, чтобы поддержать собственные сферы иллюзий, они остаются живыми в надежде, что однажды кто-то придет к ним помочь найти новое будущее. Новое руководство. Начать с нуля — именно это предложит Избранный. Я надеюсь, что они послушаются Вас — Вы отличаетесь от них, отличаетесь от жестокого бога. Вы — их спаситель.

О, Вы не хотите быть их спасителем? Тогда позвольте мне показать Вам, что произойдет, если Вы, наша последняя надежда, оставите нас теперь. Вы видите, спящие проснулись — и это уменьшило силу Бога. О, у него есть запасы их снов, но это не может продолжаться долго. Он использует их слишком быстро, слишком нетерпеливо. Смотрите. Вы видите Даймок, видите, как черная пирамида разрушается и падает? Вы видите даймокцев, неспособных сбежать, когда мир терпит крах и падает на них. Вы спросите, почему мы не убегаем от этого ужасного бога, который так плохо обращался с нами? Поскольку мы зависим от него. Если мы оставим его, мы умрем. Если он оставит нас, мы умрем. Это — паразитарные отношения. Но с новым Избранным, способным защитить нас, мы поговорим с Богом, и попросим новые сны, менее абстрактные, чем сейчас. Мы будем свободны. Но, спросите Вы, что будет с Вами? Не станете ли Вы пленником снов, как и мы? Нет, конечно, нет. Через мгновение я раскрою секрет, и Вы все поймете.

Но как же Доктор? Ваш спутник, Ваш защитник? История Вашей планеты полна мучеников, святых и спасителей. У Вас есть свои герои, свои легенды и свои боги. Ваш Доктор — загадочная смесь всего этого. Вы не знаете, как он пролетает сквозь временную воронку, нетронутый течением времени, защищая Вас по пути. Он показывает Вам чудеса Вселенной — и опасности

тоже. И, несмотря на все, что я объяснил Вам, что я продемонстрировал, Я вижу в Вас желание, чтобы я продолжил рассказ. Вас удивляют его умения. Его технологии. Его способность меняться и восстанавливать тело. Разве он — не Бог? Разве это — не то, что делают боги? Нет, он не идеален, и именно поэтому Вы восхищаетесь им. Он не может быть Богом, потому что он делает ошибки — и именно поэтому Вы можете общаться и сосуществовать в его богоподобном мире. Здесь Доктор должен исправить другую ошибку, которую совершил много лет назад. И таким образом предать Вас и Ваших друзей. Позвольте мне объяснить на примере одного из Ваших воспоминаний.

Привет? Привет, где я? О, это — ТАРДИС, я узнаю ее. Да, это — я с Ниссой, Адриком и Доктором в ТАРДИС, и мы только что взлетели с того поддельного места, Кастровальвы. На пути назад мы обсуждали врага Доктора — Мастера, который создал круглый логический город как ловушку, но был сам пойман в нее, поскольку город превратился обратно в чистую математику, которая создала его. Или нечто подобное. Мастер мертв, сказал Доктор. Повелители Времени могут восстанавливать тела двенадцать раз — таким образом, у них есть тринадцать жизней. Если Повелитель Времени пытается регенерировать в тринадцатый раз, это обычно убивает его. Но Мастер попробовал, и стал чем-то вроде ходячего трупа. На

Тракене, до того, как я присоединилась к команде ТАРДИС, отец Ниссы Тремас продемонстрировал силу Источника, массивной энергетической капсулы. Мастер использовал власть Источника, чтобы увеличить количество регенераций, но он нуждался в дополнительном материале — новом теле, с которым он мог слиться. Отцу Ниссы не повезло, и Мастер стал похож на молодую версию Тремаса. Я помню, когда мы направлялись к Кастровалье, Нисса спросила Доктора, был ли ее отец мертв или существовал способ отделить их. Мы только что видели, как Доктор умер, и возродился в новом теле. Мы видели его промежуточную версию, Наблюдателя, действующего независимо, пока он ждал регенерации.

Нисса видела, что ее отец стал вновь молодым. Она надеялась, что Доктор мог исправить то, что сделал Мастер. Но Доктор сказал, что это невозможно. Разделение двух людей, которые стали единым целым на молекулярном уровне — даже Повелители Времени не знали, как это сделать. Бедной Ниссе, потерявшей отца, мачеху, друзей, дом и всю ее планету, осталось только одно — путешествовать с Доктором. Она потеряла надежду. И я думаю, что какая-то часть Доктора тоже умерла в этот момент.

Вы помните то чувство, Тиган Джованка? Помните те эмоции, тот инцидент, и все, что связано с ним? Почему? Потому, что Доктор лгал. Он собирается

сделать это — не для отца своей спутницы, а для того, кого он потерял столетия назад. И мы должны остановить его, потому что, если наш Бог потеряет свою власть, Даймок будет разрушен.

Громче, братья мои, громче! Громче, чем когда-либо!

Вот тот маленький секрет, Тиган, который я обещал раскрыть Вам.

ГЛАВА 4

НИКОГДА НЕ ОТВОРАЧИВАЙСЯ

— Куда они, черт возьми, запропастились? —
Оуквуд посмотрел на Доктора, видимо, считая это его
ошибкой. Что, в общем-то, отражало истину.

— Должен заметить, командир, что я не просил
Дитер следовать за Ниссой.

— Я мог бы пойти поискать их,— предложил
Десоргер, но Брон положил ему руку на плечо,
уменьшая как энтузиазм, так и возможность
перемещения.

— Нет, парень. Нам достаточно и двоих пропавших.

Доктор посмотрел на Брона. Сотрудник службы
безопасности тоже обвинял его? Хотя, почему нет?
Именно он привел их сюда — пусть и требование
Игрушечника/Раллона было тому причиной. Ему
вспомнился сон, увиденный в ТАРДИС. Игрушечник
или Раллон мысленно заманили его в ловушку?
Поместили координаты в его разум — и вместо того,
чтобы добраться до Хитроу для Тиган, он привез их
всех на «Литтл Бой II».

— О, наконец-то, все идет так, как надо, — сказал Игрушечник из арочного дверного проема. — Вижу, что мои преданные ушли, скорее всего, чтобы послушать предательскую речь Смотрителя. Он развлекал меня какое-то время, как и остальные даймокцы, но настала пора очистить эту планету от паразитов. Меня начинают утомлять их требования.

Он поднял руку, как будто намереваясь исполнить сказанное.

— Нет! Подождите, — Доктор вышел вперед. — Вам нужен только я. Оставьте Даймок. Оставьте этих людей и сразитесь со мной. Один.

Оуквуд также вышел вперед, и Доктор обернулся к нему.

— Командир, думаю, что лучше предоставить это мне.

— Вы так думаете? — Оуквуд не выглядел удивленным.

— Прочь, — пробормотал Игрушечник, и «Литтл Бой II», на котором они находились, исчез. — Вы неправы, Доктор. Они — часть игры. О, и перестаньте так смотреть. Им ничто не угрожает. У моих друзей из магазина игрушек есть кое-что интересное для них.

— Это меня и тревожит, — признался Доктор, и Игрушечник рассмеялся.

— Бросьте, Доктор. Таким старым друзьям, как мы с Вами, всегда найдется, что обсудить. Прошло много времени, и я подготовил для Вас новую задачу.

— Надеюсь, трилогических игр больше не будет?

В предыдущем сражении с Игрушечником Доктор смог сбежать из сферы. Игрушечник использовал игру, основывающуюся на постройке трех пирамид, и Доктору пришлось обратиться к обману, чтобы спастись.

— Я называю это жульничеством, — прервал его мысли Игрушечник. — Вы заметили мою подсказку сверху? — Игрушечник поднял палец и указал вверх.

— Конечно. Черная пирамида и два выступа с обеих сторон. Это выглядело как гигантская трилогическая игра.

Игрушечник улыбнулся.

— Я даю Вам несколько бонусных очков, Доктор.

— Например?

— Например, я не буду уничтожать ни Даймок, ни, по совместительству, Вашу подругу Тиган. — Он продолжал жестикулировать. — По крайней мере, пока.

И Доктор вернулся в сферу.

Не было никакого признака Раллона. Вместо этого рядом с Игрушечником стоял и злобно смотрел на Доктора неряшливо одетый человек. Видимо, он был одной из предыдущих жертв Игрушечника, которой

было разрешено служить хозяину в качестве человека, а не игрушки.

— Поздоровайся с Доктором, Стефан.

Стефан не шевельнулся.

— Бедный Стефан, он слушал мои рассказы о Вас много ... в общем, очень долго.

— И вы продолжаете их повторять?

Игрушечник засмеялся.

— Да, Доктор. Вы, конечно, помните моего Волшебного Робота? Существо с планеты Капекка. Я использую его, и поэтому Капекка все еще существует. Игрушки, которые развлекают меня, выживают, так же, как и их родные планеты. Некоторые игрушки. У некоторых из них больше нет родины. Трое Ваших друзей не радуют меня. Тиган Джованка и те с космической станции, вращающейся вокруг милого Даймока, родом с Земли, воображение жителей которой — бесконечный источник волнений. Нисса с Тракена. Его больше не существует, поэтому у меня нет возможности играть с ней. Как и с Адриком. Его родной Алзариус находится в Эхо-пространстве, что приносит слишком много беспокойства ради небольшого вознаграждения. Таким образом, ни один из них не интересует меня. Я мог бы просто стереть их, но чувствую, что это расстроило бы Вас, поэтому не буду.

— Спасибо.

Игрушечник продолжал смеяться.

— О, Вы так очаровательны, Доктор. Так... обманчивы. Взгляните в мое зеркало памяти — я уверен, что изображение покажется Вам вполне интересным.

Доктор посмотрел на рельефное стеклянное зеркало — овальное, размером с человека, оно висело в воздухе. Рядом с ним появился еще один человек в одежде восемнадцатого века, вероятно, какой-то мелкий мошенник с американского Среднего Запада. Колесные пароходы и все прочее.

— Позвольте мне представить господина Лефевра. Ловкость рук — его специальность.

Лефевр кивнул Доктору, который ответил тем же, хотя и с преувеличением, которое граничило с иронией. В зеркале — или за ним, Доктор увидел зеленые поля. Посмотрев по сторонам и вверх, он понял, что области были квадратами на обширной шахматной доске.

— Позади Вас, Доктор, Стефан показывает Вам чистую структуру.

Действительно, там стоял Стефан. Он протянул Доктору банку.

— Мятные конфеты, Доктор?

— Ваши? — парировал Доктор, отказываясь от кусочков.

— О, очень смешно, — ответил Игрушечник. — Просто возьмите кусочек, Доктор, мое терпение не абсолютно.

Доктор взял кусочек, и повернулся снова, чтобы посмотреть на Игрушечника. Преобразование было довольно неожиданно — Игрушечник нахмурился и вся его фигура, казалось, потемнела. Хранение сущности Раллона вызывало эти приступы безумства. Лицо Игрушечника исчезло. Вместо него появилось лицо Раллона, по его гримасам можно было понять, что это дается ему не без труда.

— Если ты отключишь нас, то, возможно, он наконец-то умрет. И я, конечно, тоже. Именно поэтому я позвал тебя сюда. Убить меня. Нас. Закончить то, что ты начал.

— Я не могу, — в отчаянии закричал Доктор. — Я не могу сделать это, я не знаю как. Не думаю, что это возможно. Я могу только дать тот же ответ, что и Ниссе, когда она спрашивала о своем отце и Мастере. Это невозможно.

Игрушечник вернулся, продолжая мерцать от напряжения.

— Я действительно хочу избавиться от Раллона, Доктор. Это — причина, по которой я позвал Вас. Он хочет убить меня, но я слишком силен для этого. Страж не может умереть. Но я нуждаюсь в другом теле, Доктор, и Вы станете этой заменой.

Доктор покачал головой.

— Почему я должен так легко сдаться?

Игрушечник теперь полностью стал собой, со своим оригинальным поведением, улыбками и жестами.

— О, это будет сражение, Доктор. Двухспектное. Вы и все Ваши друзья сможете свободно уйти, если ваша Белая команда победит мою Красную команду в шахматах, и Вы сложите пазл из этих кусочков. — Четыре тысячи частей мозаики поднялись в воздух, и словно бы уложились в пустую структуру, плавающую в воздухе. — Я слегка упростили Вам задачу.

Доктор посмотрел на мозаику — это явно была картина. Также она была перевернута вверх дном и задом наперед.

— Я сказал, что слегка упростили, Доктор. А не совсем упростили.

— О, большое спасибо.

— Но Вы должны сложить мозаику точно в тот же самый момент, когда победит Ваша шахматная команда, или Вы становитесь моими. Закончите его за момент до этого или спустя момент после этого — и все исчезнет.

Доктор кивнул.

— Но я, конечно, останусь и построю новую сферу как Ваш новый... совладелец, да?

— Именно. Мне наскучила белизна, Доктор. В следующий раз я мог бы придумать что-то иное —

деревянные лучи, угольный огонь. Что-то, что запустило бы Ваше воображение. Раллон утомляет, Доктор. Белая пустота является лучшим, что он может сделать. Действительно, жаль.

— Почему бы Вам не заменить его на одну из Ваших зверушек, к примеру, Стефана?

— Он — человек, Доктор. Большинство существ, которых я использую в своих играх, эфемерны. Они не смогли бы пережить процесс замены. Именно поэтому я взял Раллона. Повелитель Времени. Такие возможности, такие обещания... — Игрушечник внезапно остановился и всмотрелся в монитор на груди Робота. — О, взгляните, последняя часть. Ваша команда прибыла!

Адрик продолжал бежать. Почему он оказался не на космической станции, а на лугу с коровами и маргаритками (и коровы были не черно-белые, а зелено-желтые, как изношенные шляпы), он не знал. Он не задумывался, почему вновь стал взрослым. Все, что он знал — это то, что он бежал от... чего-то. Он снова посмотрел на коров.

— Доброе утро, — сказала одна женским голосом, странным образом поднимая хорошо изгибающуюся ногу, чтобы снять с себя шляпу.

— Доброе утро... — начал отвечать Адрик. — Это глупо. Коровы не разговаривают.

— Возможно не в Вашем мире, маленькое розовое существо, но мы так делаем. Как грубо критиковать нас за это.

Адрик извинился.

— Это нереально, — добавил он.

— Жить как здесь, — сказала корова, выплевывая полусъеденный кусочек пончика на траву.

— Ой, — пискнула маргаритка, используя свои лепестки, чтобы вытереть плевок и сахар.

— Ваш ум должен быть поврежден, чтобы понять все это, — продолжила корова. — Большинство людей, попавших сюда, просто убегают, крича, что сошли с ума. То, что Вы начали беседу со мной, предполагает, что это не удивляет Вас.

— Думаю, нет.

— Но ведь это неправильно, не так ли? — Корова подошла к нему. — То есть, если бы мы все стали верить в любую чушь, предлагаемую нам, чем бы это закончилось? Вы, должно быть, слегка повредились.

— О, спасибо. Вообще-то, мы, алзарианцы, поправляемся быстрее, чем большинство людей. Что, вероятно, означает, что Вы исчезните, как только мой разум восстановится.

— Если уже не слишком поздно, — пропищала маргаритка. — Если повреждение было сильным, то это бесполезно. Вы теперь вечно будете разговаривать с коровами и маргаритками.

Адрик пожал плечами.

— Сюрреализм в действии.

— Ах, да, — согласилась корова. — Но у сюрреализма есть объяснение в искусстве. Обычно сны. Итак, Вы спите, и мы появились в Вашем сне... или это действительно реально? Или вчера вечером в Вашей пицце было слишком много сыра, или, как я и сказала, Вы повредились рассудком.

— Что такое пицца?

Корова и маргаритка рассмеялись.

— Теперь мы знаем, что он безумен, — и они отвернулись. Наклонившись, корова схватила болтливый цветок и съела его.

— Я хочу знать, что такое пицца. Вы говорите о вещах, которые я не понимаю. Точно так же, как Тиган и Нисса... они всегда так говорят.

Корова проигнорировала его, поэтому он продолжил идти вперед.

— Жизнь как большой пикник. В одном углу маленькая солонка содержит действие. Есть масленка побольше — это — знаки, которые Вам встречаются. Остальное — огромная ситцевая скатерть, покрытая мечтами, и надеждами, и грезами, ни одна из которых не реальна.

Адрик решил не удивляться тому, что говорящий был крошечной деревянной марионеткой, свисающей с ветви дерева, ее бордовая одежда колебалась на ветру.

Удивление могло бы привести к еще одной нелепой беседе.

— Почему Вы бежите? — спросила марионетка. — Я имею в виду, ни Тиган, ни Нисса не преследуют Вас. И Доктор, ну, в общем, он оставил Вас. Вы могли бы остаться здесь и наслаждаться непредсказуемостью всего этого. Это — непредсказуемость, которую Вы ищете, разве не так, Адрик?

— Я действительно не знаю, — сказал Адрик. — О, почему никто не объяснит, что происходит? Вы могли бы сказать мне, пожалуйста?

— Тише, — ответила марионетка. — Вы снова жалуетесь. Вырастите из этого, Адрик. Поймите, что это не даст Вам того, что Вы хотите, и я гарантирую, что девушки будут относиться к Вам иначе. Чем дольше Вы ведете себя как десятилетний ребенок, тем меньше Вас уважают.

— Мне не нужно ничьё уважение, — крикнул он.

— Вранье, Адрик. Все мы хотим уважения. Вы хотите быть уважаемым другими. Доктор хочет быть уважаемым Вами. Тиган и Нисса хотят уважать Вас. Ваша вина в том, что этого не происходит. Вы хотите вернуть старого Доктора, но, на самом деле, старого себя. Когда Вы появились в ТАРДИС, Вы были искренним, эмоциональным и многому верили. Вы думали, что это было захватывающим приключением. Но когда Доктор изменился, Вы тоже. Вы взяли на себя

часть ответственности и помогли Ниссе утешиться после гибели Тракена. Единственный человек, который все еще считает, что Вы — испорченный ребенок — Вы сами. Если Вы поймете, что изменились, другие тоже поймут. Ваша судьба зависит не от расположения звезд, Адрик. Однажды Вы произведете большое впечатление, измените историю или что-то в этом роде. Но пока этого не случилось, ждите и радуйтесь своим друзьям вместо того, чтобы ругаться с ними. Ведите себя достойно, и они ответят Вам тем же.

Адрик задумался об этом, но, когда он решил ответить, марионетка исчезла. Перед ним стояли мужчина с женщиной, протягивая ему бумажное извещение.

— Ваше Величество, — сказали они, хотя не слишком почтительно.— Ваше приглашение присоединиться к турниру.

Нисса почувствовала тепло солнца на щеках и перевернулась на спину, рассеянно проведя рукой по лицу. Как будто сметала паутину. Снаружи пели птицы, и небольшой бриз приятно холодил, влетая через небольшое окно рядом с изголовьем. Она открыла усталые глаза, чувствуя мягкость серой шелковой ночной рубашки. У ног, накрытых ситцевым покрывалом, сидело несколько игрушек, охранявших ее. Она улыбнулась Большому Медведю, главному хранителю и лидеру этой команды.

— Все в порядке, как я понимаю, — сказала она. — Спасибо за спокойную ночь. — Она посмотрела на потолок. — У меня есть предложение, Игрушечник. Можно уже попробовать что-то новое?

Нисса поднялась с кровати, умылась, причесалась и, взглянув еще раз на свои игрушки, вышла из комнаты.

— Почему ты не вернулась, чтобы найти меня! — прокричал Тремас, вталкивая ее обратно в комнату. Она упала на кровать и разбросанные по ней игрушки. Тремас упал на пол, рыдая и истерично визжа.

— Почему ты предала меня, дочь? Я думал, что ты любила меня!

Нисса посмотрела на него.

— Отец...? — в конечном счете сказала она.

Он поднялся, его красное лицо исказилось от ярости и отчаяния

— Ты должна почитать меня. Почитать Тракен. А как ты поступила? Отказалась от меня? Оставила меня ему?

В комнату вошел Мастер.

— Здравствуй, Нисса, моя дорогая.

— Уходите, — ответила она. — Вы оба. Вы — фантомы, созданные Игрушечником, чтобы заставить меня сомневаться в себе. И в Докторе. — Она глубоко вздохнула. — Но я отрицаю эту реальность, Игрушечник. Я отрицаю этот фантастический ландшафт. И прежде всего, я отрицаю Вас!

И Нисса снова вернулась в сферу Игрушечника.

* * *

Игрушечник стоял рядом с ТАРДИС, роботом, Стефаном и Гайлордом Лефевром.

— Хорошо, Нисса. Ваша верность тому, кто предал Вас, очень похвальна. Однако все это еще ни вернет Вам ТАРДИС, ни спасет Доктора. Впрочем, Вы заработали достаточно очков, чтобы пройти дальше, к следующему уровню игры!

И Нисса оказалась снаружи, на поле, дыша свежим воздухом. Баннеры со словами «Желаю удачи» покачивались на ветру.

— Доктор? Доктор, где ты?

Ответа не было, поэтому она направилась вперед, мимо баннеров, к турникуту среди живой изгороди. Она решительно перелезла через турникет. У Игрушечника была странная логика. Непонятно, хотел ли он, чтобы она очутилась здесь. Но оставаться было бессмысленно. Если он хотел бы, чтобы она очутилась на «следующем уровне игры», она бы уже была там. Если бы только она могла увидеться с Доктором, который явно знал ответы на все вопросы. Она поняла, что это была за игра. Она не раз пыталась играть в шахматы и с Доктором, и с Адриком. Но она плохо понимала правила, и Адрик однажды даже принес ей наброски.

— Даже тебе это покажется простым, — сказал он, как обычно, бесцеремонно. Но Нисса не понимала. Она не была игроком.

— Доброе утро, — сказал человек позади нее совсем противоположным тоном.

Нисса оглянулась, чтобы поприветствовать двух человек в серой одежде, мужчину и женщину. Ни один из них не улыбался. Строгая пара представилась как Джордж и Маргарет, судьи большого шахматного турнира, на котором решится судьба тысяч.

— Почему?

Женщина нахмурилась и протянула листок бумаги из своего кармана.

— Потому, что так говорится здесь.

Она передала Ниссе приглашение на турнир. Нисса просмотрела его, отметив, что оно действительно объявляло, что судьба тысяч зависит от его исхода. Представителями Красной команды являлись сэр Генри Рагглсторп и семья (с друзьями). Кем бы ни они были. У Ниссы возникло подозрение, что они играли не по своей воле. Белой командой были: Люди с ракеты из космоса, которые ждут свою королеву. Нисса протянула бумагу назад Джорджу и Маргарет, но они проигнорировали ее.

— Оставьте. Это — Ваше приглашение.

— Мне не нужно приглашение.

— Бог ты мой. Какая жалость. Ладно уж. Но это по-прежнему Ваше приглашение.

Нисса вздохнула. Она посмотрела на приглашение снова, чтобы увидеть время начала турнира. Сейчас оно гласило лишь:

— Когда Вы будете готовы, королева Белой команды?

— Но я — не белая королева! — воскликнула Нисса.

Джордж впервые улыбнулся.

— Теперь — да.

И все сошло с ума.

ГЛАВА 5

ОТ БЛИЗКОГО К ДАЛЕКОМУ

Доктор смотрел на мозаику — казалось, собрать ее невозможно. Части были двухсторонними — таким образом, каждая из них должна была находиться на правильном месте с обеих сторон. О, и Игрушечник забыл упомянуть о том, что всякий раз, когда Доктор клал неправильную часть, она выпадала — и еще полдюжины вместе с ней.

— Жаль, что Вы не выбрали что-то более интересное, — простонал он, надеясь заставить Игрушечника потратить еще немного энергии. Независимо от того, что происходило между ним и Раллоном, власть Игрушечника действительно — и внутри, и снаружи — уменьшалась. Доктор заметил, что Стефан и Лефевр бросают странные взгляды в направлении своего хозяина, подтверждая, что Игрушечник ведет внутреннюю борьбу. Превосходно.

— О, взгляните на зеркало памяти, Доктор.

Доктор обернулся, и Игрушечник махнул орнаментированным кольцом перед зеркалом. Появилось изображение шахматной доски. Оно было очень расплывчатым, и Доктор почувствовал себя

плохо, пытаясь сосредоточиться. Игрушечник покачал головой.

— Боюсь, дорогой Гайлорд, что наша летчица не столь хороша, как казалась.

— Я не чувствую страха, повелитель, — признался Лефевр.

— Так же ужасна, как в криббидже, Доктор. Немного игры, чтобы убить время. Ах, хорошо. Давайте сменим вид.

Доктор взглянул. Шахматная доска теперь была показана с точки зрения одного из игроков.

— Я использую перспективу красного короля, Доктор, чтобы Вы увидели, как передвигается Ваша Белая команда.

— Белое всегда считается силой добра. Намек на Стража?

Игрушечник пожал плечами.

— Это даже не пришло мне в голову. Нет, я выбрал белый, потому что подумал о флаге, которым машут на Земле — сигнал капитуляции. — Он пристально посмотрел на экран. — О, весьма утомительно, пока все идет традиционно. — Он прокашлялся. — Переместите тур на четыре поля.

Внезапно картина расплылась. Когда она вновь прояснилась, фигуры переместились, некоторые даже значительно.

— Боже мой, кажется, я потерял несколько пешек и туру. И очень хорошо для Вас, Доктор. Вы никого не потеряли. Пока. О, позвольте мне представить Вашу команду. — Он дотронулся кольцом до зеркала напротив изображения пешки. У нее было лицо Брана. К ужасу Доктора, оно мигнуло. Кольцо тронуло туру. На ней было лицо Таунсенд, искривленное от страха. Слоном был Дитер, а конем — юный Десоргер. — О, кем окажется Ваша королева? Интересно, это... ах, да, значит, она. Скажите мне, Доктор, они играли в шахматы на Тракене?

— Они... они уже мертвы?

— О, нет. Ну, пока что. Но если туры, кони или слоны бывают съедены, то да. Так же, как и пешки — бедный мистер Бран. Много возможностей, но, как хороший сотрудник службы безопасности, он держится на линии фронта. Это — то, за что ему платят. Что касается Ниссы и Вашего короля, так как они — в единственном экземпляре, то умрут сразу.

— Адрик?

— Король, да. И это, вероятно, причина того, что Ваша команда так успешна. Он хорош в игре. Его математические умения делают его идеальным стратегом, организовывающим своих игроков. Он намного лучше, чем мой человек, уважаемый старый сэр Генри.

Игрушечник усмехнулся.

— Доктор, Вы не станете возражать, если я оставлю Адрика после окончания игры? Он мог бы оказаться здесь весьма полезным.

— Вообще-то, я хотел бы вернуть его.

— О, посмотрите, Доктор! Адрик пожертвовал слоном, чтобы заставить пешку оставить сэра Генри и поставить шах. О, это так умно. Король движется к слону.

Вид изменился, следя за движения игрока.

— Конечно, Доктор, это было блефом с нашей стороны. Дорогая королева Нисса теперь под угрозой моей туры. Кажется, ее зовут Элиза.

Доктор смотрел в немом ужасе, бессильный что-либо сделать, кроме как наблюдать, как Адрик пытается найти способ спасти Ниссу. Он мог это сделать, поместив оставшегося слона перед королевой. Тура должна была взять его, и, в свою очередь, королева могла взять туру, оказываясь в безопасности.

Но Доктор понял, что Адрик был в затруднительном положении. Он посмотрел на слона — если он потеряет и этого, Дитер умрет. Слон переместился.

— Адрик...

— О, извините, я забыл сказать еще одну вещь. — Игрушечник был в восторге от игры. — Игроки не знают судьбы потерянной фигуры. Ого, тут за один раз пропадают медсестра Дитер и Элиза.

Нисса действительно взяла туру. Тогда красная пешка выступила вперед. Белая пешка, которая держала красного короля под контролем, продвинулась на шаг в направлении красной команды.

— О, отлично, Адрик, — прошептал Доктор. — Я думаю, что мы можем вернуть фигуру, Игрушечник!

Игрушечник снова выглядел потемневшим. Он медленно улыбнулся.

— Как скажете, Доктор. Добавим остроты. Вы хотели бы нового слона?

— Да, пожалуйста.

— Договорились. Смотрите, Доктор.

На зеркале памяти возник новый белый слон, и Доктор увидел его лицо. Это была не Дитер. Это был Оуквуд.

— Заскучали, Доктор?

— Нет, — ответил он и оглянулся на мозаику. Он практически завершил составление, и теперь ждал завершения шахматной партии.

Адрик должен победить.

— Повелитель! — донесся крик Лефевра, привлекший общее внимание. Шахматная партия была прервана внезапной вспышкой.

Нисса оказалась сидящей на полу, когда мир вокруг сошел с ума. Она больше не была частью шахмат. Вместо этого она сидела рядом с Адриком, а фантастический ландшафт вокруг них дрожал и

вибрировал, части, попадавшие в туман, преобразовывались... в части собора.

— Мы на Даймоке!

Тиган тоже была там — она стояла рядом с тем стариком, Смотрителем, а позади них было множество даймокцев, которых в последний раз она видела спящими. Сейчас они были довольно бодры, напевая, сложа руки и глядя прямо вперед.

— Мы не там! — Джордж и Маргарет вышли вперед.— Вы вмешались в игру повелителя! Вы не имеете права... -

Как один, даймокцы повернулись и посмотрели на пару, которая исчезла. Вместо них появилась книга. Нисса протянулась и взяла ее. Внутри был рисунок двух фигур, мужчины и женщины, в нижнем белье. Рядом, на обеих страницах, располагалась серия всевозможных костюмов с пунктиром, чтобы вырезать их и надеть на фигуры. Затем внимание Ниссы привлек гул самолета, летящего к ним. Взгляд даймокцев остановил его в воздушном пространстве, и он упал на землю, как камень, разбившись пополам. Адрик поднял осколок. Он был деревянным.

Тиган повернулась к Смотрителю.

— Вы уверены в этом?

— Да, — спокойно ответил он, а затем воскликнул:
— Сейчас, братья. Время пришло.

В сфере Доктор отчаянно соединял мозаику.

— Ваше время истекает, Игрушечник. Если игра в шахматы прекратилась, по Вашим собственным правилам честной игры это означает, что нас следует освободить.

— Только, когда та мозаика будет собрана, Доктор. Вы знаете, что произошло в прошлый раз. Помните трилогическую игру?

Доктор помнил. То более раннее столкновение. Побеждая, он фактически проиграл бы. Да, его тогдашние спутники, Стивен и Додо, сумели спасти ТАРДИС, но Доктор был бы принесен в жертву, он должен был остаться как игрушка Игрушечника. Та же судьба ждала снова, если он не сможет выиграть время.

На зеркале памяти изображение ландшафта сельской местности сменилось видом Даймока, парившего в космосе, с «Литтл Боем II» над ним. И Даймок сильно вибрировал.

В небесном магазине игрушек все еще тикали часы, но не было никого, чтобы услышать их. Область арочного дверного проема, где обычно стояли Джордж и Маргарет, была пуста, хотя закрытая книга лежала рядом на полу. Около опрокинутого соснового стола находилась шахматная доска, ряд красных фигур был разбросан по полу. Из белых единственными фигурами на полу были два слона. Над стропилами висел хвост разрушенного самолета. Под ним, на черном лакированном китайском стуле, лежал крошечный

игрушечный пилот, искривленный, словно потерпевший аварию. А среди набора маджонга на другом столе сидела марионетка, одетая в бордовое. Ее обычно спокойное накрашенное лицо, казалось, улыбалось...

В сфере Игрушечник поднял руку, чтобы остановить Лефевра и Стефана. Напротив них стояли Тиган, Смотритель и даймокцы.

— Сейчас, — прошипел Смотритель, и даймокцы повернулись к своему Богу — Доктор видел синие потрескивания умственной энергии, льющейся из них. Они использовали Смотрителя в качестве центра, чтобы сгруппировать все в один единственный всплеск. Когда энергия поразила Игрушечника, он возвратил ее, и сражение началось.

— Тиган...

— Нет, Доктор, — прокричала она. — Не подходи. Я знаю, что делаю. Доверься мне!

— Я доверяю тебе! Но действительно ли ты уверена?

Тиган гневно посмотрела на него. Другого подтверждения ему не потребовалось.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Ты уверена. Но незаметно для всех, он скрестил пальцы.

Игрушечник, казалось, выигрывал сражение, начав впитывать в себя исходящую энергию.

— Вы создали их, — закричала Тиган. — Вы можете забирать то, что они дают?

— Я создал? Я... ничего не создал... — Он слегка помедлил, затем возвратил свою порцию энергии.

Доктор заметил улыбку Тиган. Почему она улыбалась? Игрушечник побеждал... Но он должен был доверять ей. Она была основой его команды — координатор, как сказал он однажды. Он возвратился к мозаике, отчаянно пытаясь завершить ее, точнее, дойти до стадии, где требовалась одна последняя часть. И затем он был бы...

— Победа! — прокричал Игрушечник, и Доктор ошеломленно посмотрел на него.

Смотритель упал на колени, а в зеркале памяти Даймок сильно задрожал, а затем пропал. Волна чистой умственной энергии, казалось, исходила от небытия, которое заменило планету, нахлынув на «Литтл Бой II» перед исчезновением. Даймокцы также беззвучно исчезли.

Игрушечник обернулся к Доктору. Его лицо было заменено видом космоса, но в голосе, гремевшем по всей сфере, слышался восторг.

— Я победил!

ГЛАВА 6

ЛЮБЛЮ И НЕНАВИЖУ

— Победа за мной, Доктор. Наконец-то Вы будете уничтожены!

Окруженный Стефаном с одной стороны и Лефевром с другой, Игрушечник стоял и — его лицо медленно возвращалось — безумным взглядом смотрел на Доктора, находившегося рядом с мозаикой. — Смотрите, я даже возвращу Ваших пешек! Они смогут разделить Ваше страдание!

Из-за Игрушечника вышли Нисса и Адрик. Тиган все еще стояла рядом со Смотрителем, пристально глядящим на Доктора. Он пытался ему что-то сказать? Доктор посмотрел на лица своих спутников. Своих друзей. Что с ними сделает Игрушечник?

Стефан вытолкнул Адрика вперед.

— Взгляните на этого субъекта, Доктор. Он долго путешествовал с Вами.

Игрушечник был спокойнее и грустнее, чем обычно. Казалось, он потерял радость к жизни. Сейчас он выглядел просто загадочным существом,енным ненавистью, которая была направлена на Доктора — его самого старого противника. Доктор

внезапно понял разницу. Это был настоящий Игрушечник — сторона, которую он никогда не видел прежде. Во всех их предыдущих столкновениях Игрушечник частично был Раллоном, другом Доктора и коллегой по Прайдонской Академии. Но теперь Раллон исчез, его характер, его жизненная энергия и его нравственность были вычеркнуты из существования. Это было торжество Игрушечника. Его лицо снова изменялось на изображения звезд и планет — и он терял любое подобие человечности. Игрушечник был ничем иным, как пустой раковиной, физическим сосудом для своей силы.

Сознание Доктора вышло наружу — он больше не был в белой сфере Игрушечника, в границах своего тела. Он чувствовал, что его душа отделяется, пока не оказался среди галактик, неподвластных вакууму, эфиру и иллюзиям. Около него стоял Раллон, неизменный и столь же невинный, каким он был до того, как Игрушечник поглотил его несколько столетий назад.

— Подсказки вокруг тебя, Доктор. — Раллон не спускал глаз с Доктора. — Ты стал ленив, ожидая, что другие окажутся слабее, и позволяешь напустить себе пыли в глаза. Ты должен пережить это, ты должен приспособиться. Укрепиться. Измениться. Но не как я... мы сделали. Игрушечник не может полностью все контролировать, и я попробую ослабить его достаточно

для тебя, чтобы сбежать от него снова. Это будет не победа, а выживание. Ты все такой же, старый друг?

— Просто Доктор. Тэта. Улитка. Держись. Я пришел ради тебя. Как и раньше. Помочь тебе победить его, заставляя его сделать ошибки.

Раллон попытался коснуться сияющей формы Доктора.

— Я не звал тебя сознательно, но, думаю, что часть его, которой я являлся, поняла, что я умираю, и просила о помощи. Именно поэтому был создан Даймок — и все те спящие, сделавшие его своим Богом. Он нуждался в них, чтобы заменить те части меня, которые умерли. Я попытался намекнуть тебе. Ты понял про трилогическую игру на поверхности Даймока? Я думал, что это будет лучшей подсказкой, какую я мог дать, не привлекая внимания Игрушечника.

— Он знал, — сказал Доктор, и затем сделал паузу.
— Но думал, что он сам это сделал.

Раллон улыбнулся улыбкой осужденного на смерть, который знает, что его время на исходе.

— Ах, моя последняя уловка. Скажи мне, ты стал Повелителем Времени, Доктор?

Доктор кивнул.

— Это — мое пятое тело.

Раллон схватил его за плечи.

— Ты стал? Молодец! О, Доктор, у меня столько вопросов и нет времени, чтобы узнать ответы. Я не

могу держать его дольше в неведении. Я скучал по тебе, дружище.

— И я по тебе. Редко бывали дни, когда я не вспоминал о тебе и что я... я натворил. Ты уже стал Повелителем Времени, и я виноват, что лишил тебя будущего.

Раллон вздохнул.

— Виноват? О, Доктор, нет. Пожалуйста, не думай так. Это был несчастный случай. Миллennия и я сами приняли решение сопровождать тебя, таким образом, ты не должен чувствовать свою вину. Тем более, что, независимо от того, насколько зол Игрушечник, я могу сказать, что повидал многое. Я изучил множество вещей, от которых бы Делокс хватил удар! Кстати, как остальные? Кощей, например? Однажды у нас произошла стычка с Мортимусом. Мне кажется, Игрушечнику он понравился, эти двое очень схожи, и... В чем дело, дружище?

— Раллон, извини, но я должен знать, как остановить Игрушечника.

— Зачем?

— То есть?

— Зачем останавливать его? Он — универсальная сила, Доктор. Он — один из Стражей! Ты не сможешь остановить его. Ты не сможешь победить его. Ты должен просто обыграть.

— И как мне это сделать? — Доктор пожал плечами. — У меня нет ни одной идеи.

— Ты не должен останавливать его, Доктор. Ты нужен мне, чтобы отвлечь его. Ответ бросается в глаза, Доктор. Это — все, что я могу сказать.

И Доктор вернулся в сферу. Смотритель касался его щеки.

— Он очнулся, Бог, — сказал старик.

Адрик, Нисса и Тиган все еще стояли рядом с Игрушечником. Доктор покачал головой, чтобы обдумать новые сведения. Раллон использовал последнюю энергию, чтобы попрощаться?

Игрушечник продолжал говорить об Адрике.

— Вы обещали ему настоящую жизнь, Доктор, полную приключений и опасностей, но Вы ограничиваете его. Вы игнорируете его потенциал из страха, что он узурпирует Вашу собственную власть. Адрик похож на меня, Доктор — он из другой Вселенной, с уникальным талантом. Но как Вы поступаете с ним? Он заслуживает лучшего. И Нисса Тракенская. Вы обещали помочь ей найти своего отца. Ну, Вы сделали это — он похоронен глубоко внутри Кощ... глубоко в пределах Мастера.

Раллон все еще находился в нем. Игрушечник никогда бы не произнес настоящее имя Мастера, если бы его там не было. Его сила воли была удивительна. Но почему? Что он планировал сделать?

— Однако, — сказал Игрушечник, — хотя Вы полагали, что могли бы спасти своего друга Раллона, Вы не предприняли ничего, чтобы спасти Тремаса. Выполнить свое обещание перед этой бедной сиротой? Конечно, нет. Вы, возможно, сделали бы это, но такая ситуация подходила больше — у Вас был Мастер, который путешествовал, сея разрушения, чтобы на его фоне Вы выглядели героем. Вы — эгоист, Доктор, и однажды Вы проявите это в полной мере. — Он перешел к Тиган. — И эта бедная девочка. Жаждущая вернуться домой, к своей матери, думающей, что потеряла дочь. Вы должны были вернуть ее в Хитроу 28 февраля 1981 года, но всякий раз ошибались в расчетах. Вы нуждаетесь в этих людях вокруг себя — потому, что они разбиты, Доктор. — Лицо Игрушечника восстановилось, но его дикий взгляд наводил на размышления, что он все-таки не владел собой полностью. — Они — сироты, — продолжил Игрушечник. — Они эмоционально сломаны и нуждаются в защитнике. Окружая себя такими, как они, Вы чувствуете себя лучше. Посмотрите на себя, Доктор. Вы находитесь в своем пятом воплощении, но выглядите всего лишь старше, чем они. — Игрушечник внезапно оказался в стороне, дотрагиваясь до мозаики. — С такими, как они, полной противоположностью Романе, Зои, Сьюзан и Лиз Шоу, Вы чувствуете себя вполне уверенным. Видимо, Вы встревожены своим

юным видом, к которому никто не относится серьезно. Вы вызываете жалость, Доктор, и Вы проиграли эту партию. Я могу дать каждому из этих людей то, что они хотят, Доктор. — Игрушечник снова переместился, теперь он находился среди спутников Доктора. — Я могу переместить Адрика на Террадон, где его появление могло бы помочь развитию примитивных жителей. — Он положил руку на голову Ниссы. — Я могу отделить Мастера и Тремаса, Доктор. Нисса может начать новую жизнь на любой планете, ее отец будет рядом. — Он поместил руку на плечо Тиган. — Забудьте про Хитроу, Доктор, я могу переместить Тиган Джованку обратно. — Он обратился к самой Тиган. — Я мог бы даже вернуть Вашего отца в полном здравии. Никто никогда не узнал бы. — Он улыбнулся Доктору. — Все, что Вы должны сделать — это оставить Доктора со мной. Навсегда. — Щелчкнув пальцами, Игрушечник перенес к ним Волшебного Робота. Вместе с ним появились командир Оуквуд, Брон, Десоргер и Таунсенд. Они быстро поняли ситуацию, и Доктор обрадовался, увидев их целыми и невредимыми. Игрушечник поднял палец, чтобы предотвратить следующий вопрос Доктора. — Ах, да, — произнес он, — они также вернутся на свою смешную станцию. Их умы не стоит эксплуатировать. Вы, Доктор, Вы — мой приз, мой главный выигрыш.

Доктор достал последнюю часть из своего кармана и подержал перед мозаикой, как будто проверяя, что она соответствует оставшемуся пространству.

— Если я положу на место этот последний кусочек, Игрушечник, твоя сфера исчезнет.

— Конечно, ее время существования — эта игра, которая, как и многие перед ней, будет закончена.

— Мои друзья отправятся по домам, Вы начнете снова, и я стану новой игрушкой. — Доктор указал на Лефевра и Стефана. — Такой, как они?

Игрушечник повернулся к зеркалу памяти.

— Нет, Доктор, Вы присоединитесь к своему другу.

Впервые, начиная с его первого посещения магазина игрушек несколько веков назад, Доктор увидел маленькую марионетку с раскрашенным лицом и деревянными конечностями. Она носила бордовую одежду Прайдонской Академии и сидела на лакированном китайском столе.

— Забавно, что Вы никогда не спрашивали о ней, Доктор. — Игрушечник повернулся к Тиган и остальным. — Видите, как он относится к своим спутникам? Она была здесь в течение многих столетий, но Доктор даже не вспоминал про нее. — Он вернулся к Доктору и махнул своим кольцом перед зеркалом, убирая изображение. — Игра закончена, Доктор. Чтобы освободить своих друзей, Вы должны поместить последнюю часть в мозаику.

Доктор потянулся, чтобы сделать это, но трое его спутников закричали, чтобы он остановился.

— Я знаю, что мой отец мертв, — кричала Нисса.
— Он лжет!

— Я не хочу возвращаться в Е-пространство, Доктор. Мне нравится быть здесь. С тобой! — Адрик умоляюще смотрел на Доктора.

Не было ли это уловкой? Возможно, Игрушечник управлял ими?

— Тиган?

Тиган посмотрела на него.

— Я хотела бы вернуться домой, Доктор. Но не за счет твоей жизни. Из того, что я видела, Вселенная нуждается в тебе больше, чем Брисбен нуждается во мне.

Доктор усмехнулся.

— Игра окончена, Игрушечник. Шах и мат, число сто в квадрате и финал «Кто моргнет первым».

Он сознательно бросил часть мозаики на пол. Игрушечник испустил громкий крик и упал на колени, его лицо вновь потемнело.

В смятении Гайлорд Лефевр и Стефан бросились бежать. И Брон воспользовался ситуацией. Он обогнул робота и догнал Лефевра, который, не будучи солдатом, легко сдался. Сотрудник службы безопасности бросил его на пол, зажал голову между коленей и стал яростно поворачивать. Последовавший треск был громче, чем

все ожидали, и Брон отвлекся от того, на кого он должен был сразу обратить внимание. Несколько секунд, которые потребовались, чтобы убить Лефевра, дали Стефану время, в котором он нуждался.

— Брон!

Но предупреждение Оуквуда прозвучало слишком поздно — кинжал Стефана торчал в горле Брана. Он упал на белый пол, умирая так же тихо, как жил. Стефан приготовил новый кинжал, но робот уже схватил Таунсенд и Оуквуда. Он смотрел на Десоргера, умоляя не вмешиваться. Десоргер взглянул на оба трупа — белая униформа Брана становилась розовой, впитывая его кровь — и отошел, сдаваясь.

— Молодец, парень, — сказал Оуквуд. — Нет смысла потерять и тебя.

Внимание Доктора, тем временем, была поглощено Игрушечником, который раскачивался, готовый свалиться. Затем он резко упал на землю. Но часть его, казалось, оставалась стоять на коленях. Это было тело, искривленное и искалеченное до неузнаваемости, лысое, белое и изможденное, будучи чуть больше, чем тонким слоем кожи на костях. Глаза закрыты, вместо носа и рта — просто маленькие отверстия.

— Я победил его, — послышался слабый голос из груди, которая хрипела, видимо, впервые дыша должным образом за многие века. — Я регенерировал двенадцать раз подряд и разрушил его полностью.

— Раллон? — Доктор тут же очутился рядом с другом, обнимая его, но испугался, что может сломать его.

— Мы добрались туда, Тэта? Мы нашли Игрушечника? — На мгновение Доктор смутился, но понял, что ум Раллона был все это время в стороне, и повторялись его воспоминания о захвате.

— Тэта, ты еще здесь? Я не вижу... — Голос задрожал и он закашлял. Доктор был уверен, что услышал скрип рёбер.

— Милления? Милления, любовь моя? Я буду скучать по тебе. Ты здесь?

Доктор собирался ответить отрицательно, когда подошла Нисса. Она мягко взяла Раллона за руку.

— Я здесь, любовь моя, — сказала она. — Я всегда буду рядом с тобой.

Раллон вздохнул.

— Я... люблю тебя...

И самый старый друг Доктора умер.

— Спасибо, — обратился Доктор к Ниссе. — Это было... мило с твоей стороны.

Нисса посмотрела на него, на ее лице отражались различные эмоции. Он не знал, которая из них победит. В конечном счете, она отпустила руки Раллона.

— Мне нужен покой, Доктор, — сказала она. — Всем нам. Никаких монстров, никакой опасности, время, чтобы побывать самими собой.

Доктор кивнул.

— Начиная с моей регенерации это было нечто вроде американских горок, так? Думаю, в твоих словах есть смысл.

Он посмотрел на Игрушечника, все еще лежащего возле них.

— Он мертв? — спросила Тиган.

— О, нет, но будет очень слаб еще какое-то время.

Доктор снял с пальца Игрушечника кольцо и провел им перед зеркалом памяти. Вместо своих мыслей, они с Ниссой увидели Раллона и Миллению, идущих через розарий, цветущий и приятный. На мгновение Доктор закрыл глаза и улыбнулся.

— Счастливые дни, — сказал он. — И их будет еще очень много.

Затем он бросил кольцо в зеркало, разбив его на крошечные фрагменты. Вся сфера начала дрожать, сопровождаясь громом, который заставил их говорить громче, чтобы услышать друг друга.

— Стефан, — мрачно сказал Доктор, — Ваш повелитель нуждается в помощи, возможно, в новом теле, чтобы поддержать его. Вы примете вызов?

Но Стефан закричал и отошел, размахивая кинжалом так, чтобы никто не мог подойти к нему. Затем он повернулся и побежал, пока не скрылся из вида.

— Это — моя работа, — послышался другой, старый, голос.

— Смотритель! — громко произнес Адрик. — Он собирается оживить Игрушечника!

Смотритель повернулся и посмотрел прямо на Доктора. И улыбнулся. На мгновение его лицо изменилось. Кожа оливкового цвета, темные волосы, улыбчивые глаза.

— Раллон?! — закричал Доктор. И затем понял. — Даймок. Это не было созданием Игрушечника, это не было его иллюзией, это был Раллон! Когда Даймок разрушился — он перестал быть источником силы Игрушечника. И это помогло Раллону, он вернул всю собственную энергию назад в себя и использовал Игрушечника как медиума. Вот это трюк! И, конечно, это дало ему последнюю часть энергии, в которой он нуждался.

— Я знаю, — крикнула Тиган ему в ответ. — Смотритель открыл мне свой план. Именно поэтому мы разрушили фантастический ландшафт — чтобы спутать Игрушечника, дать время Смотителю, чтобы сделать то, что он должен был сделать! И остановить ту игру в шахматы, конечно. Это было моим дополнением к плану.

— Ну, спасибо, — сказал Адрик. — На этот раз я действительно тебе благодарен.

Доктор согласился с ним.

— Я жалею, что сомневался в тебе, Тиган. Иногда ты стоишь на вес золота.

— Только иногда? — улыбнулась она. Затем указала на что-то позади его. — Доктор, смотри!

Смотритель, казалось, растворялся в Игрушечнике.

— Тиган, Нисса, нам нужно срочно уходить отсюда. Адрик, сообщи командиру и остальным.

— Но робот...

— Думаю, сейчас он дезактивирован.

Конечно же, робот лежал на спине, монитор был разбит, и масло стекало по его суставам. Таунсенд и Оуквуд были освобождены Десоргером, и поскольку все спешили, он просто пнул по роботу, чтобы удостовериться. Оуквуд наклонился, чтобы проверить, жив ли Брон, затем со вздохом выпрямился.

— Я сожалею, командир, — сказал Доктор, но Оуквуд остановил его.

— Мы сможем погоревать о нем и о Дитер позже. Куда мы торопимся сейчас? Игрушечник побежден, а Стефан сбежал.

— О, нет, — ответил Доктор. — Разве Вы не понимаете? Игрушечник вовсе не побежден. Раллон знал, что должен контролировать Игрушечника, но спустя все то время, что он находился в ловушке, он почувствовал, что умирает. Именно поэтому Раллон позвал меня сюда — не чтобы отделить его от

Игрушечника, а чтобы освободить его так, чтобы другой мог вступить во владение.

— Но никто не сделал бы это по собственному желанию? — спросил Адрик.

Тиган начала понимать.

— Смотритель сделал.

Доктор кивнул.

— Да, и в этом суть. Вспомните, Даймок был иллюзией, иллюзией Раллона. Или, точнее, результатом огромной умственной силы — вроде этой сферы. — Он стал говорить быстрее, поскольку остальные затаили дыхание. — Даже Игрушечник поверил в это, он считал, что даймокцы существовали и поклонялись ему как Богу. Но все это было ловушкой. Раллон, конечно, изучил некоторые приемы Игрушечника, но в глубине души он по-прежнему оставался Повелителем Времени. Он сказал мне, что ответ бросается в глаза, и он был прав. Я считал, что он имеет в виду мозаику, но нет, это было буквально.

— Смотритель! — воскликнула Нисса. — Это же просто синоним для...

— Молодец, Нисса, я рад, что ты догадалась, — ответил Доктор. — Синоним для Наблюдателя.

Удивленный Адрик слегка отстранился.

— Ты хочешь сказать, что Смотритель был...?

— Проекцией, тенью. Тем, что смогли создать Повелители Времени — проекция новой или

альтернативной версии самого себя еще до регенерации. И это — то, что сделал Раллон, только Игрушечник не понимал этого. Тень не содержит реального вещества, но содержит сущность того, что было и есть. Смотритель был тринадцатью проекциями в одной — в них оказалось достаточно вещества, что заставить Игрушечника играть по своим правилам.

Лица остальных, особенно людей с «Литтл Боя II», выражали недоумение. Доктор вздохнул.

— О, это — как будто Игрушечник регенерировал. Он будет выглядеть точно так же, мечтать о тех же самых вещах, хотя будут и некоторые отличия, как всегда бывает после регенерации.

— Будем надеяться, что он изменился к лучшему, — начала Нисса. В этот момент гром прекратился, и наступила полнейшая тишина. Нисса посмотрела вниз и узнала огромную тень. Над ними, в тридцать или сорок футов высотой, возвышался Игрушечник.

— Новые игрушки, — сказал он, продолжая рasti.

— Кажется, план Раллона провалился, — пробормотала Тиган.

— Думаю, ты права, — подтвердил Доктор.

— Единственный выход из этой сферы, Доктор, состоит в том, чтобы завершить ту мозаику, так? — спросил Десоргер.

Доктор не сразу смог ответить.

— Да, — в итоге сказал он. — Да, это — то, что я должен сделать. Возможно, теперь у Игрушечника есть новая личность Раллона, и я смогу найти способ управлять им, чтобы впоследствии спастиесь. Тем не менее, это — единственный способ отправить вас домой. — Он посмотрел на спутников. — Тиган, ты — координатор, помнишь? Бери управление на себя. Возьми Ниссу и Адрика в ТАРДИС. Она переместит вас, куда нужно.

— Но доктор, я...

Он обнял ее за плечи, посмотрев тем самым пристальным взглядом.

— Храброе сердце, Тиган, — начал он говорить, но остановился, поскольку Десоргер поднял кусочек с пола и вставил его в мозаику.

Доктор попытался дотянуться до него, так же, как и Оуквуд, но внезапно возникший водоворот отодвинул их. Стал слышен смех Игрушечника, поскольку его сфера начала разбиваться — как и мозаика, части которой стремительно уменьшались. Они с трудом различали Десоргера — казалось, он стал частью мозаики, его страдающее лицо было последним, что увидел Доктор перед тем, как кусочки исчезли. Зрение Доктора помутнело, и он закричал от боли, совсем как Игрушечник. Сфера исчезла в завывающем вихре.

* * *

Они лежали на полу ТАРДИС, все шестеро. Доктор поднялся первым, чтобы активировать сканер, на котором появилось изображение грузового отсека «Литтл Боя II». Оуквуд тут же оказался рядом.

— Это — Ваш корабль?

Доктор кивнул, помогая Тиган вставать. Адрик помог Таунсенд, а затем Ниссе.

— Как мы здесь очутились? — спросила Тиган.

Нисса коснулась одной из стен.

— Она спасла нас, ведь так, Доктор? ТАРДИС спасла нас — она знала, что мы должны оказаться в безопасности.

— Где-то, где Игрушечник не смог бы достать нас, — улыбнулся Доктор. — Возможно, Нисса. Возможно.

Таунсенд посмотрела на сканер ТАРДИС, который показывал обычный космос и «Литтл Бой II» в верхнем левом углу.

— Мэтт Десоргер? — спросила она, уже зная ответ.

Доктор покачал головой.

— Его храбрость спасла всех нас. Возможно, однажды я смогу вытащить его из небесного магазина игрушек.

Тиган в изумлении посмотрела на него. В конце концов, они только что пережили сражение, продемонстрировавшее силу Игрушечника. Но Доктор по-прежнему видел во всем только светлую сторону. Она не знала, обнять его или ударить.

Оуквуд взглянул на Таунсенд.

— У нас есть работа, Сара. Команда, вероятно, думает, что мы мертвы.

— Если они помнят, кто вы, — добавил Адрик.

— О, я думаю, что их разум прояснится, Адрик. И спасибо, что высказал мою мысль. — Доктор протянул руку Оуквуду, но командир покачал головой.

— Простите, Доктор, но я не могу вот так взять и сказать «забудем». Слишком много всего произошло.

— Я понимаю, командир. Могу я выразить Вам свою благодарность и сожаление?

— Да, Доктор, спасибо.

Не дожидаясь просьбы, Нисса открыла двери ТАРДИС, и Оуквуд с Таунсенд вышли наружу. В последнюю минуту Таунсенд обернулась и произнесла

— Прощайте.

— Мы можем уйти отсюда, пожалуйста? — спросила Нисса.

Доктор включил двигатели ТАРДИС, и через секунду они вернулись в пределы пространственно-временной воронки.

— Это сделал Игрушечник, — просто сказал он. — Он взял все наши подсознательные мысли и дал им голос, которого у нас никогда не будет, чтобы озвучить самостоятельно.

Тиган задумалась. Наверно, это было правдой — она, конечно, не держала зла на Доктора, хотя ее

расстраивала мысль, что она находилась здесь, в то время как ее отец, возможно, умер в другом месте. Но какой в этом смысл? Встречные обвинения не красят Вас нигде, говорила тетя Ванесса. Возможно, она была права. Забудь Хитроу. Забудь рейсы в Австралию. Это — время, чтобы забыть о своих потерях, Тиган Джованка, и начать двигаться дальше. ТАРДИС вернет ее домой спустя какое-то время, но сейчас именно эти люди — ее семья, и пришло время прекратить бороться с ними. Она посмотрела на Адрика. И впервые заметила, что он не был таким уж маленьким мальчиком. Да, у него, без сомнения, по-прежнему оставалась привычка перечить и хныкать, но в целом, это был молодой человек, который однажды станет самостоятельным. Он имел право на это. И Нисса. Независимо от того, что произошло между нею и Доктором относительно Тремаса и Мастера. Нисса не выглядела счастливой, но она приспособится. Она обладала внутренней силой. Тиган пожалела, что не может быть похожей на нее. А Доктор? Он смотрел на них — невозможно старые глаза, запертыe в молодом теле, отражающие мудрость и опыт сотен сражений, исследований и событий.

— Я думаю, что мы нуждаемся в хорошем отдыхе, — спокойно сказала Тиган. — Где-нибудь в мирном и идиллическом месте, без монстров, суперзлодеев или космических бедствий.

— Хитроу, 1981? — предложил он, и Тиган удивилась собственной уверенности.

— Нет. Не сейчас. — Она посмотрела на Адрика и Ниссу. — Но пока Доктор разбирается с этим, думаю, что нам всем нужен отдых.

Доктор взглянул на сканер. Один за другим его спутники тихо покинули комнату управления, идя в свои спальни. Тиган взяла на себя управление — он всегда верил, что она была бы отличным координатором ТАРДИС. Сканер показал пространственно-временную воронку, несметное количество возможностей. Доктор подумал о Раллоне, о том, чего он был лишен все эти годы. И его заключительной жертве. Он не проиграл, но и не победил. Однако, против столь сильного противника как Страж Мечтаний, он выстоял лучше, чем мог бы надеяться. Доктор посмотрел на внутреннюю дверь, за которую ушли остальные. Время излечит их. Он задался вопросом, излечит ли оно и его.

РАУНД 4

ДОПОЛНЕНИЕ

ГЛАВА 1

ВСЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Поднимаясь на капитанский мостик «Литтл Боя II» командир Кристан Оуквуд снова провел пальцем по внутренней поверхности высокого воротника, понимая, что, как бы он ни хотел, он вряд ли станет стройнее.

— Нужно было попросить Доктора оставить Игрушечника, чтобы сбросить вес в его играх, — пробормотал он.

— Это не смешно, — сказала Сара Таунсенд, услышав его.

Оуквуд пожал плечами.

— Думаю, что нет. — Он взглянул на отчеты со станции, интересно, сможет ли он вспомнить имя той рыжей девушки, сменившей Мэтта Десоргера. Она выглядела слишком юной даже для того, чтобы закончить колледж, не говоря уже о работе на мостике.
— Все меняется, Сара. И мне нужно заполнить отчеты. Во-первых, как мне объяснить, что Даймок исчез.

— Его там никогда не было, — предложил Ники Паладопус, подходя к командиру.

Оуквуд задумался.

— Нет, там что-то было, Ники. То, что видели три наших команды. Я не заполнял отчеты с тех пор, как был младшим офицером на последней войне. Меньше всего я ожидал, что придется делать это здесь.

Сара Таунсенд положила руку ему на плечо.

— У нас даже не осталось тел. Что мы скажем их семьям, Крис?

Оуквуд покачал головой и вздохнул.

— Я честно не знаю, Сара. Думаю, что я изменился — черт, я думаю, мы все изменились из-за этого. Я не уверен, что это к лучшему. Все, что я хочу сделать — это достать корабль, чтобы забрать нас всех отсюда и взорвать это место. Но это — не лучшая идея, так ведь?

Паладопус покачал головой.

— Может, и нет, босс, но это понятно. Экипаж хочет вернуться домой, я тоже. Чем раньше, тем лучше.

Оуквуд кивнул и ударил кулаком по своему коммуникатору.

— Докладывает командир К. Дж. Оуквуд. Срочное сообщение для Земли, красный код приоритета. Даймок исчез. Станция «Литтл Бой II» выполнила свою задачу. Запрос о перемещении всего экипажа как можно скорее. Команда сделает полный отчет по возвращении на Землю. — Он нажал на кнопку «Отправить». — По крайней мере, мы устроим небольшой переполох. — Он посмотрел на коммуникатор и улыбнулся. — Теперь я

стал Смертью. Разрушителем миров. Супер, спасибо, Доктор.

— Простите, босс?

— Ничего, Ники. Доктор кое-что рассказал мне об этой станции, когда мы прилетели на Даймок. То, что никогда не приходило мне в голову.— Он посмотрел на двух своих офицеров. — Мы должны научиться задавать вопросы в будущем. Без вопросов мы становимся немым стадом. Как те бедные люди с Даймока, рабы своего Хозяина. Когда мы задаем вопросы, наши хозяева всегда должны отвечать. — Он рассмеялся. — И их должно хоть что-нибудь раздражать. — Он ударил по коммуникатору, на сей раз включив внутренний передатчик станции. — Внимание всему экипажу. Мы собираемся домой, наше дежурство окончено. В течение двух недель здесь должно появиться судно, чтобы благополучно доставить нас на Землю. Начать процедуру посадки — я хочу, чтобы это место было покинуто при первой возможности. Я знаю, что у меня будет возможность сказать это каждому из вас прежде, чем мы пойдем своей дорогой, но все равно, спасибо. Все вы работали безупречно при странных обстоятельствах. Я горжусь вами.— Он выключил коммуникатор. — Хорошо, ребятки, начинаем искать новые рабочие места.

ГЛАВА 2

ВАЛЬС ПОБЕДЫ

Небесный Игрушечник стоял среди развалин небесного магазина игрушек — части своего царства, существовавшей за пределами Вселенной. Связанный с ним, он не мог быть уничтожен, пока существовал Игрушечник. Но недавние перемены отразились и на его обители — игрушки повсюду разбросаны, некоторые из них сломаны, некоторые подлежали ремонту, некоторые — нет. Сверху, через разрушенный потолок, проникал бледный свет, отбрасывая странные полутени от миниатюрных фигур, лежащих на полу. Пылинки парили в воздухе, наслаждаясь новым свободным пространством, которое, вероятно, скоро опять заполнится. Раллон исчез. Без него Игрушечник был временно поврежден, но благодаря хитрости Раллона, он недолго оставался в таком положении. Ему нужно было что-нибудь сказать Стефану, который суетился, ухаживая за своим повелителем. Что-нибудь, чтобы успокоить его.

— Забавно, Стефан, не правда ли, что три ума, которые я хотел исследовать, предложили очень мало, даже Доктор. И Раллон ничуть не удивил меня — я

знал, что он был милым маленьким интриганом. Как жаль, что та версия, к которой я привык — исчезла. Возможно, Стефан, это стало для меня хорошим уроком. И его тень, что я впитал, может обещать ... интересное развлечение ... пока мы восстанавливаем царство.

— Он ушел не навсегда?

Игрушечник рассмеялся.

— Ах, бедный Стефан, конечно, нет. Человек ... как его звали? Ах, да, Десоргер. Его жертва была напрасной. Меня нельзя победить. Я — именно то, во что верили эти смешные даймокцы. Бог. Я — один из Древних. Я — Страж, Стефан, Страж Мечтаний. Я существую в качестве противовеса другим Стражам. Страж Света. Страж Хаоса. Страж Правосудия. И два Стража... Ну, так или иначе ... мы наблюдаем иллюзии и их трогательно короткую жизнь. Мы наблюдаем силы в чистом виде... или нет ...в их будничном существовании, кажущимся больше, чем оно есть на самом деле. Время. Смерть. Боль. Свет. Какие жалкие существа они на самом деле. — Игрушечник щелкнул пальцами, и на его ладони появилась новая игрушка. Одетая в белое, она держала шлем и бластер. Если бы Стефан потрудился рассмотреть поближе, он бы узнал лицо Десоргера. — Пора все перестроить, — вздохнул Игрушечник, размешая новую игрушку на китайском лакированном столе, где раньше сидела кукла

Милления. Если он и заметил ее отсутствие, он не стал комментировать. Или волноваться. — Игрушки, по местам, — крикнул он. — Пора уходить, — произнес он в сторону Стефана.

— Что же теперь, повелитель? — спросил Стефан..

— Пока область восстанавливается, верный Стефан, мы должны искать новые развлечения. — Стефан внимательно посмотрел на него. С Раллоном в его повелителе присутствовало чувство нравственности, добра и зла. Но этот новый Игрушечник был холoden и суров. Его мгновенное осуждение своих коллег Стражей и Древних (и особенно иллюзий — к чему, в конце концов, относился и Стефан) — было нехарактерно для него. Возможно, причиной тому являлась регенерация — Раллон, Доктор и прочие Повелители Времени становились новыми личностями с новыми взглядами. Игрушечник выглядел прежним, но он не был таким. По крайней мере, не сейчас. — Я изучил умы, которые Раллон ... Смотритель ... видели, — сказал Игрушечник. — Планета Земля притягивает Доктора — девушка Тиган Джованка была оттуда, не знаю, из какого времени. Она знала о местах, называемых парками развлечений. Звучит заманчиво, ты не находишь? — Он улыбнулся Стефану.

— Да, хозяин. Возьмете ли Вы нас туда, где мы сможем восстановить свою империю? Повелевать слабыми и немощными?

Игрушечник порылся в памяти Смотрителя, и таким образом узнал все, что было в уме Тиган. Затем он улыбнулся Стефану.

— Хорошо, — сказал он. — Направляемся в Блэкпул!

ГЛАВА 3

ЛУЧШИЕ ГОДЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Дракс сбежал с Галлифрея и очутился на Земле, где его технические навыки, в конечном итоге, принесли неприятности с властями. После заключения в тюрьму Брикстон в Лондоне он принял предложение Тени, агента Стража Хаоса, построить военный компьютер Менталис. В конце концов, деньги есть деньги. Ушас также покинула Галлифрей. Чувствуя, что ей никогда не простят пустячный инцидент с крошечными добавлениями ген мышей в кошку президента, она покинула общество Повелителей Времени и поселилась на планете Миасамория Гориа. Она по-прежнему правит там как Рани, несмотря на небольшое количество подданных. Она враждует с большей частью выпускников Академии, в том числе, и с Доктором. Кощей, оставивший Галлифрей в поисках счастья, натолкнулся на злую силу на Даркхарте, которая направила его действия в новое русло. Он был одержим идеей универсального господства, и Доктор стал его противником. Эти двое сражались множество раз, во многих временах и местах, и Кощей всегда

пытался получить власть над Доктором. Мортимус ушел с Галлифрея больше от скуки. Не будучи по-настоящему злым, он увлекся планетой Земля и отправился туда, намереваясь поиграть со временем. Он предоставил норманнам атомную пушку в одиннадцатом веке, положил деньги в банк вперед на несколько тысяч лет, чтобы получить миллионы с процентов, и прочее в том же духе. Он совершил ошибку, присоединившись к далекам, ледяным воинам и других злодеям. Особенно глупой была его связь с Артемисом Хроновором, который угнал ТАРДИС вместе с ним внутри, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Магнус — единственный из Деки, кто покинул Галлифрей, чтобы встретить постыдный конец. Одержаный пришельцами и военными играми, он сбежал из дома и присоединился к ним, предложив услуги по созданию ТАРДИС. Он утверждал, что он сознательно строил их с дефектами, чтобы пришельцы всегда в нем нуждались. Главнокомандующий, однако, оказался не так глуп, хотя и был подвержен приступам паранойи. И они подтвердились, когда окончательная схема военной игры Магнуса развалилась, и Повелители Времени вновь выполнили свою угрозу стирания. Ванселл, будучи подхалимом, отказался от поддельной жизни в Академии и работал как «уважаемый» (вероятно) координатор между Верховным Советом и Небесным Агентством по

Вмешательству. Не слишком приятная работа сделала Ванселла не слишком приятным Повелителем Времени. Джелпакс же, напротив, стал, гордостью кардинала Борусы — только один из Деки остался верен своим привязанностям. Он поступил в аспирантуру и, в конечном итоге, присоединился к регистраторам, следя за проблемами, возникающими в четырех или пяти малых галактиках. Это его команда предвидела, что в будущем далеки добываются господства над остальными расами, и именно он помог подготовить план, чтобы остановить, или, по крайней мере, значительно изменить их в прошлом, чтобы повлиять на будущих далеков. Джелпакс интересовался многим, особенно историей Темных Времен, и позднее это привело его к должности координатора. Он оставался верен Борусе и Галлифрею, и был одним из главных сторонников кардинала на выборах Председателя Совета. Когда Боруса восстал, он использовал ряд элементов из Темных Времен. Но все знали о его дружбе с Джелпаксом. В результате Джелпакс был смещен со своего поста в сети АРС и стал прославленным регулировщиком, поднимая и опуская трансдукционные барьеры. Не самая подходящая работа для того, кто когда-то был назван «гордостью нового поколения Повелителей Времени». А Раллон и Миллennия? Их имена были стерты из истории. Повелители Времени действительно были хороши в

такого рода вещах — пропаганде добра для спасения души и прочем.

А что же Доктор? Ну, он все еще здесь, исправляет ошибки, борется со злом и спасает угнетенных. Кроме того, он, вероятно, самый довольный из всех них.